

**ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

**Тезисы докладов
международной конференции**

**Двенадцатые Шмелевские чтения
(24-26 февраля 2018 г.)**

**Москва
2018**

Редакционная коллегия:

*А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин,
Н. Н. Розанова, Р. И. Розина.*

Ответственный редактор *Л. П. Крысин*

© Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авина Н. Ю.</i> (Вильнюс). Особенности словоизменения иноязычной лексики (на материале литовско-русского языкового контактирования)	6
<i>Апресян В. Ю.</i> (Москва). Разрешение неоднозначности сфер действия во фразах с отрицанием и квантором всеобщности: релевантные факторы	7
<i>Балашова Л. В.</i> (Саратов). Концептуальная метафорическая модель: словообразовательный и грамматический аспекты	8
<i>Баранов А. Н., Добровольский Д. О.</i> (Москва). «Дублетные» идиомы	9
<i>Брагина Н. Г.</i> (Москва). <i>Красавица и умница</i> : концептуальное согласование в сочинительных конструкциях	10
<i>Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.</i> (Новосибирск). Метафорические глаголы говорения в русском и итальянском языках	11
<i>Вепрева И. Т.</i> (Екатеринбург). <i>Уральский характер</i> : об употреблении относительного прилагательного в качественном значении	13
<i>Галямина Ю. Е.</i> (Москва). <i>Они умеют в русский язык</i> : аккузативная модель управления в глаголах с модальным значением в интернет-коммуникации	14
<i>Голанова Е. И.</i> (Москва). Многозначность суффиксальных универбов и ее отражение в «Толковом словаре русской разговорной речи»	16
<i>Григорьева Т. М.</i> (Красноярск). Русское <i>спасибо</i> : семантико-грамматические наблюдения	17
<i>Дегальцева А. В.</i> (Саратов). Роль семантико-синтаксических особенностей наречий в организации смысла русского предложения	19
<i>Дементьев В. В.</i> (Саратов). Цепочки речежанровой системности: лексикализация и грамматикализация звеньев	20
<i>Дымарский М. Я.</i> (Санкт-Петербург). К лексической избирательности синтаксических моделей	21
<i>Ермакова О. П.</i> (Калуга). Парадигматически ограниченные метонимические значения	23
<i>Зализняк Анна А.</i> (Москва). <i>Засветло или затемно?</i> К вопросу о месте энантиосемии в семантической деривации	24
<i>Занадворова А. В.</i> (Москва). Проблемы словарного описания глаголов с приставками <i>под-, при-</i> в "Толковом словаре русской разговорной речи"	27
<i>Ильин Д. Ю.</i> (Волгоград). Проблемы кодификации грамматической нормы образования субстантивных форм именительного падежа множественного числа и их отражение в региональной прессе	28
<i>Иомдин Л. Л.</i> (Москва). О словаре микросинтаксических конструкций русского языка	29
<i>Иссерс О. С.</i> (Омск). Лексико-грамматическая адаптация в современном русском языке англицизмов из сферы моды (на примере заимствования <i>must have</i>)	31
<i>Какорина Е. В.</i> (Москва). Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (На материале работы над «Толковым словарем русской разговорной речи»)	32
<i>Кара-Мурза Е. С.</i> (Москва). Русский рекламный: к вопросу о функциональных разновидностях языка	35
<i>Карасик В. И.</i> (Волгоград). Дискурсивная специфика англоязычного проникновения в современную грамматику русского языка	37
<i>Качинская И. Б.</i> (Москва). Грамматика в Словаре «Термины родства в архангельских говорах»	39
<i>Клушина Н. И.</i> (Москва). К проблеме медийного варианта языковой нормы	40
<i>Кормилицына М. А.</i> (Саратов). Лексемы с пропозитивными смыслами как инструменты усложнения содержания простого предложения	41

<i>Красных В. В.</i> (Москва). Словарь и грамматика лингвокультуры: проблемы и перспективы	42
<i>Крейдлин Г. Е.</i> (Москва). Невербальные и смешанные коммуникативные табу в разных культурах	44
<i>Крысин Л. П.</i> (Москва). Коммуникативно актуальные смыслы и их лексико-грамматическое выражение в повседневной речи	45
<i>Кустова Г. И.</i> (Москва). Неагентивные конструкции со значением неудачи субъекта	47
<i>Левонтина И. Б.</i> (Москва). Об одном случае рассогласования толкования и модели управления	48
<i>Леонтьева А. Л.</i> (Москва), <i>Литвинцева К. В.</i> (Москва). <i>Стало быть, по-русски так говорят?</i> Конструкция <i>стало быть</i> в русском языке: история и современность	48
<i>Маринова Е. В.</i> (Нижний Новгород). Влияние полисемии иноязычного слова на его грамматические признаки (на материале русского языка новейшего периода)	50
<i>Мечковская Н. Б.</i> (Минск). Лексико-синтаксическая организация речевых актов: воспроизводимость и идиоматичность на службе у прагматики	51
<i>Милёхина Т. А.</i> (Харбин). Взаимодействие лексики и грамматики в корпоративной речи	52
<i>Михайлова О. А.</i> (Екатеринбург). Грамматические факторы развития энантиосемии	53
<i>Мишанкина Н. А.</i> (Томск). Семантика словообразовательных аффиксов в формировании концептуальной структуры метафорического термина	55
<i>Никитина С. Е.</i> (Москва). Конфессиональный мир в языковых и речевых стереотипах	56
<i>Николина Н. А.</i> (Москва). Структура и функционирование дефисных комплексов в современной письменной речи	57
<i>Норман Б. Ю.</i> (Минск; Екатеринбург). К выражению функции Magn в разговорной речи (высказывания типа <i>Тот еще студент!</i>)	58
<i>Онипенко Н. К.</i> (Москва). Лексическая семантика существительного и синтаксическая позиция как основания функциональной классификации падежных форм	60
<i>Осетрова Е. В.</i> (Красноярск). Лексика и грамматика «успешности» в глянцево-журнале	62
<i>Падучева Е. В.</i> (Москва). Сколько значений у слова <i>всё-таки</i> ?	63
<i>Пестова А. Р.</i> (Москва). Особенности именного управления в русской разговорной речи	65
<i>Прохватилова О. А.</i> (Волгоград). Лексические и синтаксические особенности православной миссионерской проповеди начала XXI века	67
<i>Радбиль Т. Б.</i> (Нижний Новгород). Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации	68
<i>Ратмайр Р.</i> (Вена). Метаязыковые реплики в корпоративной коммуникации	69
<i>Рахилина Е. В., Рыжова Д. А.</i> (Москва). За пределами «Философии грамматики»: лексические циклы	71
<i>Розина Р. И.</i> (Москва). Стратегия концептуализации предикатной лексики: глаголы порчи (загрязнения) – семантика, сочетаемость, аспектуальное поведение	72
<i>Салимовский В. А.</i> (Пермь). Взаимосвязь лексических и грамматических значений в стилистико-речевой системности	73

<i>Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.</i> (Новосибирск). База данных прагматически маркированной лексики: гендерная семантика и способы ее представления в лексикографических источниках	74
<i>Труб В. М.</i> (Киев). Опыт сопоставительного анализа значений глаголов <i>помогать</i> и <i>поддерживать</i>	76
<i>Урысон Е. В.</i> (Москва). Об одном неопisanном классе русских предложений тождества	77
<i>Федорова Л. Л.</i> (Москва). Русское словосложение: между лексикой и грамматикой	78
<i>Федосюк М. Ю.</i> (Москва). <i>На лошади</i> или <i>на коне</i> сидит медный всадник? (о вкладе грамматической категории рода в лексические значения существительных)	80
<i>Фролова О. Е.</i> (Москва). Характеризующие значения терминов социальной стратификации (семантические и грамматические показатели)	81
<i>Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л.</i> (Москва). Особенности подачи грамматической информации о слове в «Академическом толковом словаре русского языка»	82
<i>Чернейко Л. О.</i> (Москва). Семантическая деривация и ее связь с грамматикой	83
<i>Черняк В. Д.</i> (Санкт-Петербург). Экспансия отглагольных существительных и актуализация метонимических моделей	84
<i>Шапошников В. Н.</i> (Москва). Семантические классы глаголов: лексико-грамматические процессы в современном русском языке	86
<i>Шаронов И. А.</i> (Москва). Вводные слова и обороты как маркеры речевых актов	87
<i>Шарыкина О. А.</i> (Москва). Особенности описания фразеологизмов в «Толковом словаре русской разговорной речи»	88
<i>Шмелев А. Д.</i> (Москва). Супплетивизм и видовая корреляция	90
<i>Шмелева Е. Я.</i> (Москва). Приемы языковой демагогии, или Как стать президентом	91
<i>Шмелева Т. В.</i> (Великий Новгород). Пополнение показателей модальности: лексические ресурсы и грамматические условия	93
<i>Янко Т. Е.</i> (Москва). Коммуникативные смыслы в лексике и грамматике	93

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ)

Освоение иноязычной лексики в процессе языкового контактирования происходит сложно; каждый язык, выступая в качестве реципиента, вырабатывает свои приемы и способы адаптации иноязычий: фонетические, семантические, словообразовательные, грамматические, графические, орфографические (см., например, [Хауген 1972, Крысин 2004, Маринова 2008]). В связи с этим вызывает интерес процесс освоения заимствований в русской речи в ситуации иноязычного окружения.

В нашей работе рассматривается грамматическая адаптация литовской лексики в ситуации литовско-русского языкового взаимодействия. Подобные региональные инновации представляют собой как безэквивалентную лексику, так и лексику, имеющую эквиваленты в русском языке. Это преимущественно имена существительные собственные, а также нарицательные, обозначающие различные социо- и этнокультурные реалии. Грамматическое освоение иноязычных существительных связано с их родовой и числовой адаптацией, а также словоизменением. Анализируемые литовские слова склоняются в языке-источнике, но в русской речи их словоизменение часто отличается непоследовательностью.

Так, обычно склоняемыми являются региональные инновации, род которых в русском и литовском языках совпадает: это существительные в форме единственного числа женского рода с исходом на гласный -а (*сходить в амбасаду* – *ambasada* «посольство»), мужского рода на -as, -isc исходом на согласный (*кусочек шакотиса* – *šakotis* «торт»). Преимущественно несклоняемыми в русской речи являются: литовские слова с исходом на -е в форме единственного числа женского рода (*это здание савивальдибе* – *savivaldybė* «самоуправление»); литовские наименования в форме множественного числа – женского рода с исходом на -ос (-ес) (*на Каледос приеду* – *Kalėdos* «Рождество»); мужского рода с исходом на -ай (-яй) (*живу в Шяуляй*). Обычно не склоняются литовские названия в форме единственного или множественного числа родительного падежа (*пойти на улицу Вильняус*).

Множество региональных инноваций демонстрирует вариативность словоизменения в русской речи. Типичными факторами, поддерживающими склоняемость/несклоняемость региональных инноваций, являются их структурные особенности (финаль слова), функционирование в определенной форме речи (устной или письменной), функционирование в определенной сфере языка (например, бытовой или официальной), их использование в иноязычной графике (латинице) в письменном тексте, степень употребляемости данного слова, существующие традиции изменения/ неизменения подобных слов в том или ином печатном издании и др. Отметим также, что в устной русской речи литовские имена существительные часто русифицируются, меняя окончание; происходит переосмысление грамматических форм; наблюдается родовая вариативность.

В ситуации иноязычного окружения в процессе грамматического освоения региональных инноваций выявляются как общие для современного русского языка черты адаптации иноязычий (увеличение количества несклоняемых слов и тенденция к аналитизму, рост вариативности языковых единиц), так и специфические черты, обусловленные лингвистическими (в частности, грамматическими особенностями конкретного языка-прототипа) и экстралингвистическими (прежде всего социолингвистическими и социокультурными, связанными с функционированием русского языка в данном этнокультурном пространстве) факторами. Специфика грамматической адаптации региональных инноваций отражает также определенные особенности языкового сознания билингвов, обусловленные коммуникативной целесообразностью.

Литература

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

В. Ю. Апресян (Москва)

РАЗРЕШЕНИЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ СФЕР ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАЗАХ С ОТРИЦАНИЕМ И КВАНТОРОМ ВСЕОБЩНОСТИ: РЕЛЕВАНТНЫЕ ФАКТОРЫ

Работа представляет собой корпусное исследование факторов, которые влияют на разрешение неоднозначности сферы действия (СД) семантических операторов во фразах с отрицанием, глаголом и квантором всеобщности. Фразы типа *Я не успела сделать все задачи из последнего задания*, как известно, могут иметь две интерпретации, в зависимости от сферы действия отрицания: 'Я не сделала никакие задачи из последнего задания' [в случае, если в сферу действия отрицания входит глагол, но не квантор всеобщности] или 'Я не успела сделать часть задач из последнего задания' [в случае, если в сферу действия отрицания входит квантор всеобщности, но не глагол]. В устной речи разрешение неоднозначности подобных фраз облегчается просодией: в случае, когда квантор всеобщности входит в сферу действия отрицания, он является ремой предложения и несет на себе акцентное выделение: *Я не успела сделать ВСЕ задачи из последнего задания (но сделала часть)*. Однако в письменных текстах, где подобного рода конструкции встречаются чаще, а просодическая информация отсутствует, правильная интерпретация, тем не менее, в большинстве случаев возможна, и носители языка не испытывают сложностей, связанных с разрешением потенциальной неоднозначности. Например, во фразе *Ту первую попытку наладить связь с бывшим семейством он не возобновлял все эти годы: он имел слишком большой опыт общения с советской властью и в её русском, и в польском варианте* (Л. Улицкая. Пиковая дама) отрицание имеет СД над глаголом, но не над кванторной группой *все эти годы*: фраза значит, что в течение всех лет, о которых идет речь, субъект не делал попыток возобновить связь с семейством. Напротив, во фразе *Он не сидит всё время во Флоренции — многочисленные работы заставляют его много ездить, но город всегда ждёт его и рад ему — он его гордость и слава* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства) отрицание включает в свою сферу действия квантор всеобщности, и фраза указывает на то, что субъект находится во Флоренции часть времени, но не всё время.

Какие же обстоятельства влияют на интерпретацию сфер действия в подобных фразах? Проведенное исследование показывает, что релевантными факторами являются 1) синтаксическая функция составляющей, содержащей квантор всеобщности; 2) коммуникативный статус глагола и квантора всеобщности; 3) (не) веридикативность контекста; 4) тип речевого акта; 5) прагматические импликатуры относительно ситуаций, описываемых в высказывании. В работе рассматриваются данные русского и английского языков и показывается, что, хотя в целом подобного рода неоднозначность сферы действия более характерна для английского языка (из-за сентенциального характера отрицания), в русском языке она также встречается, и ее интерпретация регулируется теми же синтаксическими, коммуникативными, семантическими и прагматическими факторами, что и в английском. При этом само частотное распределение интерпретаций с СД отрицания над глаголом или над квантором всеобщности в русском и английском языках различается.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Метафорическая концептуализация связана, как известно, с осмыслением одной ситуации сквозь призму другой. Такой подход обуславливает потенциальное включение в метафоризацию слов из одной семантической сферы (СФ), одного поля (СП) и одной группы (СГ). Но, как показывает анализ конкретных концептуальных моделей, сам процесс формирования однотипных переносов достаточно избирательный, причем не последнюю роль в этом играют такие характеристики, как частеречная принадлежность лексемы, ее грамматические признаки, тип морфологической и словообразовательной структуры. Более того, и в синхронии, и в диахронии вовлечение в метафоризацию различных членов сфер, полей и словообразовательных гнезд (СОГ) имеет системно-моделируемый характер.

Основные тенденции в развитии русских метафорических подсистем в деривационном аспекте можно проследить на примере **пространственной модальной модели**, в которой волеизъявление и целенаправленная деятельность осмысляется в рамках общей философской концепции: движение есть жизнь, тогда как отсутствие активной жизненной позиции, желаний, стремлений, стимулов для развития ассоциируется с покоем, неподвижностью; представление о типе желаний, стремлений реализуется через противопоставление поступательного и непоступательного движения. Ориентированное движение воспринимаются как целенаправленная деятельность, реализация желаний, стремлений. Характер движения уточняет тип волеизъявления. Движение к какой-либо точке ассоциируется со стремлением удовлетворить желание, добиться результата. Движение мимо стабильной точки в пространстве осмысляется как активное желание избежать какой-либо ситуации, уклониться от принятия решения, от внешнего воздействия и т.п. Движение по кругу, без заданной траектории и т.п. обычно воспринимается как отсутствие правильной стратегии в достижении цели, как ошибка или как негативная оценка личности, избравшей «неправильную» цель в жизни, «сбившуюся с пути».

Уже в древнерусском языке члены СФ «Пространство», и прежде всего СП «Движение», регулярно включаются в процесс метафоризации в рамках данной модели. Наиболее активны в этом отношении глаголы и их дериваты (ср.: *бѣжати, блудити, двигати, рискати, ступати, скакати, ити, гънати, гоньзнути*), что вполне закономерно: именно предикаты дают обобщенную характеристику одной ситуации сквозь призму другой. Ядерное положение в подсистеме занимают глагольные СОГ, члены которых (за счет соответствующей словообразовательной и морфемной структуры) способны выразить максимальное число предусматриваемых моделью ситуаций (ср.: *бѣжати* – более 40 слов, *блудити* – более 30). Характерной особенностью подсистемы является включение в ее состав односторонних словообразовательных метафор, причем наиболее регулярно первичные модальные ЛСВ по концептуальному образцу переносных формируются в словах со сложной морфемной структурой (ср.: *отъбѣжанье* ‘намеренное уклонение, воздержание, избавление от чего-л.’; *незаблудьно* ‘безошибочно’).

В истории русского языка концептуальная модель сохраняется фактически без изменений (ср.: *идти к цели окольными путями; болтаться без дела; подтолкнуть к принятию решения*). Но в ходе исторического развития наблюдаются существенные изменения в составе отдельных СГ и СОГ, включенных в процесс метафоризации. Так, внутри СОГ, устойчиво функционирующих в диахронии, утрачиваются дублетные семантические варианты и появляются новые члены, сформированные по образцу действующих словообразовательных моделей, то есть проявляется тенденция к усилению системности внутри СОГ в выражении конкретного типа метафорических значений. Процесс упорядочения средств выражения одного типа значений может распространяться на члены

разных СОГ из одной СГ. Этот процесс не идет прямолинейно: на разных этапах развития в метафорическую подсистему могут включаться новые семантические дублеты, которые, впрочем, не отличаются стабильностью в диахронии. Наибольшей нестабильностью в диахронии отмечены периферийные, как правило, единичные члены СОГ с пространственной семантикой (*добляго не може крянути [‘сдвинуть’] с вѣры*).

Усиление значимости самой концепции осмысления модальной семантики проявляется в последовательном увеличении числа односторонних словообразовательных метафор, в утрате пространственных, кинетических ЛСВ у многих традиционных членов подсистемы. Этот процесс может распространяться на отдельные члены СОГ (ср.: *избежать, заблуждение, достижимый*) и на целые СОГ. Так, одним из основных способов репрезентации модальных значений в современном русском языке становится СОГ с корнем *стрем-* (ср.: *стремление, стремиться, устремление, целеустремленный*), причем у большинства членов этого гнезда значение движения либо утрачено, либо становится устаревшим).

Таким образом, исследуемая модель представляет собой постоянно изменяющееся и в силу именно этого «живое», продуктивное средство выражения модальной семантики, причем деривационные процессы играют в этом процессе активную роль. Тем самым еще раз подтверждается взгляд на словообразование как на неотъемлемую часть лексико-семантической системы языка.

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва)

«ДУБЛЕТНЫЕ» ИДИОМЫ

1. Среди русских идиом есть группа единиц, которые образованы в результате повтора компонентов внутренней формы. К ним относятся такие выражения, как *вот-вот, ну-ну, да-да, не-не, чего-чего, ку-ку, ха-ха*. Повтор компонента должен указывать на иконичность семантики результирующих форм, однако такое прямое наследование семантических характеристик происходит далеко не всегда. Кроме того, иконичность «не работает» в тех случаях, когда повторяемый компонент не употребляется автономно – ср. *ку-ку*.

С другой стороны, в некоторых значениях рассматриваемых форм наследование семантики вполне прозрачно, ср. *вот* дейксис в связи с объектом, вводимым в рассмотрение (**Вот** ключи!) и *вот-вот* в значении указания на ближайший момент в будущем (**Вот-вот** предложат покаяться и сдать валюту).

2. Рассмотрим одну из единиц указанной группы – идиому *ну-ну*. Анализ показывает, что эта форма употребляется в современном русском языке в следующих контекстах.

ВЫРАЖЕНИЕ СКЕПСИСА ПО ПОВОДУ СКАЗАННОГО

– Думаешь малиной питаться? **Ну-ну**, – упрекнул его старшина и спрятал сухарь в карман. (В. Быков); – Луна и Солнце – это одно и то же, на мой взгляд, просто ночью из-за холода это светило светит иначе. – **Ну-ну**, – сказал он. (В. Аксенов)

РЕЧЕВОЙ ЖЕСТ УСПОКАИВАНИЯ И ПОДБАДРИВАНИЯ

Тот дернулся, но руки Рубахина были мощны и сильны. – **Ну-ну**. Не брыкайся. [В. Маканин]; В уже подступившей тьме лицо пленного было по-прежнему красиво и так печально. «**Ну-ну!**» – дружелюбно сказал Рубахин, стараясь приободрить. (В. Маканин)

ПОБУЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАТЬ ДЕЙСТВИЕ / РЕЧЕВОЙ ХОД

Дед сидел, смотрел на меня. – **Ну-ну**, – сказал он через минуту. – Что же ты замолчал, рассказывай дальше. (Ю. Домбровский); – Дяденька милиционер, – сказал другой нарушитель. – Нам нужно здесь подарок получить ценный. – **Ну-ну!** Рассказывай! Подарок ему нужен. Ишь ты. (М. Сергеев); – **Ну, ну**, пошла, окаянная! – закричала она, ударив свою корову хлыстом. (К. Масальский)

ВЫРАЖЕНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К АДРЕСАТУ

– А вы зачем сюда приехали, козлики? – спросил я его. – Тоже небось для своих козлиных приключений, а? По своим козлиным делишкам, верно ведь? – **Ну-ну, ты!** – сказал один из них и вскинул руку, с запястья которой вниз, к локтю, сразу же упал браслет. (В. Аксенов); – С удовольствием! – обрадовался Юрка и ущипнул меня так крепко, что я привскочил. – **Ну-ну, ты не очень, пожалуйста...** (В. Губарев)

Выделенные значения *ну-ну* носят изолированный характер: ни одно из них нельзя рассматривать как производное от другого. При этом корреляция с семантикой *ну* прослеживается во всех значениях, кроме 'выражения скепсиса'. Ср. невозможность замены *ну-ну* на *ну* в соответствующих контекстах: – Думаешь малиной питаться? ***Ну**, – упрекнул его старшина и спрятал сухарь в карман. Однако в остальных случаях замена допустима: – **Ну, не брыкайся**; – **Ну ты не очень**; **Ну рассказывай!**

Следует отметить, что интонационные контуры для каждого типа контекстов *ну* и *ну-ну* (≈значений) уникальны.

Отсутствует также совпадение значений *ну* в функции ответа на вопрос (см. [Баранов, Кобозева 1988]), что естественно, поскольку форма *ну-ну* как ответ на вопрос не используется, хотя и может быть реакцией на речевое или неречевое поведение (см. например, форму *ну-ну* как выражение скепсиса или побуждение к продолжению действия или речевого хода).

Иконичность семантики *ну-ну* можно было бы обнаружить в тех значениях, когда присутствует корреляция между *ну* и *ну-ну*, но и в этих случаях удвоение *ну* не приводит к очевидному «усилению» значения. Так, **Ну, не брыкайся** вряд ли более слабый способ передачи смысла, чем **Ну-ну, не брыкайся**, поскольку в этих случаях интонация может брать на себя функцию «усиления» или «ослабления» тех или иных компонентов смысла. Более того, фраза – **Ну ты, убери руки** ощущается как более грубая и агрессивная, чем –**Ну-ну, ты, убери руки**, из-за интонационного выделения местоимения *ты*, указывающего на адресата. При реализации формы *ну-ну* необходима пауза, и обращение *ты* оказывается вне семантической сферы действия *ну-ну*.

Тесное взаимодействие с интонационной составляющей является характерной особенностью дублетных идиом рассматриваемого типа.

Литература

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С 45-69.

Н. Г. Брагина (Москва)

КРАСАВИЦА И УМНИЦА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Исследовательская история сочинительных связей, конструкций, союзов обширна и свидетельствует об их хорошей изученности. В русле данной проблематики сложился терминологический аппарат.

Ключевым понятием при описании синтаксиса сочинительных конструкций является *однородность*, которая обозначает близость, сходство, а также указывает на вхождение в сочинительную конструкцию*.

Однородность рассматривается в сопряжении с некоторым мыслительным образом, существующим еще в самом начале высказывания в сознании говорящего: «...

* Более детальное понимание однородности и описание ее разных типов: функциональной, лексико-семантической и коммуникативной, а также модальной, или эмфатической, – дано в работе [Санников 2008: 109-123].

соподчиненные (или, в отношении подлежащих, соподчиняющие) члены должны объединяться мыслью как однородные в каком-либо отношении, как сходные в чем-либо между собой» [Пешковский 2001, 442]. «... оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже при самом начале высказывания ...» [Щерба 1957, 80]. «При наличии союза *и* это множество (однородные члены – Н.Б.) может восприниматься и как формируемое, и как уже сформированное, готовое, т. е. имеющееся в сознании говорящего целиком» [Урысон 2011, 299].

Такое понимание *однородности*, как некоего сходства, существующего в сознании говорящего еще в самом начале высказывания, позволяет охарактеризовать сочинительные конструкции как результат взаимного уподобления членов некоторого множества. Это уподобление зафиксировано сознанием и может «смутно» осознаваться говорящим. Оно представляет интерес, поскольку может пролить свет на механизм порождения речи*.

Подобие, как отмечает Н. Д. Арутюнова, связано с классом и концептом класса, отношения подобия могут соединять имена с разнотипной референцией, а также имена объектов, входящих в разные классы (при метафоре). В отличие от тождества подобие тяготеет к признакам [Арутюнова 1990].

Как кажется, некоторые сочинительные конструкции можно рассматривать не только с точки зрения их грамматического уподобления, но также и с позиции концептуального согласования. К таким единицам, в частности, относятся парные словосочетания: *красавица и умница, память и воображение* и др.

Парные словосочетания имеют ограничение на множественность, и они, как правило, характеризуют объект как некую целостность или выражают некую уже сформировавшуюся концептуализацию объекта. Благодаря частой встречаемости они имеют определенную степень устойчивости, хотя и не такую жесткую, как, например, сочинительные сочетания типа: *альфа и омега, добро и зло, земля и небо*.

В докладе на примере сочинительных конструкций будут рассмотрены особенности концептуального согласования. Будет также охарактеризована природа концептуального согласования, имеющего отношение к культурным стереотипам.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте. Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004.
Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. М., 2011.
Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская
(Новосибирск)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящем докладе рассматриваются метафорические глаголы говорения, которые образованы от наименований звуков, издаваемых животными (*щебетать, мычать, ворковать; garrire, latrar, miagolare*) в русском и итальянском языках.

* Отношению сочинительной связи к речемыслительной деятельности посвящено исследование [Сигал 2004].

В силу своей значимости лексика, репрезентирующая звучание вообще и говорение в частности, неоднократно выступала объектом изучения в отечественной лингвистике: большинство работ посвящено анализу ядерной части лексико-семантического поля «Звучание». Исследование лексем, представляющих звучание в русском языке, проводилось в следующих аспектах: словообразовательном (А. Н. Тихонов, А. Тихонов, Р. Г. Клунц, Е. Н. Лагугова), лексико-грамматическом (М. А. Шелякин, А. Н. Тихонов), фоносемантическом (С. В. Воронин, И. Г. Рузин), лексико-семантическом (Н. А. Сколотова, Е. Л. Голубева, Г. В. Степанова, Л. М. Васильев, Т. Д. Сергеева) и др.

Когнитивный подход дает возможность по-новому взглянуть на звучание как на способ восприятия мира и, следовательно, как на одну из возможных его моделей, воплощенных в языке.

Описание системы метафорических значений было осуществлено на основе материала, извлеченного из следующих источников: Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС); Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.; Ожегов С. И. Словарь русского языка; Sabatini F., Coletti V. II Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana 2005 г.

Лексикографическая фиксация метафорических значений в указанных словарях является неполной и непоследовательной. В разных источниках по-разному представлена эта ЛСГ. В таких словах, как *брехать*, *ворковать*, *каркать*, *крякать*, *кудахтать*, *лаять*, *мурлыкать*, *мычать*, *огрызаться*, *пищать*, *реветь*, *ржать*, *рычать*, *рывать*, *скулить*, *стрекотать*, *урчать*, *щебетать*, *трещать*, *гоготать*, *шипеть*, *фыркать*, *галдеть*, метафорическое значение «о речи человека» представлено во всех русских словарях. Но есть глаголы, словарные статьи которых не содержат звуковых метафор ни в одном из словарей. К ним относятся: *блеять*, *квакать*, *кукарекать*, *мяукать*, *свистеть*. В таких словах, как *выть*, *гавкать*, *жужжать*, *заливаться*, *квохтать*, *клохтать*, *курлыкать*, *зудеть*, *гудеть*, *рыкать*, *тявкать*, *хрюкать*, *чирикать* и *цокотать* метафорическое значение представлено не во всех словарях.

В основе метафоризации глаголов говорения лежат образы звуков, производимых животными. Общее количество метафорических единиц в русском языке – 42, в итальянском – 29, по данным лексикографических источников. Такая количественная разница связана с тем, что синонимичные слова в русском языке соотносятся с одним словом в итальянском языке. Например, *чирикать* и *щебетать* в русском соответствуют *garrire* в итальянском, а *брехать* и *лаять* соответствует слову *abbaiare*, *гавкать* и *тявкать* – *latrare*, *мурлыкать* и *мяукать* – *miagolare* и др. Отметим, что слова *гоготать* и *галдеть* не являются синонимами, однако в итальянском языке они соотносятся с глаголом *schiamazzare* на основе общих сем громкости, резкости звука и часто неуместности речи. В ряде случаев в итальянском языке два (реже три) слова обозначают понятие, выраженное в русском языке одним словом. Например, *ragliare* и *bramire* соотносятся как *реветь*, *cracchiare* и *crocidare* – *каркать*.

Если говорить о метафорообразующих признаках, то они вполне соотносимы в двух языках: темп речи; понятность, разборчивость речи; достоверность/недостоверность речи; характер эмоциональной окраски речи; информативность/бессмысленность высказывания; многократное повторение одного и того же; уместность / неуместность высказывания; интенциональная характеристика высказывания.

Результаты метафорообразования в русском и итальянском языках в существенной мере зависят от того, как мы слышим «животный мир», поэтому можно говорить о полном (частичном) семантическом совпадении/ не совпадении производных глаголов речи.

Большинство звуков, издаваемых животными, воспринимаются носителями исследуемых языков по-разному. Исключение составляют только «мяу» (*miao*) и «бее» (*bee*). Образ издаваемых звуков, лежащих в основе метафоры речи, формируется также с опорой на соответствующие многоплановые зооморфизмы: в рамках одной национальной звуковой картины мира существуют варианты звукообразов, связанных с одним и тем же животным,

что порождает образование нескольких метафор, несущих в себе разные речевые характеристики.

И. Т. Венрева (Екатеринбург)

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР: ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В КАЧЕСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ

Процесс употребления относительных прилагательных в качественном значении является продуктивным явлением в русском языке. Задача доклада – на примере анализа устойчивого сочетания *уральский характер* обратиться к качественно-оценочным аспектам семантики относительного прилагательного. В общественном сознании носителя языка существует стереотипное представление о человеке из провинции: это признаки простоты, провинциальности, отсутствия светского лоска. В то же время контекстные употребления словосочетания *уральский характер* позволяют выявить особые черты человека с уральским характером.

Анализ сочетаемости прилагательного *уральский* в границах высказываний позволяет выявить оценочные приращения, отражающие суть уральского характера: уральцу свойственны *упорство, настойчивость, основательность, трудолюбие, упрямство, справедливость, душевность*. Актуализируются также такие качества уральского характера, как его угрюмая природа и суровость: *Чем уральский характер разнится, скажем, от сибирского? Еще Шукшин заметил, что в Сибири небо высокое, ясное, и люди, живущие там, более открытые. А на Урале? Тучи низкие, будто обремененные чем-то. Уральцы – народ преимущественно молчаливый, закупоренный, наделенный какой-то угрюмой волей* (Трибуна; 18.05.2000).

Оригинальную трактовку концепт «уральский характер» получает в высказываниях философски мыслящих людей, которые за внешними проявлениями характера видят его внутреннюю сущность. Приведем рассуждения уральского драматурга Николая Коляды: *Знаете, уральский характер очень оригинален. С одной стороны, он суров, угрюм, трудолюбив. Когда к нам приезжал в своё время писатель Антон Чехов, то потом именно об этих качествах он говорил в своих записных книжках. Эти же качества отмечают многие мои знакомые, которые приезжают в наш город, а потом сталкиваются с удивительным и искренним радушием. Поэтому я бы охарактеризовал уральский характер словосочетанием «суровая нежность»* (Вечерний Екатеринбург; 14.05.2014).

По мнению профессора Т. А. Кругловой, непосредственно связана с Уралом *«корявость» уральского характера: Есть некая идентичность характеров, которую метафорически можно назвать «уральская порода». Я говорю «порода», потому что это слово имеет отношение и к Уралу, и к творчеству Бажова: в значении «горная порода» – материал, из которого добываются полезные ископаемые, и «порода» – это сорт, тип людей. Красота прячется за неброскостью и корявостью породы. Таков и уральский характер – его красоту можно полюбить, лишь приглядевшись к нему. Его корявость непрезентабельна* (Областная газета 23.08.2016).

Для текстов, в которых встречается устойчивое словосочетание *уральский характер* в качественном значении, типичной является развернутая рефлексия носителя языка, который размышляет над сущностью абстрактного понятия. Рефлексивное осмысление содержания концепта «уральский характер» идет по нескольким направлениям:

– поиск истоков особого типа характера: *Весь секрет экономического всплеска Демидовых прост: в крепостной России они не интересовались прошлым своих людей, брали и беглых, и раскольников, и бунтарей, и всяких лихих людей без разбора. Так создавался уральский характер: «наиболее вольнолюбивые, крепкие, решительные и бесстрашные*

элементы тогдашней Московской Руси» – по академику С. Г. Струмилину (Коммерсантъ Власть; 02.07.2012);

– объяснение условий, при которых формируется особый (таинственный, непостижимый) характер: *Уральцам приходилось многое в своей жизни преодолевать. Вы посмотрите, хотя бы погода у нас какая: если в феврале дождь, то это не значит, что в июне снега не будет. Вот и характер у нас более закаленный, подлаженный под среду, в которой живем* (Уральский рабочий; 25.03.2006);

– указание на сферы проявления уральского характера: в промышленности, науке, творчестве, спорте, например: *Уральский металл победил рурскую сталь, Магнитка победила фашизм. Вот это и есть уральский характер – все до конца, до доньшка* (Российская Федерация сегодня; 29.12.2003).

Ю. Е. Галямина (МГУ, Москва)

ОНИ УМЕЮТ В РУССКИЙ ЯЗЫК: АККУЗАТИВНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В ГЛАГОЛАХ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В интернет-версии современного русского языка появилась новая конструкция вида *X мочь/уметь в Y.ACC*. Например: «*Я умею в заголовки*» в значении ‘Я умею хорошо придумывать заголовки’.

Подобных примеров нет в Национальном корпусе русского языка, однако довольно широко распространены в русском сегменте интернета, особенно в социальных сетях и блогах.

Реализация этой конструкции в речи имеет разный потенциал в разных контекстах.

Одним из самых распространенным вариантом конструкции является следующий: *Я не умею в Y* - в 1 лице с отрицанием при глаголе «уметь». При этом *Y* это некий интеллектуальный (чаще всего, знаковый) объект, который требует особых навыков и/или таланта для его создания.

Примеры **заголовков** и **тегов** перед текстами или набором картинок:

- (1) *Я не умею в теги* в значении ‘Я не умею придумывать хорошие теги’ (<https://coub.com/tags>).
- (2) *Я не умею в надписи* в значении ‘Я не умею придумывать хорошие надписи для комиксов’
- (3) *Я не умею в заголовки* в значении ‘Я не умею придумывать хорошие заголовки для картинок’

Примеры из блогов:

- (4) *Начальник сказал, что я не умею в чертежи! Вот обидел прям! Это я не умею в чертежи?! Да я ваще в чертежи! Ну напутале там маленько, и чо теперь - сразу арматурой кидаето?* (Livejournal, 02.04.2016) в значении ‘..., что я не умею хорошо рисовать на компьютере чертежи’
- (5) Комментарий к фотографиям: *Я не умею в надписи иероглифы и звездочки, я умею в тату, и слева и справа мои работы; решайте сами* (<http://www.imgrum.org>)

Менее распространенным является утвердительный, который подразумевает выражение некоторой степени самоиронии. Например,

- (6) Заголовок: *Я тоже умею в селфи* в значении ‘Я умею снимать прикольные селфи, и хотя это небольшая заслуга, я немного этим горжусь’ (Livejournal 03.01.2015)

- (7) Текст, сопровождающий фото с татуировками, сделанными автором: *Я не умею в надписи иероглифы и звездочки я умею в тату, и слева и справа мои работы; решайте сами* (<http://www.imgrum.org>)

С дополнениями объектами, которые обозначают неопредельные процессы, а не объекты знаковой природы. Например,

- (8) Заголовок перед фотографиями: *Я не умею в логику* в ироническом значении по отношению к поведению другого человека, который, по мнению говорящего, ведет себя нерационально. (Livejournal 22.07.2015)
- (9) *Я ни капли не умею в политику, философию, я плохо знаю историю и географию. В языковедение и литературе я полный нуб. Я не умею в логику и иногда чувствую себя валенком.* (Livejournal 14.12.2105)
- (10) Заголовок перед фотографиями: *Я умею в Цоя* в значении ‘Я умею прикольно (но не очень хорошо) петь песни Цоя’, также с ироническим оттенком.

Редкими примерами является обозначение некоторых физических умений с помощью этой конструкции.

- (11) Реплика на форуме: *Умею в поролон но на фан или резу боюсь т.к. теряюсь в воздухе как этого избежать* (речь идет о каких-то трюках в экстремальных видах спорта) (<https://riders.co>)
- (12) *Мне 23 и я не умею в макияж. Я не умею в него совсем-совсем. Т.е. тушь и карандаш для глаз — мой максимум. Но мне очень-очень интересно!* (Сообщество Just for girls, 25.11.17)

С теми же дополнениями может употребляться и глагол в 3 лице с одушевленным объектом. Пример:

- (13) Заголовок текста: *Я против Трампа, но он все равно крутой и умеет в мемы.* (www.golos.io/ раздел: Политика)
- (14) Запись в Твиттере: *Твиттор, тут кто-нибудь умеет в масслайкинг? чем пользуетесь, кроме пальца, инстагресс закрыли и я не знаю куда податься, а лайкать хочется так что аж спать не могу RT pls* в значении ‘организация кампания по массовой постановке лайков’.

Отдельно стоит поговорить о примере *Не умеет в мокрую дорогу* (заголовок перед видео), которая может интерпретироваться в качестве конструкции с эллипсисом глагола «ездить». (Livejournal 23.08.2017)

Однако в 3 лице эта конструкция может употребляться и по отношению к цифровым устройствам, программам, сайтам и компаниям:

- (15) Заголовок к видео: *Все-таки Apple умеет в рекламные ролики, в этот раз рассказывает про FaceID* (<https://kanobu.ru/news/>)
- (16) Заголовок: *Роскомнадзор тоже умеет в юмор* (<https://pikabu.ru/story>)
- (17) Заголовок к тексту: *Большой iPad Pro умеет в конкуренцию.* (<https://www.iguides.ru>)
- (18) Заголовок к записи на форуме: *Новая прошивка не умеет в Full Duplex?*

Особняком стоит основанный на этом выражении мем *Когда (не) умеешь/ умеет в...*

Он используется в качестве заголовка к визуальному контенту или тексту и обозначает позитивную или негативную оценку навыков автора или героя повествования в той или иной области

- (19) Заголовок: *Когда не умеешь в книжки. <...> Решили, значит, альтернативные пушки поставить. А вот с этим облом. Потому что книги читать надо, а не в интернете все тырить.* (Livejournal 10.08.2017)
- (20) Тег к текстам саркастического содержания: *Когда не умеешь в сарказм*

- (21) *Когда действительно умеешь в политику. Вот сравниваю я две русско-турецкие войны – 1787-1791 годов и 1877-1877 годов, и понимаю, что главное в политике - это наглость и трезвый расчет.* (Livejournal 31.07.2017)

Примеров с глаголом «мочь» значительно меньше.

- (22) *Он не может в аниме*

И как раз LoGH можно смело советовать тем, кто не может в аниме. И не надо про 110 серий говорить, люди смотрят сериалы, в которых может десяток сезонов быть, и ничего. (<https://darkwren.ru/anime/anime-dlya-animefobov>)

По значению такие конструкции, как представляется на данном этапе исследования, не отличаются от конструкций с глаголом *уметь*. Однако в докладе будет показано, что эти конструкции, скорее всего, имеют разное происхождение.

Встречаются примеры с другими глаголами, имеющими модальный оттенок:

- (23) *Пробую в образы. Приветствую вас, господа Пикабушники. Я тут немного пробую снимать обзоры, очень интересно ваше мнение. Пост для минусов ниже.*
- (24) Заголовок к перепосту чужого поста : Романенко *пытается в сарказм.*

Е. И. Голанова (Москва)

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

1. В современной русской разговорной речи активно используются однословные номинации, заменяющие составные наименования: *аскорбинка, времянка, маршрутка, бюджетник, грузовик, спальник* и под. Такие слова возникают как результат действия широко распространённого в русском языке способа словопроизводства – суффиксальной универбации. На это явление исследователи обратили внимание в 60–80-е гг. прошлого века [Земская 1965; Лопатин 1973; Голанова 1982]. Эта словообразовательная модель проявляет себя уже в XIX в. Ср. мнение акад. В.В.Виноградова: «В русском литературном языке второй половины XIX в. всё более и более укреплялась тенденция синонимического замещения литературных словосочетаний, состоящих из имени прилагательного и существительного, разговорными новообразованиями от основ соответствующих прилагательных... Поэтому в фамильярной речи выражение *квасной патриот* порождает слово *квасник*» [Виноградов 1994, 242].

О продуктивности модели свидетельствуют многочисленные номинации, возникающие в современном языке почти автоматически из составных наименований (при помощи суффиксов *-ка, -ик, -ушка, -щик* и др.), свойственных разным сферам современной жизни. Приведём только один пример: «Проезд по карте «Тройка» в метро и наземке подорожает всего на один рубль» («На Западе Москвы», янв. 2018).

2. Из однотипности способа словообразования и словообразовательной структуры таких слов, однако, не следует вывод об однотипности их семантической структуры. В основе различия семантической наполненности («однозначности» или «многозначности») слов-универбов лежат различия в характере семантики мотивирующего прилагательного, в степени обобщённости или конкретности его значения.

Так, выделяются имена с высокой степенью «прозрачности мотивации»: *купальник* (купальный костюм), *мобильник* (мобильный телефон), *миллиметровка* (миллиметровая бумага – бумага, размеченная на клетки в 1 кв. мм), *подсобка* (подсобное помещение), *попутка* (попутная машина) и др.

Однозначность, конкретность семантики словообразующего прилагательного определяет однозначность новой номинации, способствует закреплению у вновь

образованного существительного одного устойчивого лексического значения, что находит адекватное отражение в толковых словарях, в том числе в Толковом словаре русской разговорной речи.

Слова-универбы другого типа (такие, как *генералка*, *дежурка*, *дорожник*, *зимник*, *коммуналка*, *техничка* и под.) образованы от прилагательных с широким, обобщающим значением, выражающих лишь общую идею **отношения** к предмету (ср. *генеральный*, *дежурный*, *дорожный*, *зимний* и т.д.). При подаче в словарях таких слов возникают трудности – вопросы соотношения разных значений слова, соотношения многозначности и омонимии не имеют однозначных решений. «Признание многозначности слов, основанное как на непосредственном применении языка... так и на длительной лексикографической практике, не означает, – писал Д. Н. Шмелёв, – ...что между многозначностью и омонимией объективно существует какая-то чёткая и ясно очерченная граница, которую следует только, наконец, обнаружить» [Шмелёв 1973, 87].

3. Лексикографическая практика пока не представляет единства в описании многозначных слов. Д.Н.Шмелёв вводит понятие «диффузность значений», отмечая, что «принцип **диффузности** значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределённых» примеров) существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [Шмелёв 1973, 95].

В задачи ТСРР входит с возможной полнотой дать лексикографическое описание современной разговорной речи. Имена, созданные на основе суффиксальной универбации, занимают своё законное место в этом словаре. Рассмотрим сложности толкования таких слов на примере «коммуналки». Словарное описание этого слова в ТСРР [ТСРР 2017] дано так: 1. DEF: коммунальная квартира; 2. DEF: коммунальные услуги; 3. DEF: плата за коммунальные услуги. В одной из иллюстраций читаем: «Но для них есть специальное жильё, где цены на обслуживание более низкие, на «коммуналку» даются скидки». Слово «коммуналка» здесь может восприниматься и как «коммунальные услуги», и как «плата за коммунальные услуги».

Этот пример наглядно показывает важность отражения диффузности значений многозначных универбов в толковых словарях.

Литература

Виноградов В. В. История слов. Институт русского языка РАН, М., 1994.

Голанова Е. И. Производное слово как номинативная единица // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1965.

Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып.2: К – О (отв. ред. Л. П. Крысин). М, 2017

Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Т.М. Григорьева (Красноярск)

РУССКОЕ СПАСИБО: СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Словарь В. И. Даля определяет слово «спасибо» как народное сокращение словосочетания *спаси Бог!* с его значениями *благодарю*, *благодарствую*, *награди тебя Бог* и образованные от него «*спасибить*» (кому, на чем) – благодарить, благодарствовать, изъявлять признательность свою – и «*спасибствовать*». В примерах словаря приводится

форма Тв. п. (*спасибом сыт не будешь*) и Р. п.: *из спасибо шубы не сшить; спасибо в карман (за пазуху) не положишь; спасибо домой не принесешь; своего спасибо не жалей, а чужого не жди; за хлеб соль не платят, кроме спасибо*.

В современном русском языке слово «спасибо» вступает в грамматические отношения на правах существительного среднего рода: *большое спасибо, огромное спасибо, громадное спасибо, огромное спасибо, сердечное спасибо*. При этом стоит заметить, что в не столь далекие времена это слово употреблялось как слово вне грамматических связей в его сакрализованном значении, и указанные сочетания в речи представителей определенного социума служили маркером дурного воспитания. Считалось, что *спасибо* не может быть ни большим, ни маленьким, потому что восходит к *спаси Бог!* [Толстой 1998, 359].

Об этой же особенности употребления слова «спасибо» писал в своих воспоминаниях о соловецком периоде жизни Д. С. Лихачев. В созданных им «тестах» на «чувство русского языка» в числе экспериментальных слов было выражение «большое спасибо» (т.е. «большое *Спаси Бог*»).

Национальный корпус русского языка дает 535 примеров сочетания «большое спасибо» и 173 «спасибо большое»; 137 употреблений «огромное спасибо» и 57 «спасибо огромное»; 44 употребления «сердечное спасибо» и 7 «спасибо сердечное».

В данном случае преобладающее большинство примеров из текстов XX столетия, и это может рассматриваться как следствие десакрализации, деэтимологизации, отражающей атеистический дух советского периода. Показательно в этом отношении определение слова «спасибо» в Малом академическом словаре: дано 3 значения, лишенных божественного содержания:

Однако НКРЯ дает определенное число примеров десакрализованного употребления слова *спасибо* из литературы досоветского периода:

- Почтенный (шестистопный) Александрийский стих переменил я на [окороченный] пятистопный белый <...> словом, написал трагедию истинно романтическую и думал уже <...> что публика скажет мне *большое спасибо* (А. Пушкин. Письмо Н. Н. Раевскому. 1827).
- Добрый адмирал Рикорд, завидя однажды на Невском проспекте NN, начал издали кричать ему: «Спасибо, *большое спасибо* за ...» (П. Вяземский. Старая записная книжка. 1830–1870).
- Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! *Спасибо* вам скажет *сердечное* / Русский народ... (Н. Некрасов. Сеятелям).

Как десакрализованный субстантив ср. рода слово «спасибо» характерно и для языка других представителей досоветского периода: Д. И. Писарев, Н. А. Гончаров, Г. И. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Тургенев, В. Г. Короленко, А. П. Чехов и др.

Немногочисленны случаи деэтимологизированного употребления слова в языке представителей XX века, чьи навыки речи сформировались в веке XIX-ом:

- Об издании Славянской Энциклопедии не знал. *Большое спасибо*, что сказали (Н. С. Трубецкой Письмо Р. О. Якобсону. 1920–1938).
- <...> что «*спасибо сердечного*» русский народ нам не скажет, а скажет им, получающим тысячные гонорары свои за совет, как обжуживать... (А. Белый. Начало века).

Современное русское *спасибо* имеет формы Род., Дат. и Тв. падежей:

- Такого, как я, на любой завод возьмут, да еще *со спасибом* (Г. Николаева. Битва в пути).
- Все равно от капиталистов *спасибо* не дождутся, – заверял Михаил Иванович (С. Довлатов. Заповедник).
- <...> вашингтонской замедленной осени и моим друзьям, сделавшим мою тамошнюю жизнь исключительно приятной, – также *по спасибо* (А. Найман. Пропущенная глава).

Помимо всего прочего, слово *спасибо* выступает как законченное высказывание – слово-предложение типа *да и нет*.

Таким образом, десакрализация, десемантизация и субстантивация слова «спасибо» произошли естественным путем, получив мощный импульс в результате тотальной атеистической пропаганды советского периода.

Литература

Толстой Н. И. Воспоминания о русском языке // Лики языка, 1998, с. 359

А. В. Дегальцева (Саратов)

РОЛЬ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАРЕЧИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛА РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наречия образа действия составляют довольно обширную и многофункциональную группу среди русских наречий, чем и обусловлен интерес к их изучению. Анализ особенностей употребления этой группы наречий в разных сферах общения (художественной, публицистической, официально-деловой, научной и обиходно-бытовой) позволил составить словник адвербиальных лексем объёмом около 5500 единиц. Наблюдения показали, что семантико-синтаксические особенности наречий образа действия оказывают влияние на их роль в организации смысла предложения.

Среди наречий образа действия выделяется довольно обширный пласт слов, используемых для усложнения семантической структуры высказывания. Такие синтаксемы грамматически связаны с глаголом-предикатом, но семантически соотносятся с одним из актантов пропозиции или характеризуют всю ситуацию, отражённую в высказывании. Вслед за Г. А. Золотовой будем называть подобные наречия компликаторами [Золотова 1982]. Адвербиальными компликаторами (далее – АК) являются наречия образа действия, обладающие определенными семантическими и грамматическими особенностями. АК характеризуются отсутствием присловной связи, смысловой отнесенностью к ситуации, отраженной в высказывании, или к актанту пропозиции (субъекту и объекту); наличием свёрнутой логической или событийной пропозиции, а также модусной информации; способностью к потенциальной предикативности; возможностью передавать значения обусловленности; способностью входить в разные модели предложений и расположением в рематической части высказывания. Такие наречия можно считать свободными распространителями предложения (детерминантами) [Дегальцева 2017]. На то, что наречие образа действия используется для уплотнения смысла высказывания, нередко указывает его непривычная сочетаемость с глаголом: *Он так близко орёт* (из разговорной речи); *Девушка, щурясь, округло улыбается* (из художественной прозы).

Рассмотрим некоторые семантико-синтаксические особенности наречий-компликаторов на конкретных примерах. В высказывании *Кто-то больно ударил меня локтем в спину* (из художественной прозы) наречие образа действия грамматически зависит от глагола *ударил*, но семантически характеризует объект базовой пропозиции (*меня*), который становится субъектом побочной пропозиции, и называет его состояние (*мне больно*). Между ситуациями, передаваемыми двумя пропозициями, обнаруживается причинно-следственная связь: *кто-то ударил меня, поэтому мне больно*. Значит, наречие *больно* выступает в качестве АК и детерминирующего члена предложения.

В роли АК, вводящих в высказывание дополнительную событийную пропозицию, выступают, в частности, наречия с перформативным смыслом. Их употребление может приводить к появлению полимодальности: *Он приглашающе кивнул на стул* (из художественной прозы). В данном случае действие, выраженное глаголом-предикатом,

реально предшествует моменту речи, тогда как ситуация, заключённая в свернутой пропозиции, является желаемой, предполагаемой.

Наречия, выступающие в роли АК, способны заключать в себе и модусную информацию. Они употребляются адресантом для оценки всей ситуации, отраженной в высказывании (*Мы **неблагоразумно** не учли всех издержек* (из газеты)), а также служат средством выражения категории персуазивности (*Можно **уверенно** констатировать социокультурный распад единой общности молодого поколения* (из научной статьи)).

Итак, семантико-синтаксические особенности наречий образа действия оказывают влияние на их роль в организации смысловой структуры русского предложения.

Литература

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М: 1982. 368 с.

Дегальцева А. В. К вопросу о статусе адвербиальных компликаторов в синтаксической системе русского языка // Филология и человек. 2017. № 2. С. 104-111.

В. В. Дементьев (Саратов)

ЦЕПОЧКИ РЕЧЕЖАНРОВОЙ СИСТЕМНОСТИ: ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ЗВЕНЬЕВ

Из теории и методики когнитивной семантики нами была заимствована идея, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – $K_{om}K$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для $K_{om}K$ очень большое значение имеют *лексемы* – имена для них и для их компонентов.

$K_{om}K$ – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются именами или непосредственно речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Мы исходим из того, что для единиц, составляющих каждый $K_{om}K$, существуют имена – лексемы, и данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которую мы предлагаем рассматривать как *цепочку речежанровой системности* и анализировать по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

Базовая цепочка речежанровой системности $K_{om}K$: «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр». Ее лексическое заполнение характеризуется относительной однородностью и системностью – ср.: есть речевой жанр (РЖ) *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и под. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: *ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?*

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: *спрашивающий, (профессиональный) интервьюер, любопытный, почемучка...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки, но такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов.

На первый план может выходить **речежанровая** типизация, **действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения**, **роль** в рамках данного типа коммуникации (например, соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных K_{omK} на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Особое место в этой системе занимают **оценочные лексемы**, особенно те, которые имеют неоценочные синонимы. При рассмотрении оценочных цепочек наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна.

Можно сделать предварительный вывод, что данная жанрово релевантная оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, не индифферентна по отношению к грамматическим показателям, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы – названия действий / речевых актов (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и под.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

3а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

3б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

Итак, к результатам исследования, имеющим значение и для теории речевых жанров, и для лексической семантики, может быть отнесено выявление лексико-семантических (отчасти и лексико-грамматических) групп слов, называющих различные звенья цепочек речежанровой системности.

М. Я. Дымарский
(РГПУ/ ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Лексическая избирательность синтаксических моделей — общеизвестный факт. Вместе с тем описаны лексические предпочтения далеко не всех конкретных моделей предложения. Одна из них — инфинитивные предложения (*ИП*) с контропативным значением [Дымарский 2015].

Значение нежелательности предстает в таких предложениях в разновидностях сожаления, упрека, совета, просьбы, квазиопатива, опасения, предостережения и даже угрозы [Там же]. Однако эти разновидности представляют собой не собственно перечисленные значения, а прагматически обусловленные преломления основного значения нежелательности, интерпретируемые в условиях конкретного коммуникативного акта как сближающиеся с советом, просьбой, сожалением и т.д. Речевые акты, выражающие эти

комбинации основного значения с прагматически обусловленными оттенками, можно считать косвенными — проявлениями непрямой коммуникации, которая «позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, т. е. понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае» [Дементьев 2006, 202]. Ср. прямые — и косвенные речевые акты, использующие контроплативную инфинитивную модель:

(1а) *Вы можете нажать себе хлопок с этим старцем* (предостережение);

(1б) *Исправник был в хороших отношениях с протопопом. Протопоп, услышав об отшельнике, сказал исправнику: — Смотрите, Иван Федорович, — это дело неладно! — Как бы вам хлопок не нажать с этим старцем... Ведь это сектантством пахнет* (П. В. Засодимский. Пропал человек (Из деревенских летописей) / НКРЯ) (контроплатив + предостережение);

(2а) *Пожалуйста, не уходите сегодня* (просьба);

(2б) *Уведи по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял? — Понял, — сказал Уно. — Не уходить бы вам сегодня... — Ты слушай. Если я через три дня не вернусь, бери Киру и вези ее в сайву, в Икающий лес* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом / НКРЯ) (контроплатив + просьба);

(3а) *Вы об этом пожалеете!* (угроза);

(3б) — *Та-ак-с... — протянул Чебаков и опять переглянулся с Овсянниковым. — Только не рано ли вы радуется, Петр Елисеич?.. Как бы не пожалеть потом...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца / НКРЯ) (контроплатив + угроза).

Инвариантное значение нежелательности, сохраняющееся во всех вариациях контроплативной инфинитивной модели, накладывает первое ограничение на семантику используемых в ней глаголов: они должны обозначать нежелательную ситуацию. Поэтому в ней широко используются глаголы и глагольные фразеологизмы СВ с элементом негативной оценки, закрепленным в их семантической структуре: *нажать (хлопок)*, *пожалеть*, *надорваться*, *поперхнуться*, *оглупеть*, *обжечься*, *попасть (в ответ)*, *убить*, *забыть*, *опоздать* и мн. под.

Однако в вариациях модели представлены и глаголы НСВ без отрицательной оценочной семы: *уходить*, *говорить*, *любить*, *отдавать*, *смотреть*, *видеть*, *слушать*, *брать*, *ходить* и мн. др. (соответствующие примеры для обеих перечней см. в [Дымарский 2015]). В этом случае глагол обозначает не собственно нежелательную ситуацию, а предшествующую ей, (потенциально) каузирующую нежелательное положение дел. Так, реплика Уно в (2б) означает, что уход Антона может повлечь за собой гибель Киры и Уно. В стихотворении Р. Бернса «Расставание» в переводе С. Я. Маршака строчки:

(4) *Не любить бы нам так нежно, / Безрассудно, безнадежно*

— означают, что, если бы любовь не была столь нежной, не была бы столь мучительной и разлука.

Различие между оттенками значений контроплативных ИП связано с совокупным действием трех факторов: вида глагола, персональной отнесенности и темпорального вектора (ТВ) [Там же]. В частности, глаголы СВ с отрицательной оценочной семой используются в случае проспективно-консеквентного ТВ, а глаголы НСВ без этой семы — в случаях ретроспективного, нулевого и проспективного ТВ. Следовательно, лексическая избирательность присуща не модели ИП в целом, а ее семантическим разновидностям, связанным с конкретными конфигурациями значений указанных грамматических факторов.

В докладе будет рассмотрено влияние на лексическую избирательность модели не только названного, но и других факторов.

Литература

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. — 375 с.

Дымарский М. Я. Инфинитивные предложения со значением нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // ВЯ. 2015. № 5. С. 26–48.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИ ОГРАНИЧЕННЫЕ МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Известно, что некоторые значения слов могут быть парадигматически ограничены. В. В. Виноградов в свое время среди типов значений слов отмечал конструктивно обусловленные значения. В качестве примера он приводил так называемый творительный превращения: *обернуться соколом, волком* и т.п.

В. В. Виноградов также писал о видовых ограничениях в семантике глагола. Им отмечено, в частности, распределение по видам значений глагола *казнить*:

«Легко заметить, что значения сов. и несов. вида в формах глагола *казнить* сочетаются лишь с прямым, основным значением этого глагола: *подвергать или подвергнуть смертной казни*. Другие же переносно-книжные значения слова *казнить*: функционируют лишь в формах несов. вида. Таким образом, дифференциация лексических форм слова *казнить* тесно связана с дифференциацией грамматической [Виноградов 1938, 144].

Распределение лексических значений глаголов по видам рассматриваются также Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской. Ср.: *Смотреть* в «зрелищном» значении не связано никакими семантическими ограничениями. Между тем *видеть* в «зрелищном» значении реализуется лишь в прошедшем общефактическом [Апресян 1995, 62].

Можно заметить, что среди глагольных форм «ущербными» нередко оказываются формы деепричастий: многие переносные и другие нецентральные лексические значения глагола не выражаются деепричастиями. Например: *идти* (об одежде), *цвести* (о человеке) и т.д.

Ср.:* *Платье, очень идя ей, несколько молодило женщину; *Цветя в юности, она поблекла уже к 30 годам.*

Можно ли установить типы значений, регулярно проявляющихся лишь в определенных формах?

Наблюдения показывают, что среди разных видов метонимических значений есть такие, которые реализуются только в составе некоторых падежных форм.

Я имею в виду употребление группы слов *жара, тепло, холод, мороз, ветер, сквозняк, солнце, свет, тень, тьма, туман* и др. в предложном падеже с предлогом *на*, в винительном падеже с предлогами *на* и *в*, в родительном падеже с предлогами *с* со значениями: 'там, где'; 'туда, где'; 'оттуда, где': *стоять на солнце, на свету, на жаре, на ветру, на сквозняке; вынести на холод, поставить в тепло; прийти с холода, с мороза* и т.д. Ср.: Улыбнулся спокойно и жутко и сказал мне: "Не стой *на ветру*" (А. Ахматова. Сжала руки под тёмной вуалью); Они целый день стоят *на жаре*, чтобы попасть к врачу (Д. Виноградов. Врачи прилетели); Она звала меня куда-то *в бесцельный зимний холод* и *в северный туман*. (А. Блок. Она пришла с заката); Они так ласково меня из дома выгнали *на вьюгу* (А. Белый. Совесть); Поезд так быстро выходит *на свет* (С. Маршак. Туннель); Она пришла *с мороза* (А. Блок. Она пришла с мороза); Побегу кофейку сварю. Или лучше чаю покрепче, *с метелито* (Т. Устинова. Где-то на краю света); *С холода* в тепле зубы ломит (Устн. речь).

В словарях эти значения отмечаются непоследовательно. Так, значение 'там, где' отмечено у слов *холод, тепло, жар*, но не отмечено у слов *сквозняк, мороз, дождь* – хотя примеры с таким значением даются. Этот же круг слов в винительном падеже с предлогом *в* нередко выражает временное значение 'тогда, когда'; 'тогда, когда жара, холод, тьма и т.д.'. Ср.: *В такой холод (мороз, туман, зной, ветер, гололед), в такую жару (слякоть, тьму) лучше сидеть дома; В туман ехать опасно.*

Она гоняет, как собак, в несчастье, в дождь и в тьму пять тысяч где, семь тысяч как, сто тысяч почему (Р. Киплинг. Есть у меня шестерка слуг. Пер. С. Маршака);

Может возникнуть вопрос, обязательно ли считать эти значения метонимическими?

Слова *жара, холод, мороз, тепло, сквозняк, ветер* и под. называют состояние в природе, атмосферное явление, которое регулярно связано с местом и со временем. На основе этой регулярной связи и происходит перенос наименования, типичный для метонимии. Это перенос, аналогичный актантной метонимии: действие – место действия (*спуск с горы – крутой спуск*); действие – время действия (*обед затянулся – встретимся в обед*). Известно, что актантная метонимия имеет и обратную направленность: от актанта к действию (ему грозит *тюрьма*, его призвание – *кисть и карандаш*), но поскольку *жара, мороз, туман* и т.п. представляют собой некие аналоги действия (состояние), то рассматриваемый вид метонимии, очевидно, близок к первому типу. Ср.: словарные толкования вторичных значений у таких слов как *вход, выход* – ‘место, где входят’, ‘место, где выходят’ и словоформ – *на холоде, на жаре, на ветру* – ‘место, где холод, жара, ветер’ и т. д.

Итак, отмеченный нами тип метонимии, на наш взгляд, показывает существование парадигматически ограниченных метонимических значений как регулярное системное явление. Это не отдельные случаи проявления (или не проявления) некоторых периферийных значений слова, а регулярно проявляющиеся в определенных предложно-падежных формах у определенной лексической группы слов формализованные значения – ‘там, где’, ‘туда, где’, ‘оттуда, где’ и ‘тогда, когда’. Это явление, на наш взгляд, лишней раз иллюстрирует не только связь, но и взаимопроникновение лексики и грамматики.

Литература

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды, т.2. М., 1995.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений. М., 1982.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007..

Анна А. Зализняк (Москва)

ЗАСВЕТЛО ИЛИ ЗАТЕМНО? К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЭНАНТИОСЕМИИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Наречие *затемно* употребляется в русском языке для обозначения двух различных временных точек: (i) ‘незадолго до рассвета’ (*отправился в путь затемно; пришел на работу затемно*) и (ii) ‘вскоре после заката’ (*вернулся домой затемно; закончил работу затемно*). Эти два значения выделяются, в частности, в МАС; в статье [Шмелев 2009, 197] слово *затемно* трактуется как энантиосемичное. При этом в обоих случаях речь идет о моменте, локализованном в темной части суток, причем вблизи его границы со светлой, но в одном – в начале, а в другом – в конце этого темного интервала. Как представляется, частичная «противоположность» двух значений слова *затемно* является результатом реализации единой концептуальной схемы, заключенной в слове *затемно* (‘нахождение в темном промежутке времени, близко к его границе’) применительно к двум различным порядкам следования света и тьмы на рассвете и на закате. Если речь идет о границе между светом и тьмой (наступление вечера), *затемно* означает ‘вскоре после заката’ (*вернуться домой затемно*); если, наоборот, о границе между тьмой и светом (наступление утра) – ‘незадолго до рассвета’ (*выехать затемно*).

Пространственная метафора, реализованная в слове *затемно*, соответствует значению приставки *за-*, которое реализуется в глаголах, обозначающих переход в состояние

(загустеть, забродить, зачерстветь), а также в несобственно-начинательных глаголах (зацвести, заболеть, закурить), см. [Зализняк 1995], [Зализняк, Шмелев 2002].

Словообразовательная модель, использованная в слове *затемно*, относительно малопродуктивна. Она представлена в слове *заживо*, где реализуется значение, соответствующее (i): *сгорел заживо* (фиксирует пребывание в конечной точке состояния ‘быть живым’), и в слове *замертво*, где реализуется значение, соответствующее (ii): *упал замертво* (фиксирует пребывание в начальной точке состояния ‘быть мертвым’). Как и в случае с *затемно*, эти два наречия фиксируют точку, близкую к границе обозначенного основной состоянием, и тоже могут быть употреблены только в контексте динамических предикатов.

Слово *засветло* реализует симметричную концептуальную схему ‘нахождение в светлом промежутке времени, близко к его границе’, и здесь имеется аналогичная пара значений: – (i) ‘незадолго до заката’ (*вернулись домой еще засветло*) (ii) ‘вскоре после рассвета’ (*закончили работать уже засветло*). (Значение (ii) – относительно редкое; в словаре МАС оно не отмечено.)

Как было показано в статье [Зализняк, Шмелев 1997] на основании анализа слова *утро* и его производных, в русском языке отражено представление о том, что светлое время суток предназначено для деятельности, а темное – для перерыва в деятельности. Употребление слов *затемно* и *засветло* подтверждает этот вывод: *затемно* в значении ‘после заката’ и *засветло* в значении ‘перед закатом’, локализуя события внутри светлого времени суток, встречается преимущественно в контексте глаголов, обозначающих, соответственно, относительно позднее или относительно раннее окончание деятельности или пути (*вернуться, добраться, приехать, прибыть* и т.п.). *Затемно* в значении ‘перед рассветом’ употребляется преимущественно в контексте глаголов, обозначающих предварительный этап деятельности, которая начнется после рассвета (*проснуться, выйти, выехать* или *прийти, приехать* <в точку назначения>). *Засветло* в значении ‘после рассвета’ обозначает завершение «аномальной» ночной деятельности – либо ночной работы, либо ночного гулянья, ср.:

Александр Павлыч кутил в «Магните» и возвращался *уже засветло*, когда Привалов успевал уйти (Д.Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Для обоих наречий характерна сочетаемость с наречиями *еще* и *уже*. Наречие *еще* служит показателем реализации значения ‘перед закатом’ (*вернулись домой еще засветло*) для *засветло* и значения ‘перед рассветом’ для *затемно* (*выехали на рыбалку еще затемно*). Наречие *уже* указывает на реализацию значения ‘после рассвета’ для *засветло* (*вернулся с ночного дежурства уже засветло*) и значения ‘после заката’ для *затемно* (*вернулись домой уже затемно*).

При отсутствии этих показателей может возникать неоднозначность; так, фраза *Мы выехали затемно* может обозначать как ‘перед рассветом’, т.е. «еще затемно» (например, если путь был долог, и следовало успеть в пункт назначения засветло), но может означать и ‘после заката’, ср. *Весь день прособирались, так что в результате выехали затемно*, т.е. «уже затемно». Но в любом случае *затемно* означает локализацию в пограничной зоне темного времени суток (т.е. это не может быть, например, час ночи). Аналогично – *Вернулся засветло*: либо ‘перед закатом’, либо ‘после рассвета’ (но никак не в середине дня).

Сказанное может быть представлено в форме следующей таблицы:

‘перед рассветом’	‘после рассвета’	‘перед закатом’	‘после заката’
(<i>еще</i>) <i>затемно</i>	(<i>уже</i>) <i>засветло</i>	(<i>еще</i>) <i>засветло</i>	(<i>уже</i>) <i>затемно</i>

Эта стройная картина является, однако, неполной.

А именно, наречие *засветло* имеет еще одно значение – ‘перед рассветом’ (в котором оно оказывается синонимично *затемно*), где *за-* указывает на локализацию, наоборот, *вне* пространства, обозначенного основой. Как показывает материал НКРЯ, слово *засветло* в

этом значении впервые появляется в последней четверти 19 в. и довольно широко распространяется начиная с середины 20 в., ср.:

Но меня все же тянуло в Париж. Хотелось хоть украдкой со стороны взглянуть, что там происходит, и *еще засветло* мы с Наташей вышли из поезда на вокзале «Сен-Лазар». Метро не действовало, такси и автобусы не ходили, и мы пешком двинулись на свою квартиру на Кэ Бурбон (А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 5).

Если отец не ездит в свои длинные командировки, он обычно уходит на работу *засветло*, его военная часть находится очень далеко, в другом конце города, и потому он добирается туда на двух трамваях (Э. Лимонов. Подросток Савенко).

Чтобы попасть на московский самолет, вставать приходится *засветло* и потом ехать по спящему шоссе в порт, чтобы отправиться с первым паромом в Неаполь и далее в Рим (А. Мокроусов. В тени Эпомео // «Домовой», 2002.08.04).

Для наречия *засветло* в значении ‘перед рассветом’, так же, как и для синонимичного ему в этом значении *затемно*, характерна сочетаемость с наречием *еще*.

Итак, *засветло* в значении ‘перед рассветом’ (*вышел из дома засветло*) локализует событие по другую сторону границы, вне «светлой» зоны, обозначая точку, симметричную относительно точки ‘после рассвета’ (*вернулся домой засветло*), – что порождает смысловое соотношение, которое может быть названо энантиосемией. Возможность семантической деривации, обеспечивающей существование значения ‘перед рассветом’, заключена в потенциальной обратимости позиции наблюдателя (субъекта дейксиса), включенной в семантику пространственных предлогов (ср. [Добровольский, Падучева 2008] о дейктическом сдвиге в немецких частицах *her* и *hin*, а также примеры соответствий: нем. *vordie Türsetzen* – рус. *выставить за дверь*, *vorder Stadt* – *за городом*, *esregnetvordem Fenster* – *за окном дождь* в [Тарасевич 2014]). Тем самым, *Мы выехали засветло* (= ‘перед рассветом’) содержит тот же дейктический сдвиг, что *Мы стояли за дверью* (например, потому что в аудитории не было места).

При этом наречие *затемно* аналогичного сдвига не допускает (оно не имеет значения ‘перед закатом’). Это обстоятельство обусловлено, очевидно, тем, что светлая и темная часть суток неравноправны: светлая является «выделенной», и для локализации относительно этой части временного пространства возможен такой способ концептуализации, при котором условный наблюдатель находится в ней. Для темной части суточного цикла такая возможность отсутствует.

Литература

Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог» (2008). М., 2008. С.140-146.

Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 19. 1995.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // *Логический анализ языка. Модели времени*. М., 1997.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Семантика начала с аспектологической точки зрения // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. М., 2002. С. 212-224.

Тарасевич Л.А. Интерпретация пространственных выражений: к проблеме неоднозначности (на материале немецкого и русского языков) // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки*. 2014. № 10. С. 102-107.

Шмелев А.Д. «Незначашее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // *Логический анализ языка. Ассерция и негация*. М., 2009. С. 173–202.

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКАМИ ПОД-, ПРИ- В "ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ"

В докладе будут рассмотрены разговорные глаголы с приставками *под-*, *при-* (такие как: *подзаработать*, *подзаправиться*, *подкраситься*; *приработать*, *принарядиться* и др.), со значением низкой интенсивности действия. В словарях в толковании этих слов почти всегда присутствует компонент значения 'немного, в небольшом количестве' и/или дополнительности 'в дополнение к имеющемуся'. Ср.: толкования из МАС:

подбросить (Бросая, **добавить**; бросить **немного**); *подварить* (Подвергнуть варке еще раз, **дополнительно**; Сварить или заварить в **дополнение** к сваренному или заваренному раньше); *подвинтить* (Завинтить **добавочно**, потуже или **немного, слегка**.); *подвирать* (**Немного, слегка** врать, привирать); *подвыпить* (Выпив чего-л. спиртного, **слегка** опьянеть); *подгулять* (**Немного** опьянеть, захмелеть); *поддразнивать* (**Слегка, немного** поддразнить); *подзабыть* (**Частично** забыть, не очень твердо сохранить в памяти); *подзагореть* (**Слегка, немного** загореть); *подзакусить* (**Немного** закусить); *подзанять*, (**Немного** занять, взять займы); *подзаняться* (**Немного** заняться чем-л.); *подзаправиться* (**Немного** заправиться); *подзапустить* (**Немного** запустить); *подзаработать* (**Немного** заработать; **дополнительно** заработать); *подкоротить*, (**Слегка, немного** укоротить); *подкраситься*, (**Немного, слегка** или **дополнительно** накрасить себе губы, щеки и т. п., окрасить себе волосы); *подпортить* (**Несколько** испортить); *подправить* (Поправить **немного**, устранив отдельные недостатки, неисправности, ошибки; Восстановить **немного** здоровье, силы; подлечить); *подрезать* (Срезая, **несколько** укоротить, подровнять; Нарезать **дополнительно**, еще **немного**); *приработать* (Заработать **немного** в **дополнение** к основному заработку.); *прихворнуть* (Быть больным, болеть, обычно **не сильно, не серьезно**); *приплатить* (Заплатить **дополнительно**, дать **в придачу**); *присолить* (Посолить **немного** или **дополнительно**).

При реализации таких значений эти глаголы сочетаются обычно с наречиями: *чуть-чуть, немного, слегка, капельку и под.*: немного подзабыл, слегка подзагорел, чуть укоротил, маленько подзаработал и т.п.

Однако существуют многочисленные примеры, где этих компонентов значения у указанных глаголов не наблюдается. Об этом сигнализирует и сочетаемость: *хорошенько, как следует, основательно, полностью, изрядно, серьезно, совсем* и т.п.:

Теперь мне нужно хорошенечко подзагореть (Блоги, 2015); — *Успеем. Как следует подзакусим. Время позволяет* (Б. Екимов. Рассказы); *Основательно подзакусив, милиционер Свистулькин снова забрался в постель и решил поспать еще чуточку* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе); *Я с четырнадцатого года в окопах/ так что порядком всё подзабыл//* (К/ф "Адьютант его превосходительства", 1969); *Самой ванной следует основательно подзаняться – тщательно вычистить. ...; Ну, знаете, вам придется серьезно подзаняться собой* (Блоги, 2017).; *Советую подзаправиться основательнее* (В. Скворцов. Сингапурский квартет); *Все просто, покупаем рульки, я взял 3 штуки, перец черный, перец душистый, лавровый лист, зелень и очень крепко присолил* (Блоги, 2016).

Подобные расхождения вообще характерны для непринужденного общения, и описаны в ряде монографий по русской разговорной речи. В частности, именно это явление описано в разделе о глагольной префиксации: "Так, глаголы с префиксами *под-*, *при-*, указывающие на небольшую интенсивность действия, используются для выражения вежливости, подчеркнутой симпатии: (о статье): Я бы тебе советовал эту часть *подсократить!*" [PPP 1981, 135].

Как пишет М.В. Панов: "Глагольная приставка *под-* в обиходной речи служит не столько для обозначения ослабления действия, проявления его не в полную меру, немножко (как говорится в словарных определениях), сколько для выражения разного рода экспрессий (вежливости, иронии, стремления не обидеть и выразить нужную мысль и т.п.)" [РЯСО, 10 цит. по PPP 1981, 135].

Такие глаголы могут употребляться и в нейтральном значении, например, *приплатить* = *заплатить*: *Любая девочка еще приплатила бы, чтоб получить такую роль* (Л. Вертинская. Синяя птица любви); *подзагореть* = *загореть* (*К концу я уже так подзагорела/ что меня за местную принимали!*) (Запись устной речи, 2010).

Возникает вопрос, как описать подобные глаголы в словаре

Существует несколько путей решения проблемы.

1. Можно выделить два значения: 1. Значение, включающее компонент небольшого количества/слабой интенсивности. 2. Нейтральное значение. (Например: *Подзакусить*. 1. Поесть немного или в перерывах между едой. 2. Поесть).

2. Можно с помощью слов *обычно, как правило, часто* в толковании указать, что компонент немного/дополнительно присутствует не всегда. (Например: *Подзаработать*. Обычно заработать немного или в дополнение к основному заработку).

3. В зоне PRAGM (где даются прагматические сведения о слове*) указать, что бывают случаи нейтрального или экспрессивного употребления. (Например: *Подкраситься*. Немного, слегка или дополнительно покрасить губы, щеки. PRAGM: часто употребляется в значении 'накраситься, нанести макияж', ср.: *Подожди/ мне еще в душ нужно и подкраситься/ давай через час выйдем//* (Запись устной речи, 2015).

В докладе будет обсуждаться вопрос, возможно ли выбрать один способ лексикографического описания для всех указанных глаголов, а также рассмотрены преимущества и недостатки указанных вариантов решения проблемы.

Литература

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

МАС – Малый академический словарь.

РРР 1981 – Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 134 – 135

РЯСО – Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи (отв. ред. Л.П. Крысин). Вып 1: А – И. М., 2014; Вып 2: К – О. М., 2017.

Д. Ю. Ильин (Волгоград)

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВНЫХ ФОРМ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ**

Обозначив конкуренцию форм именительного падежа множественного числа существительных на *-ы (-и)* и *-а (-я)* как «драматическую страницу в русистике», К. С. Горбачевич предопределил дискуссию о правомерности и границах употребления вариантов падежных форм. Появившись как результат разрушения категории двойственного числа, формы на *-а (-я)*, сначала малочисленные и обозначающие только парные предметы, постепенно расширяли сферу своего воздействия на субстантивы. В настоящее время они полностью закрепились в литературном языке, имея нейтральные или стилистически ограниченные в своем использовании варианты на *-ы (-и)*.

Стилистический словарь вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной и др., называя источником распространения флексии *-а (-я)* сферы профессионального языка и просторечия, перечисляет свыше 300 субстантивов как варианты, колеблющиеся в форме именительного множественного. В то же время практика региональной прессы, как демонстрируют публикации районных газет Волгоградской

* Подробнее о структуре словарной статьи в Толковом словаре русской разговорной речи, см. [ТСРР 2014].

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

области, свидетельствует о расширении числа подобных вариантов (хотя мы допускаем и мысль о недостаточной точности корректуры).

1. Некоторые лексические единицы фиксируются в полном соответствии с нормой, отраженной в «Русском орфографическом словаре» (далее – РОС) 2012 г.: *дома паспорта готовности должны получить в срок* (Урюпинская правда, 13.09.2011), *современные корпуса* (Спутник, 20.04.2017), *в довоенные годы* (Урюпинская правда, 22.09.2016). В то же время в региональных газетах практически полностью закрепилась форма *договора*, хотя РОС ограничивает сферу ее использования разговорной речью: *договора купли-продажи* (Урюпинская правда, 19.07.2012).

2. Неоднородно в выборе флексии представлены единицы, не узаконенные в РОС. Так, существительные 1-го скл. мужского рода с основой на твердый согласный с предметным значением зафиксированы по преимуществу с флексией *-ы*: *косметические ремонты* (Спутник, 20.04.2017), *гибриды свиней беконной направленности* (Урюпинская правда, 15.09.2011), *недоборы по платежам* (Урюпинская правда, 13.09.2011), *растут намолоты зерна* (Урюпинская правда, 19.07.2012), хотя встречаются и с флексией *-а*: *отставные офицера собрались в клубе* (Коммунар, 08.05.2016).

3. В региональной прессе встречаются не зафиксированные в толковых словарях формы множественного числа с флексией *-и* отвлеченных существительных с основой на заднеязычные: *экономика* в значении «организация хозяйственной жизни» и *банк* – «место хранения сведений», например: *неоднородно развиваются экономики соседних районов* (Нива, 12.05.2017), *электронные банки документов* (Урюпинская правда, 19.07.2012).

4. Крайне противоречиво и несистемно представлены флексии именительного падежа множественного числа в названиях жителей населенных пунктов: *волоцчане* (хутор Волоцкий), *басакинцы* (поселок Басакин), *верхнегнутовцы* (хутор Верхнегнутовский), *тормосиновцы* (хутор Тормосино). Вероятно, неустойчивость нормы в данном случае может быть обусловлена исключительно местной традицией, результатом влияния устной речи местных жителей, вкрапляющейся в тексты районных газет.

Таким образом, проблема кодификации грамматической нормы образования субстантивных форм именительного падежа множественного числа в настоящее время является достаточно актуальной и сопряжена не только с лингвистической традицией, различием семантики, нормативно-стилистической переоценкой, но и с тенденцией к «диффутизации» и «синкретизации» (термины О. Б. Сиротининой), что приводит к нестрогости кодифицированных норм и расширением доли допустимого в языке, связанного с какими-либо особенностями употребления.

Л. Л. Иомдин
(ИППИ РАН, Москва)

О СЛОВАРЕ МИКРОСИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Микросинтаксис – область языковых явлений на стыке грамматики и словаря. Из-за промежуточного положения этим явлениям уделяется сравнительно мало системного внимания: теоретики склонны считать, что это скорее тема для лексикографа, лексикографы часто игнорируют грамматические аспекты таких единиц, а компьютерные лингвисты заносят их в техническую и малосодержательную группу *multiword expressions*, MWE, отвергая индивидуальный подход к отдельно взятой единице. Автор работает над описанием микросинтаксических явлений полтора десятилетия, считая эту задачу очень важной, штучной и необычайно трудной.

Микросинтаксический подход к описанию языковых явлений идейно близок к грамматике конструкций, хотя и отличается от него в нескольких отношениях. В частности,

если иметь в виду грамматический аспект проблемы, наш подход распространяется не на весь синтаксис языка, а лишь на его периферийную часть, которая противопоставляется базовому “большому” синтаксису.

Микросинтаксис представлен двумя основными типами языковых элементов высокой степени идиоматичности:

1) слабо лексикализованных или совсем не лексикализованных **нестандартных синтаксических конструкций**;

2) сильно лексикализованных **синтаксических фразем**.

Граница между этими типами языковых элементов достаточно условна: главным различающим критерием является степень лексикализации единицы. Примерами нестандартных синтаксических конструкций могут служить инфинитивно-модальные конструкции с дательным падежом субъекта типа *вам скоро выходить, тебе с ним не ужиться* или разнообразные конструкции с повторяющимися или коллокативно близкими лексемами типа *видеть не видел, но (много слышал о том)...*, *говори не говори, работа есть работа, мальчик как мальчик, дура душой, спать (богатырским) сном, идти (странной) походкой* и т.д. Примерами синтаксических фразем являются единицы (часто многозначные) типа *всё равно, в силах, в силу, по силам, под силу, с силой, от силы, изо всех сил, только что, пока что, разве что, как бы, как будто, вроде бы, вроде как, вроде бы как, то и дело, то ли дело, как быть (с тем-то и тем-то), была не была* (не путать с колексемными конструкциями, где лексемы легко варьируются) и сотни других.

Среди микросинтаксических элементов обоих типов особое место занимают такие, которые составлены из слов широкой или размытой семантики. Часто это служебные слова – местоимения, союзы, предлоги, частицы, связочные глаголы. Эти конструкции отличаются существенными особенностями, в частности: (1) повышенным уровнем некомпозициональности (смысл элемента может быть настолько специфичным, что его невозможно вывести из смысла входящих в нее элементов даже посредством цепочки семантических переходов); (2) высоким уровнем неоднозначности (помимо того, что такие элементы могут иметь более одного значения, они могут быть омонимичным свободным словосочетанием); (3) повышенным уровнем синтаксической сложности (во многих случаях нелегко определить типы синтаксических связей между составными частями микросинтаксических единиц, а то и сам факт наличия связей).

Для решения задачи адекватного описания микросинтаксических единиц представляются полезными высококачественные лингвистические ресурсы, в которых соответствующие единицы четко фиксировались бы и при необходимости распределялись по значениям. В рамках проекта по созданию многоцелевого лингвистического процессора мы разрабатываем два таких ресурса, интегрально связанных между собой – Микросинтаксический словарь и микросинтаксически размеченный корпус текстов.

Статьи Микросинтаксического словаря составляются по единой схеме, в значительной мере опирающейся на опыт создания Активного словаря русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна. Примерная схема словарной статьи такого словаря выглядит так:

1) имя микросинтаксической единицы и ее тип (синтаксическая фразема или нестандартная синтаксическая конструкция);

2) лексический состав единицы (конкретные слова синтаксической фраземы или классы слов, входящих в состав нестандартной синтаксической конструкции, если таковые имеются);

3) лексикографическое толкование единицы (по возможности, аналитическое);

4) модель управления (если она имеется);

5) синтаксические свойства единицы, формулируемые в терминах грамматики зависимостей и включающие идентификацию синтаксических отношений между элементами единицы и синтаксических отношений, встраивающих данную единицу в предложение;

6) синонимы и аналоги;

7) комментарии;

8) иллюстрации.

В докладе будут рассмотрены конкретные единицы разрабатываемого словаря, принадлежащие к обоим микросинтаксическим типам. Значительное внимание будет уделено взаимодействию между Микросинтаксическим словарем и микросинтаксически размеченным корпусом текстов.

О. С. Иссерс (Омск)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ АНГЛИЦИЗМОВ ИЗ СФЕРЫ МОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ *MUST HAVE*)

В отечественной лингвистике дискурс моды привлек внимание исследователей относительно недавно, в то время как в западной традиции теоретическое осмысление семиотики моды и ее вербального кода имеет более чем полувековую историю. Поскольку дискурс моды отражает ценности и нормы, характерные для конкретного лингвокультурного сообщества, наблюдения за репрезентацией в языке ценностных ориентиров, формирующих соответствующий стиль жизни, существенно для понимания многих социальных изменений.

Идеология моды (по Р. Барту) трактуется как система социокультурных установок, функций, идей, мотивов, мифов, ценностей и других ментальных образований, включенных в дискурс моды. В данной системе, в частности, выделяется такой компонент, как нормативные модели, предписывающие ношение той или иной одежды в соответствии с социокультурным образом, статусом и ситуацией. Нормативные модели в дискурсе моды в значительной степени «опредмечены» стереотипными представлениями о символическом или реальном обладании модными объектами. Современная мода как продукт массовой культуры предлагает модель потребления посредством императива: «это следует носить, чтобы быть модным». В то же время нельзя забывать, что дискурс моды является формой рекламы новых товаров, регулятором поведения потребителей и средством расширения сбыта, влияет на формирование определенной структуры потребностей. Среди основных стратегий дискурса моды специалисты выделяют регулятивно-рекомендующую, которая выражается в форме совета, рекомендации, пожелания. Модные советы – одна из популярных рубрик фэшн-журналов.

В связи с этим неотъемлемой чертой дискурсивных практик в сфере моды является активное использование императивов, детерминированное функцией призыва. В современном русском языке одним из лексических репрезентантов данной интенции стало заимствованное из английского словосочетание «*must have*». Процесс адаптации его в русском языке происходит на наших глазах. Он обусловил варьирование языкового кода (латиница либо кириллица), а также графической и морфологической формы.

В английском языке модальный глагол *must* имеет общее значение долженствования и употребляется для выражения необходимости совершения действия в силу определенных обстоятельств, а также для выражения приказа или совета. Слово *must* в английском языке используется, когда речь идет об устойчивых традициях и законах, будь они моральные или юридические. Вторая часть словосочетания – глагол *to have* ('иметь, владеть, обладать') – тоже передает долженствование, но иного рода. *Must* – это выражение подчиненности общим законам; то есть осознание, что вы должны что-то сделать, потому что так принято в обществе. *Have to* – это выражение подчиненности в силу частных обстоятельств. То есть вы должны что-то сделать, потому что вас что-то вынуждает это сделать.

Словарь молодежного сленга трактует *must have* как необходимую вещь, предмет первостепенной надобности и постоянного пользования [<http://teenslang.su/id/15763>]. Носителями русского языка выражение нередко переводится буквально и понимается как

«должен иметь» или «нужно иметь»; оно используется не только в отношении одежды, но и других предметов.

Национальный корпус русского языка отражает семантическую и морфологическую специфику использования словосочетания «must have» в русскоязычных текстах весьма ограниченно: на запрос в русской транслитерации «мастхэв» в основном корпусе был найден один пример: *Первая часть – мастхэв, вторая часть – маст си* (о кинотрилогии «Блейд»). По запросу на вариант написания латиницей (must have) найдено 8 примеров, в числе которых два – англоязычные тексты. Значительно шире данное словосочетание представлено в новых медиа – электронных версиях СМИ, социальных сетях, обсуждениях на форумах и пр. Анализ контекстов его употребления в публикациях показал, что данное словосочетание используется в настоящее время по отношению к очень разным предметам: одежде, косметике, компьютерным программам, фильмам и музыке и др. Сочетаемость *must have* позволяет вербализовать образы, ассоциированные с абстрактной сущностью данного понятия.

В современных дискурсивных практиках представлены многочисленные атрибутивные словосочетания с *must have*, включающие, как правило, маркеры хронотопа либо принадлежности: *обязательный must-have этой весны; список актуальных маст-хэвов лета, однозначный must-have в летнем гардеробе; неувядающий must-have сезона; сексуальный must-have осени, мой must have* и т.д.

Словосочетание *must have* стало настолько популярным, что его активно используют в качестве нейма: журнал *Must. Have. Style*; салон *Must have tattoo*; *Must Have* – это и маркетинговое агентство, и бюро элитной недвижимости, и кафе-ресторан.

Грамматическая адаптация заимствования проявляется в склонении по образцу мужского рода, образовании форм множественного числа и дериватов *мастхэвный, мастхэвить* и др.

Е. В. Какорина (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОММУНИКАТИВОВ

(На материале работы над «Толковым словарем русской разговорной речи (ТСРР*)»)

Дискуссия о лингвистическом статусе слов типа *Валяй!*; *Смотри!*, *Давай!* *Куда там!*, *Какое!*; *жуть!*, *блеск!*, *красота!* и под. имеет достаточно продолжительную историю, см. [Шведова 1960; Шмелев 1961а; 1961б].

Однако и сегодня вопрос системного теоретического осмысления и подробного номенклатурного (в том числе лексикографического) описания единиц данного типа остается актуальным и не до конца решенным. Об этом свидетельствует разнообразие лингвистических подходов к их изучению и соответствующая терминологическая пестрота: *междометия* [Виноградов 1947]; *частицы* и *междометия* [Шведова, 1960]; *модальные частицы* [РГ 1980]; *релятивы* [Сиротинина 1974, Земская 1983], *иллокутивы* [Кустова, 2012]; *речевые формулы* [Баранов, Добровольский 2007], *коммуникативы* [Киприянов 1983; Колокольцева 1999; Шаронов 2015; 2017 и др.].

В статье мы пользуемся термином *коммуникативы* (далее К.), т.к. он, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает дискурсивную и функциональную специфику таких слов-

* *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 1: А – И / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, И.В. Нечаева, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2014; *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 2: К – О / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, И.В. Нечаева, Е.А. Никишина, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина, О.А. Шарыкина; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2017.

реплик, слов-предложений, хотя в ТСРР они могут подаваться по-разному: как *междометия*, та или иная часть речи *в функции междометия*, а также как *фраземы*.

К. – это слова-предложения, реплики, представляющие *стандартизированные ментальные или эмоциональные реакции говорящего* на сказанное ранее, экспрессивную оценку действий собеседника или ситуации. Ср. [Сиротина 1974, 78], а также:

К. – «это краткие ответные реплики диалога, репликовые слова и сочетания реактивного типа, единицы и речи и языка. Человек с их помощью подтверждает или выражает сомнение, оценивает услышанное, принимает обязательства или отказывается что-либо делать, благодарит, извиняется и т.д. и т.п. Такие реплики служат для формирования диалогического взаимодействия собеседников и структурирования диалога» [Шаронов 2017, 115].

В ядерную часть К. предлагается включать «однокомпонентные «слова-предложения» и словосочетания, автоматически воспроизводящиеся в речи» [Шаронов 2015, 147].

Отсутствие единого термина и единого взгляда на характерные признаки единиц данного типа объясняется их противоречивой природой, а именно:

- пограничным статусом между языком и речью (поскольку они типичны для устного диалога);

- положением между морфологией и синтаксисом (поскольку К. рассматриваются как фразеологизированные, застывшие формы слов, выделившиеся из общей парадигмы, или как сочетания слов, которые начинают функционировать в качестве самостоятельных синтаксических единиц – отдельных высказываний);

- потерей «знаменательности» и «служебной» функцией (К., характеризуясь «денотативной пустотой», имеют большую иллокутивную силу и являются важнейшими единицами устной коммуникации).

Стоит отметить, однако, что еще в 1960-е годы слова, «принадлежащие к различным классам (частям речи) и приобретающие в определенных условиях функции частиц» или междометий [Шмелев 1961б, 127], были выделены в особый объект изучения [Шведова 1960; Шмелев 1961а]. Были высказаны и активно обсуждались (хотя нередко и в полемическом ключе) идеи о семантическом отрыве производной «частицы» от исходной формы, рассмотрены «процессы «отрыва», синтаксического закрепления или контекстных «смещений» с точки зрения завершеного перехода знаменательных слов в служебные» [Шмелев 1961а, 505], лежащие в основе многих современных работ. Сегодня можно отметить активизацию интереса к подобным словам и подготовку специальных словарей К. (Шаронов).

В ТСРР К. являются полноправными единицами и последовательно включаются в словарь.

Проблемы лексикографического описания К.

- в процессе отбора и фиксации единиц:

а) Крайняя формально-структурная разнородность К., и открытость ряда К. Ср. выражение

реакции говорящего на ситуацию – удивление и /или восхищение, высокая степень положительной оценки:

Блеск! Вот это да! Жесть! Зашибец! Зашибись! Клёво! Класс! Красота! Круто! Мама! Мама миа! Ни фига! Ничего себе! Ничёсе! Ништяк! Ну и ну! Обалдеть! Ого! Опупеть! Отпад! Охренеть! Под столом! Потряс! С ума сойти! Супер! Улёт! Умереть не встать! Фантастика! Фигас! (Фига себе!) Что-то с чем-то! Шик! Это что-то! Я не могу! Я в шоке!..

Мама! Мама миа! Мамочка! Мамочки! Мама дорогая! Мать честная! Мать моя! Мать моя женщина (отец мужчина)!

б) Трудности разграничения К. и знаменательных слов, а также К. и предикативов.

Разграничение знаменательных слов в эллиптических конструкциях и К. как отдельных форм знаменательного слова в особом значении: *Спешу и падаю! Здравьете! Обойдешься! Облезешь! Размечтался! Спрашиваешь! Поздравляю!*

– У меня машина сломалась! — **Поздравляю!**;

– Обещали/ Сказали одно// И вот// **Здравьете тебе!** С какого перепугу новые правила игры?;

– **Завтра хочу туда поехать!** // – **Здравствуйте!** Я уже давно съездил и всё забрал!

Проснулись!

Ну ты вообще! (предикатив) // *Ну вообще!* (коммуникатив)

- в процессе описания в словаре:

а) Проблема способа фиксации единиц в словаре (вариативность К.; отсутствие традиции графического оформления таких слов; влияние интернет-коммуникации, совмещающей признаки устного и письменного общения, узаконившей намеренное искажение слова и языковую игру)

Ни фига себе! Фига себе! Фигас!

Ничего себе! Ничёсе! Ничоси!

Счаз! Щас! Щаз!

Ну вообще! Ну ваще!

О лексикализации разговорных произносительных вариантов слов и их лексикографическом представлении см. [Розанова, 2015].

б) Различная степень фразеологичности и десемантизации, влияющая на способ подачи, грамматическую квалификацию и характер толкования единиц.

Давай! (является входным словом сл. статьи, описывается в различных значениях – как *частица* и как *междометие*).

Ну ты даёшь! (описывается как одно из значений *глагола* в сл. ст. ДАВАТЬ).

Годится! (описывается как значение *формы глагола* (3 л. ед. ч. наст. времени) в сл. ст. ГОДИТЬСЯ).

Валяй! (описывается как одно из 4-х значений *глагола* (только повел. накл.) в сл. ст. ВАЛЯТЬ).

в) Трудности толкования семантически опустошенного слова.

Необходимость учитывать левый контекст (тип предшествующей реплики), описывать ситуацию общения, тип речевого акта (интенцию), выражаемые эмоции, а также особенности произношения (*Же-е-сть!*), интонации, характерных жестов и мимики и др.

МОЛЧА.

DEF: ответная реплика на недоуменный вопрос «как? (каким образом?)», которая выражает (вместо ответа) демонстративный отказ собеседника согласиться с тем, что то, о чём спрашивают, является ненормальным, затруднительным, странным и т. п.
— *Ну как же ты мог сказать такое?* — **Молча!** (Запись устной речи, 2014); — *Дурак/ как же я кроссовки снимать буду!* — **Молча!** [смеется] (Разговор двух школьников// Из материалов Ульяновского университета, 2007); — *И тогда он предложил мне стать его женой!* — *Как это он предложил?* — **Молча...** (К/ф «Блондинка за углом», 1984); — *Хо-*

г) Развитая омонимия и многозначность К. (проблема разграничения значений).

Например, у междометия *А* в ТСРР описывается три значения.

д) Богатая синонимия К., которая должна быть отражена в словаре и показана в соответствующей зоне словарной статьи ТСРР.

SYN: *А вот так (и)! Изи! Легко! Молча! На раз! Просто!*

Обойдешься! в абсолютном употреблении выражает категоричный, грубый отказ выполнить чью-л. просьбу или требование [ТСРР, Вып. 2], а также негативно или

пренебрежительно оценивает субъекта ситуации, просьба которого квалифицируется как неуместная или незаслуживающая внимания:

[Сильва] *Гоните брюки/ вы/ психи!* [Бусыгин] *Обойдешься!* *это тебе даже к лицу!* [К/ф «Старший сын», 1976].

Ср. [Кустова 2012, 360], где *Обойдешься!* рассматривается в качестве одной из единиц «иллокутивной формулы отказа», включающей в себя большой ряд синонимичных единиц.

Немало К. из словника ТСРР впервые фиксируется словарями. Структура словарной статьи ТСРР позволяет описывать тонкие различия в значениях и грамматических характеристиках К., показывает прагматические параметры, определяющие их значение и употребление в устной речи.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л., 1947.

Земская Е.А. Морфология // *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика.* Жест. М., 1983. С.80–118.

Киприянов В.Ф. Проблема частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.

Колокольцева Т.Н. Антропоцентризм диалога // *Вопросы стилистики.* Вып. 28. Саратов, 1999. С. 114–125.

Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука.* М., 2012. С.349–366.

Розанова Н.Н. Интонационно-звуковые особенности незначительных слов в спонтанной устной речи и их словарное представление // *Язык в пространстве речевых культур: Сб. в честь В.Е. Гольдина.* Москва–Саратов, 2015. С. 132–145.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып.1: А – И; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014; *Толковый словарь русской разговорной речи.* Вып. 2: К – О; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017.

Шаронов И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход.* М., 2015. С. 141–183.

Шаронов И.А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // *Экология языка и коммуникативная практика.* 2017, № 3. С.114–127.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шмелев Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // *Известия Академии наук СССР. Т. XX, Вып. 6.* 1961. С.498–505.

Шмелев Д.Н. Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи (рецензия) // *Вопросы языкознания.* 1961, № 1. С. 125–129

Е. С. Кара-Мурза (МГУ, Москва)

РУССКИЙ РЕКЛАМНЫЙ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЯЗЫКА

По традиции, участники мемориальных конференций опираются в своих размышлениях на труды чествуемых ученых. Такой опорой для меня на 12-х Шмелевских чтениях стала монография акад. Д. Н. Шмелева «Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке вопроса)» (1977). «Нерв» этой книги – отсутствие консенсуса относительно функциональной дифференциации языка, которое Д. Н. Шмелев стремился

диалектически снять. За минувшие 40 лет возродились старые сферы общения (коммерческая реклама, религиозная коммуникация) и возникли новые (реклама политическая и др.). А изучающие их науки: функциональная стилистика и социалингвистика – дополнились дискурсологией.

За это время функционально-стилистическая парадигма пополнилась, благодаря работам Л. П. Крысина и О. А. Крыловой, новым стилем (религиозно-проповедническим / церковно-религиозным) и начал активно изучаться религиозный дискурс. А с рекламной коммуникацией и ее ф-стилем ситуация сложнее, хотя для рекламы характерны все стилеобразующие экстралингвистические показатели: особая сфера применения (информация в торговой области экономики), потребительское массовое сознание, культивируемое в аудитории, а также особый профессиональный тип сознания ее заказчиков и авторов – маркетинговый. Ее инициаторы руководятся рекламной / продвигающей интенцией, которая в текстах проявляется как генеральная целеустановка, настолько важная и специфичная, что она зафиксирована в юридической дефиниции в ФЗ РФ № 38 «О рекламе». В рекламе встречаются слова и конструкции из всех разновидностей русского языка, что тоже отмечено в законе: «реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке». Поэтому одни ученые считают, что стилистическая специфика в рекламе отсутствует.

Другие не признают самостоятельность рекламного стиля: он считается вариантом публицистического (у М. Н. Кожинной) или делового стиля (у О. А. Лаптевой); а в интенционально-стилистической концепции Л. Р. Дускаевой включается в число профессиональных стилей как конкретизации стилей функциональных.

В социалингвистике рекламный ф-стиль тоже не рассматривается. В коллективной монографии ИРЯ РАН 2003 г. «Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация» описаны отдельные проявления рекламы: разговоры на рынках, вывески и зазывы; а в книге 2008 г. «Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков» она представлена как новация в границах дискурса СМИ.

Насчет рекламы есть иные таксономические решения: ее называют жанром (О. А. Крылова, О. А. Лаптева) или дискурсом (В. И. Карасик, А. В. Олянич).

Мне думается, что стоит различать языковые и речевые /текстовые аспекты коммерческой рекламы, с макро- и микроединицами в каждом из них, и описывать их в соответствующей терминологии. Рекламные произведения (речь) создаются в разных формах и жанрах; совокупность этих текстов образует рекламный дискурс (в иерархическом, а не синтагматическом понимании этого термина).

Лексические и грамматические элементы этих текстов (язык) специфичны по тематике, отражая потребительскую культуру с ее объектами (товарами и услугами: *ночная лифтинг-сыворотка*) и их утилитарными свойствами и оценками (*кабриолет от «Volkswagen», эксклюзивный сервисный центр, бескомпромиссное качество*), с ее субъектами (покупателями, производителями и продавцами) и их поведенческими стандартами и взаимоотношениями («*Экономьте с социальной картой москвича!*», «*Выбираете окна? Покупай Rehau!*»). Языковые средства участвуют в выполнении особых коммуникативных задач: номенклатура товаров способна выразить УТП (уникальное торговое предложение) как главный аргумент продвижения, а названия фирм и марок (эргонимы и прагмонимы) выполняют функцию рыночной индивидуализации: *бутик еды «Таежное зимовье»*.

Рекламные произведения и их фрагменты часто оформляются экспрессивно, с игровыми нарушениями норм, которые вообще свойственны массовой коммуникации: магазин хозяйственных товаров «*Домофей*», ремонтная фирма «*МастерОК*». В них проявляются отклонения от синтетизма, в частности несклоняемость онимов (объявление на сайте

организации: «Работа в Шереметьево Смотреть вакансии»), характерные для нынешнего периода развития русского языка и встречающиеся в других сферах общения и типах текстов («Самолет находился в небе над Шереметьево больше часа»). Вследствие этого уровневые средства языка из рекламных текстов приобретают специфическую окраску и воплощают стилистическую норму. Попадая в иные сферы (в основном в журналистику), типичные рекламные обороты (напр., с родительным «производительным») работают как цитаты или выполняют аттрактивную функцию и способны придавать новостям или в аналитике консюмеристский оттенок: заголовок комментария к скандалам в рекламе «"Не обострись" и "налижемся" от Burger King: мнение эксперта» или подзаголовок спортивного комментария «5 причин катастрофы красно-белых от Ловчева».

Русский язык в рекламе я вижу как горизонтальную полевую структуру, центр которой – уровневые средства с рекламной маркированностью, ближняя периферия – экспрессымы из других форм языка, а дальняя периферия стилистически нейтральна.

«Ядро» можно представить и в иной графической интерпретации – как вертикальный срез всех уровней языка, проходящий по немногочисленным опорным точкам; здесь возникает продуктивная ассоциация с функциональной грамматикой по А. В. Бондарко. Его и можно было бы назвать рекламным функциональным стилем русского языка. Или (с учетом терминологических разночтений) – русским рекламным языком.

В. И. Карасик (Волгоград)

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ГРАММАТИКУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Экспансия английского языка как средства международного общения во все языки и культуры в эпоху глобализации и создания мировой компьютерной сети стала фактом нашего времени. Это наиболее заметно в моделях коммуникативного поведения (*Это ваши проблемы*). Импортируются лексические единицы (*серфинг, киллер, драйв*), происходит сращивание английских основ с русскими аффиксами (*расфрендить, брэндовый*), появляются гибридные образования с английскими аффиксами, обычно в игровых макаронических окказионализмах (*аскать не значит унижаться до клянчинга, непродавабельный товар*). Эта проблематика широко освещена в лингвистической литературе. Использование английского языка стало престижным и приобрело индексальный характер [Гриценко, Ненашева 2017]. Проникновение английских грамматических способов выражения мысли в русскую коммуникативную практику проявляется не столь ярко, но заслуживает изучения и осмысления.

Следует заметить, что новые способы оформления мысли, внешне совпадающие с англоязычными образцами, могут быть проявлением внутренних тенденций развития русского языка (увеличение доли аналитических конструкций в речи, рост класса несклоняемых имен, экспансия именительного падежа, расширение примыкания – [Валгина 2001]). Они могут объясняться понижением грамотности населения и вторжением разговорных вариантов обозначения явлений (например, ошибки в склонениях числительных). Положение дел осложняется и тем, что в результате активных миграционных процессов, как отмечает А. В. Кирилина [Кирилина 2011], на русском языке в больших городах нашей страны часто говорят люди, для которых этот язык не является родным, в результате чего в их речи возникают грамматические формы, перенесенные из их родного языка либо сконструированные по упрощенным схемам (*Поезд следует Москва*). Но более всего такие способы форматирования высказываний объясняются плохими переводами с английского, которые тиражируются в массмедиа.

Можно выделить следующие наиболее заметные инновации в русской грамматике, соответствующие моделям грамматики английской.

Появление атрибутивных препозитивных способов обозначения понятий отражает характерную для английского языка грамматическую модель нанизывания существительных в функции определений (*параметры изучения ценностей политического дискурса – political discours evaluate study parameters*): ДНК-тесты, SVO-порядок, «деньги вперёд» правило (ср.: “Doityourself” option – вариант «Сделай сам»). Препозитивная модель представляет собой конденсацию наименования, при этом обратим внимание на то, что в подобных образованиях часто используются аббревиатуры, в результате чего получается двойное уплотнение в атрибутивно-номинативном комплексе, при этом в препозитивной части употребляются капсулированные единицы из иной коммуникативной сферы – заимствования или квазицитаты. Модели с аббревиатурами характерны для научного дискурса, капсулированные единицы встречаются как маргинальные в обиходной речи.

Отличительной чертой русского языка являются имперсональные конструкции (*хочется спать, тянет на природу, подмывает задать вопрос*). Для современного английского типичны агентивные конструкции (*I'd like to – Я хотел бы*). Выделение позиции субъекта приводит и к значимому вуалированию этого субъекта, для английского характерно частое использование пассивного залога. Отметим, что в прежние времена имперсональные конструкции регулярно использовались в английском (*methinks – мне думается; It ill be hooves you to refuse – Вам не подобает отказываться*). Сегодня количество подобных конструкций резко сократилось, частотны только словосочетания *it looks, it seems – выглядит, кажется*, а также выражение *it takes – требуется*. В современном русском языке активно используются обороты *мне хочется, мне нравится*, в то время как высказывания *Здесь хорошо работается, привольно живется, легко дышится* и т. д. употребляются реже, чем раньше. Медийный дискурс под влиянием канонов англоязычного предъявления новостей принципиально агентивен.

Некоторые типично английские конструкции внедряются в русскую лингвокультуру в виде распространенных фраз из кинофильмов: *Я не думаю, что это хорошая идея* (в русском языке отрицание в первой части подобных высказываний выглядит необычно).

В ряду английских сложноподчиненных предложений встречаются структуры, называемые сопутствующими обстоятельствами, внешне похожие на обстоятельство цели (*attending circumstances*): *Он поехал в Африку, чтобы умереть там от тропической лихорадки*. Подобные обороты иногда встречаются в русских публицистических нарративах.

Наряду с этими грамматическими структурами можно отметить и намеренно шуточные конструкции в русской речи: имитация английского герундия (*Прекрати свое нагленье!*); использование инфинитива в функции определения (*Он был хитрый человек задать такой вопрос*).

Таким образом, дискурсивная специфика внедрения англоязычных структур в русскую грамматику состоит в использовании способов информационной конденсации в научном дискурсе, агентивизации высказываний в медийных текстах и обиходном общении, калькированных оборотов в публицистике и игровых трансформаций русского синтаксиса в повседневной речи.

Литература

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М., 2001.

Гриценко Е. С., Ненашева Т. А. Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве // Вопросы психолингвистики. 2017. №3 (33). С.32-47.

Кирилина А. В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. №1(13). С.30-39.

ГРАММАТИКА В СЛОВАРЕ «ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ»

1. Словарь «Термины родства» создается на базе архангельских говоров по материалам огромной картотеки «Архангельского областного словаря» и включает как собственно диалектную, так и общерусскую лексику. Так как с терминами родства регулярно пересекается лексика с первичным значением «пол, возраст, социальный статус человека», она тоже включена в Словарь. Термины родства (и близкие к ним термины) в каждой словарной статье рассматриваются на всех лингвистических уровнях: помимо развернутого семантического аспекта отмечаются фонетические и фонематические варианты, перечисляются все зафиксированные грамматические формы, указана сочетаемость с именем собственным, синтаксические параллели, составные наименования и вокативы. В Словарь войдут только существительные и прилагательные.

2. **Род.** Большинство терминов родства, обозначающих лиц мужского пола, с морфологической точки зрения, т.е. по типу склонения, принадлежит к муж. и ср. роду (*бацько* ~ *бацька*, *батюшко* ~ *батюшка*, *дядько* ~ *дядька*, *дедо* ~ *деда*), синтаксическое согласование обычно осуществляется по модели муж. рода. Среди лексем, обозначающих женщин, выявлено несколько десятков слов, которые изменяются не только по 1 и 3, но и по 2 скл., т.е. морфологически относятся к ср. роду: *бабка*, *бабушко*, *бабёнка*, *девко*, *девчёнко*, *дочеришко*, *вдовёнка*, *вдовёшко*, *маманько*, *матко*, *материшко*, *сестричко*, *сношонко*, *старушко*, *старушонко* и др. У всех этих слов фиксируется неполная парадигма, но, помимо наиболее частотных именительного ~ винительного падежей, отмечено и употребление в других падежах (*Сюды приехала молодой*, *девчёнком*). Синтаксическое согласование идет как по жен., так и по ср. роду: *Така завидушча*, *така шпилька*, *така жонцёнка!* *Жончёшко тожо ушло*, *женилося*. Встретились случаи одновременного согласования по жен. и ср. роду: *Была девчёнко небольшо оставлена бабушку досматривать*.

3. **Типы склонения.** Термины родства в архангельских говорах распределены по всем трем типам склонения, некоторые относятся к нерегулярному склонению. Среди терминов кровного родства нет ни одного ключевого понятия, все дериваты которого были бы отнесены к какому-то одному типу склонения и одному роду. Лексемы, связанные с понятием *мать*, относятся к 1 (*мамка*, *матка*), 3 (*матерь*), 2 (*мамо*, *мамонько*, *мамушко*, *матенко*, *матерёшко*, *матко*, *матушко*) и к нерегулярному скл. (*мати*, *мать*). Лексемы, связанные с понятием *отец*, – к 1 (*бацька*, *батюшка*, *тата*, *тятя*) и 2 скл. (*отец*, *тать*; *батюшко*, *татушко*, *татко*, *папушко*); *тетка* – к 1 (*тёта*, *тётенька*, *тётушка*, *тётя*) и 2 скл. (*тётенько*, *тётушко*), *брат* – к 1 (*братуха*, *братанка*, *братанушка*) и 2 (*брат*, *братан*, *братёнок*, *братец*; *братанко*, *братило*, *братко*) и т.д.

4. **Субстантивация.** Очень широкое распространение получает в говорах субстантивация: *Свёкор звал меня молодая*, *а свекровка молодица*. *Жили у Семёновны: два мусьских да три женьских*.

5. **Аналитические формы.** Постоянно используются составные наименования: *родитель-батюшка*, *отец-родитель*, *отец-мать*, *отцова мати*, *у татки мати*, *маткина матка*, *вторая бабушка*, *щур-бабушка*, *сынов парень*, *сыновняя дочи*, *дочерней сын*, *от дочки ребята*, *сына внук* (т.е. внук от сына), *бабушкин внук*, *дядева девушка*, *таткин брат*, *деверной брат* и мн. др.

6. Анализ представленных в Словаре грамматических форм терминов родства позволяет видеть новаторские тенденции как живой процесс: переходы от архаики к иному типу склонения, изменение соотношений основ единственного и множественного числа, колебания по роду, субстантивацию и проч.

Грамматические преобразования провоцируют появление новых слов: в результате выравнивания основ в парадигме (*мати* > *матерь*; *дочи* > *дочь*); при переходе из

нерегулярного типа склонения в регулярный (*детё, племе, свекровь*); при ориентации 3 скл. на 1 (*матеря, доча, свекрова*). Переход слова в другой тип склонения может быть спровоцирован характером иной основы, использованием суффиксов (*дочь, дочерь > дочершико*).

Н. И. Клушина (МГУ, Москва)

К ПРОБЛЕМЕ МЕДИЙНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ*

Современная информационная эпоха сопровождается сменой культур, которую мы сегодня наблюдаем: от традиционной книжной – к медийной, экранной. Наиболее социально значимой сферой являются массмедиа, которые становятся наиболее существенными для развития русского литературного языка.

Норма в медиапространстве подвергается трансформации. Язык СМИ, по мнению Н. И. Конрада, – это усредненный язык нации [Конрад, 1959]. И сформированные в литературном языке эталонные нормы в медиапространстве, в журналистской практике, ориентированной на скорость в передаче информации, шлифуются / корректируются и упрощаются, а в значительной части новейшей медиакommunikации под воздействием в том числе медийных технологий могут и опровергаться (например, в неформальном интернет-общении в соцсетях, в смс-общении, в чатах, комментариях, на форумах и т.д.).

Мы предлагаем, с учетом отечественной функционально-стилистической традиции, выделять стилевые нормы медиакommunikации как в некоторой степени своеобразный, по сравнению с нормами других стилей, комплекс массмедийных норм, отличающихся от остальных (тоже или даже в первую очередь!) литературных норм меньшей категоричностью / императивностью, большей вариативностью и установкой на разговорность. Иными словами: нормы языка и нормы СМИ для нас не синонимические понятия.

Медийные нормы коррелируют с массовым медийным сознанием [Клушина, 2016]. Массмедийное сознание – сознание масс, формируемое медиа, его тотальным влиянием на обыденную, повседневную жизнь человека-с-улицы. По нашей концепции, медийному сознанию противостоит сознание элитарное, которое шире массмедийного сознания и для которого медиа – лишь только один из множества источников добычи знания и формирования мнения.

Поэтому мы полагаем, что в эпоху медиа «классические» нормы литературного языка (или сформированная в устойчивую советскую эпоху *матрица правильной речи*) становятся эталоном, но они утрачивают операциональность для медийной практики. Мы считаем, что следование эталонным нормам – это экспликация элитарного сознания. Именно элитарная языковая личность владеет эталонными нормами и пользуется ими. В массмедийной коммуникации, ориентированной на массмедийное сознание, эталонные нормы оказываются на периферии медийного контента (их прибежище – незначительный в общей доле медиапространства контент качественных СМИ). Эталонные нормы вытесняются нормами медийной коммуникации, которые свои ресурсы черпают из массового языка всего общества и сами формируют этот массовый язык.

Медиакommunikация включает понятие нормы (в отличие от ненормированной диалектной или просторечной коммуникации), но медийные нормы имеют широкие границы и допускают высокую степень вариативности. То есть, по нашему мнению, мы можем говорить о медийном варианте нормы и медийном варианте литературного языка. Аналогией может послужить концепция РР (разговорной речи) Панова – Земской, которая выделяет разговорный вариант литературного языка, в отличие от стилистической концепции

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00032а «Влияние Интернета на жанровые и стилистические параметры медиатекста»

разговорного стиля в функционально-стилистической системе литературного языка, противопоставленного другим функциональным разновидностям языка.

Таким образом, мы полагаем, что в современном информационном обществе можно говорить о существовании двух форм современного литературного языка: 1) элитарный литературный язык; 2) массовый литературный язык (и его реализация в медиа как варианта, который мы обозначаем «медийный язык»).

И если эталонные нормы кодифицированы, то массмедийная норма только выходит на повестку дня. Мы только пока формулируем эту проблему: выделение массмедийной нормы в научном поле «Динамика нормы в СМИ». Проблема динамики нормы в СМИ актуальна, ее ставят разные ученые в своих новейших исследованиях [Иванова, 2017; Коньков, 2014], она становится дискуссионной темой конференций (например, на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2015, в 2016 гг.), но целостного подхода к ней пока еще не выработано. И нам представляется теоретически важной сама постановка следующих вопросов: «Нормы языка и нормы СМИ»; «Динамика нормы в СМИ»; «Норма и массмедийное сознание» и др.

Литература

Иванова М. В. Расширение литературной нормы и его исторические основания // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1, 2005. С.124-129.

Клушина Н. И. Медиакультура и ее роль в развитии современного информационного общества // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 50-54.

Конрад Н. И. О "языковом существовании" // Японский лингвистический сборник. М., 1959. С. 5-16.

Коньков В. И. Принципы описания актуальной медиаречи / Актуальные проблемы стилистики. – 2016 - №2. М., МГУ. С.106-115.

М. А. Кормилицына (Саратов)

ЛЕКСЕМЫ С ПРОПОЗИТИВНЫМИ СМЫСЛАМИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ УСЛОЖНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Серьезные перемены в жизни общества, обусловленные социально-психологическими факторами и новыми технологиями мгновенной передачи информации в интернет-общении, существенно изменили современное коммуникативное пространство. Эффективность коммуникации сейчас во многом зависит от способности коммуникантов экономно, затратив минимум речевых усилий и языковых средств, представить многоаспектную картину усложнившейся современной жизни. Это вызывает необходимость конденсации, компрессии передаваемой информации. Такую возможность предоставляют монопредикативные предложения, содержание которых усложняют лексемы с пропозитивными смыслами. Они способны именовать несколько взаимосвязанных событий или сложных, связанных с сообщением об интеллектуальной деятельности «положений дел». В этих предложениях позиции обязательных (актантных) или факультативных (сирконстантных) компонентов занимают лексемы с пропозитивными смыслами, обладающие потенциальными возможностями называть событие, то есть некое положение дел, характеризующее временными параметрами. Фактически в этих предложениях «в один синтаксический ряд слиты две (или более) пропозитивных номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации [Общее языкознание 1972: 319]. Активизация подобных конструкций, особенно в текстах «строгих» сфер общения и массмедиа, на наш взгляд, является одним из активных процессов в русском языке. Это объясняется не только причинами экономии речевых усилий из-за возросшего объема передаваемой информации, но и идеологическими

причинами – возвращением «новояза» с его денотативной расплывчатостью, неопределенностью.

Материалом для наблюдений послужили тексты печатных СМИ, в которых довольно широко, особенно в новостных заметках и аналитических статьях, представлены простые предложения с номинализированными конструкциями, включающими слова с пропозитивными смыслами. Подобные высказывания реализуют стремление журналиста к быстрой коммуникации с сохранением максимума информации, что позволяет ему реализовать основную функцию прессы – информационно-воздействующую. Вот пример использования номинализированных конструкций в информативных сообщениях: *Улучшение общей атмосферы межнациональных отношений, строительство подлинного федерализма в значительной степени будет способствовать построению в стране гражданского общества и укреплению безопасности нашего государства* (РГ).

Использование такого приема передачи информации требует от журналиста, автора высказывания, большой осторожности. Ему нужно постоянно помнить о том, что передаваемая информация должна быть понятна адресату СМИ и не вызывать затруднений при восприятии. Поэтому нежелательны многокомпонентные, «тяжелые» конструкции, состоящие из длинных цепочек конденсированных номинализированных конструкций, вполне допустимые в научной и деловой речи.

Справиться с проблемой обеспечения приемлемости восприятия текста с номинализированными конструкциями помогает использование приемов экономии речевых средств, которые применяются в разговорной речи. В современную прессу широко проникают разговорные конструкции, которые не так давно были просто недопустимы в официальном общении. Речь идет прежде всего о характерном для разговорной речи приеме замещения номинализированных конструкций конкретными именами, которые требуют пропозитивного прочтения. Его активность связана не столько с экономностью, сколько с экспрессивностью, выразительностью подобных конструкций, что способствует усилению воздействующего потенциала публикации: *Против Саудов Америка воевать уже точно не будет – себе дороже* (Известия); *За Миронова давали три рубля* (МК).

В докладе будут рассмотрены ещё некоторые способы реализации активного в современном русском языке процесса компрессии, конденсации информации, свидетельствующие о взаимодействии лексики и грамматики, о влиянии синтаксических конструкций на обогащение смысла лексемы, на приобретение ею пропозитивных смыслов.

Литература

Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.

В.В. Красных (МГУ, Москва)

СЛОВАРЬ И ГРАММАТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. В последние десятилетия многие исследования отличаются холистическим и интегративным характером, что обусловлено, как представляется, следующим: сложный, многокомпонентный, но единый и целостный объект, с которым имеют дело современные исследователи, по определению требует, с одной стороны, множественности подходов и плюралистичности мнений, а с другой – холистичности и системности изучения и описания.

2. Для современных исследований представляются важными следующие утверждения:

а) современный объект научных исследований не может быть «атомарным», т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социокультурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне;

б) современные исследования должны носить холистический характер, т. е. должны быть цельными и системными сами по себе, с одной стороны, с другой – должны рассматривать свой объект как единый и цельный (и с точки зрения каждого отдельного предмета исследований, и с точки зрения совокупности таковых), однако в то же время многокомпонентный, мозаичный, калейдоскопический, но внутренне связанный;

в) при этом признается как множественность и многоаспектность самого объекта, так и плюралистичность мнений разных исследователей – представителей разных школ и наук, изучающих данный объект с различных точек зрения;

г) изучение современного объекта исследований в рамках и с позиции разных наук признается естественным продолжением (духовного, интеллектуального, научного) развития человека и жизненно необходимым условием его бытия: различные (в том числе – специальные) дисциплины предоставляют разнообразные данные, а само взаимодействие разных дисциплин является важным источником новых знаний и основой обнаружения / построения новых объектов исследования;

д) подобное взаимодействие и интегрирование разных (в том числе – специальных) дисциплин предопределяет дальнейшее развитие науки как таковой.

3. Среди научных дисциплин, стоящих на указанных позициях, можно назвать психолингвокультурологию (ПЛК) – новое, складывающееся в наши дни направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (В. Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего. Объект ПЛК – лингвокультура с учетом совокупности всех факторов, ее предопределяющих и ею предопределяемых. Предмет – словарь и грамматика лингвокультуры.

4. Лингвокультура – культура оязыковленная, т. е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура явленная нам в языке и через язык. Лингвокультура – феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах; это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества; это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т. е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира.

5. Словарь лингвокультуры – совокупность культурно насыщенных единиц лингвокультуры (оязыковленных / поддающихся оязыковлению культурных смыслов и образов). Словарь лингвокультуры как совокупность единиц обуславливает возможность и необходимость создания словаря лингвокультуры как системного описания таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных (базовых) единиц всех подсистем лингвокультуры (когнитивной, метафорической, эталонной, символической).

6. Грамматика лингвокультуры – таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование. Грамматика лингвокультуры как «наука о...» требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования.

7. Представляется, что изучение лингвокультуры, выявление и описание ее словаря и грамматики призваны способствовать не только дальнейшему познанию глубинной связи языка, культуры, лингвокультуры, сознания человека говорящего, но и лингвокультурной самоидентификации представителей сообщества и сохранению самого сообщества как национально-лингвокультурного образования.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И СМЕШАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

В каждом обществе и в каждом речевом коллективе существуют не только правильные (нормативные, хорошие, красивые) и неправильные (ненормативные, нехорошие, некрасивые) способы речевого выражения, но также правильные и неправильные способы вести себя при передаче тех или иных смыслов. Не приводя существующих в литературе многочисленных и в равной степени нечётких определений понятия и слова *табу*, я буду понимать под *табу* не только социально или культурно обусловленный запрет произносить те или иные слова и выражения, но также и запрет совершать некоторые регламентированные культурой и обществом действия. Различаются **вербальные, невербальные и смешанные**, или **вербально-невербальные, коммуникативные табу**, то есть запреты произносить какие-то слова и выполнять какие-то знаковые действия в актах коммуникации.

Речь в докладе пойдёт, главным образом, об одной разновидности невербальных и смешанных коммуникативных запретов, которые я называю **жестовыми табу**. К ним относятся не только **запреты** людям данной культуры или данного социума **совершать некоторые телесные действия** в определённых коммуникативных ситуациях или сферах действительности, но и **рекомендации** людям других культур **избегать** таких действий в таких ситуациях и сферах.

Рассматриваемые коммуникативные табу вызваны несоответствием между биологическим (телесным, ментальным или психологическим) состоянием человека, с одной стороны, и культурным или социальным статусами человека, с другой стороны. Кроме того, коммуникативные табу возникают вследствие противоречий между относительной свободой телесного или речевого поведения человека и регламентациями, накладываемыми социальным коллективом или культурой на такое поведение.

В докладе показано, что незнание существующих в обществе и культуре жестовых табу или пренебрежение ими является одной из наиболее частых причин коммуникативных неудач, приводящих к неправильной квалификации и оценке намерений, мыслей, чувств и действий человека. Несоблюдение конвенциональных норм, свойственных данному этносу, культуре или – в пределах данной культуры – определённым сферам общения, обычно подлежит наказанию в виде **санкций**. Санкции отличаются своей строгостью в зависимости от степени свободы, присущей данному этносу, культуре или сфере общения. Например, коммуникация между русскими людьми в сети Интернет гораздо более свободная, чем в профессиональной сфере, и ещё более свободная, чем в сфере религиозной. Характер санкций и степень их жёсткости зависят от поведенческих установок и стереотипов, которым осознанно следуют общающиеся между собой члены данного языкового и семиотического коллектива.

Поскольку жестовые табу, приписанные людям разных культур и социумов, обычно разные, представляет большой интерес вопрос, как решаются многие коммуникативные проблемы, возникающие при общении представителей разных культур. Основной акцент в докладе будет сделан на жестовых табу и семиотическом поведении людей в межкультурной коммуникации, то есть на сюжете, которому, как кажется, в лингвистике и невербальной семиотике до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Приведу примеры таких запретов и рекомендаций.

Для жестовых запретов важную роль играет характеристика, которая и при формулировках запретов, и в реальной коммуникации людей не всегда принимается во внимание. Я имею в виду распределение, относящееся к соматическим объектам, табуированным в данной культуре при исполнении данного жеста, и которые в другой культуре выступают как полноправные компоненты физической реализации жеста той же

или близкой формы. Когда для невербального или смешанного выражения определённого смысла человек использует соматический объект, который с точки зрения представителя другой культуры использовать нельзя, возникает коммуникативное недоразумение, а то и провал.

Известен запрет на применение левой руки при общении с человеком мусульманской и некоторых других культур. В частности, нельзя, не обидев мусульманина, брать от него или от неё подарок левой рукой. Люди народа йоруба (а среди них, между прочим, есть не только мусульмане, но и христиане), например, пользуются исключительно левой рукой, когда совершают туалет, омовение или берут что-то грязное; правой же рукой они пользуются, например, принимая пищу или совершая какие-то физические действия. В китайской культуре не приняты указания головой и руками, даже пальцами, а потому при общении с ними не рекомендуется применение этих жестов.

Л.П. Крысин (Москва)

КОММУНИКАТИВНО АКТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

1. В процессе повседневного общения формируются так называемые коммуникативно актуальные смыслы, то есть то, что в наибольшей степени интересует человека и что постоянно требует соответствующего языкового выражения. Приблизительный круг таких актуальных смыслов составляют (1) тело и умственная деятельность человека, (2) свойства его характера, (3) его внутренние состояния, (4) его намерения и действия, (5) его эмоции, (6) оценка им других людей и внешнего мира, (7) обозначения предметов быта и нек. др..

2. Рассмотрим, каким образом эти смыслы получают выражение в разного рода разговорной, просторечной, жаргонной лексике, которая используется в повседневном речевом общении. При этом будем использовать языковой материал «Толкового словаря русской разговорной речи» (Вып. 1. М., 2014; вып. 2. М., 2017). Задача доклада заключается в том, чтобы не только дать перечни лексических и фразеологических средств, «обслуживающих» ту или иную сферу речевого общения, но и, во-первых, показать парадигматические отношения внутри лексических групп – например, отношения синонимии, антонимии, конверсии, аналогии, и, во-вторых, обратить внимание на некоторые грамматические особенности лексики, используемой в повседневном общении. В словарных статьях указанного словаря сведения о парадигматике слова и о его грамматических характеристиках записываются в соответствующих зонах: MORPH, SYNT, SYN, ANT, CONV, ANALOG.

2.1. В современной повседневной русской речи хорошо развиты синонимические связи; они достаточно наглядно представлены, например, в таких группах лексем:

(а) слова, обозначающие людей высокого роста и крепкого телосложения: *амбал, бугай, бык, верзила, верста, детина, дубина, дылда, жердь, жеребец, каланча, кобыла, корова, лоб, оглобля, шкаф*;

(б) слова, негативно характеризующие человека по его умственным способностям: *балда, болван, дебил, дуб, дундук, дурак, дуралей, дурачина, дурачок, дурень, дурёха, дурила, дурища, дуrolом, дуrolшлёт, дурында, идиот, кретин, придурок, тупица, чалдон, чурбан, чурка*; ср. также просторечные и жаргонные *валенок, ванёк, сапог, сундук, тундра* и др.;

(в) слова, обозначающие неприглядный внешний вид человека и его одежды: *загвазданный, задрипанный, заляпанный, замурзанный, замусоленный, заношенный, занюханный, затасканный, затрёпанный, изгвазданный, истрепанный, потасканный, потрёпанный, ...*;

(г) слова, обозначающие употребление спиртных напитков и состояния человека в результате такого употребления: *вмазать, врезать, гудеть, дербализнуть, закладывать, захорошеть, квасить, кирять, набраться, надрызгаться, наклюкаться, налимониться, упиться,...*; *бухой, вдрызг (в дрезину, вусмерть) пьяный, косой, окосевший, осоловевший, тёпленький, хорош!* и т.п.;

(д) слова, обозначающие физическое воздействие одного человека на другого (других): *ввалить* (в 4 знач.), *вздуть*¹, *вломить, дать*² (во 2 знач.), *излупить, излупцевать, изметелить, измолотить, измордовать* (в 1 знач.), *измутузить, навалить, надавать, накостьлять, отвалтузить, отделать, отдубасить, отдуть, откололотить, отколошматить, отлупить, отлупцевать, отметелить, отмолотить* (в 1 знач.), *отмутузить, оттрепать, отходить*³, *поколотить, прибить*...

2.2. Связи антонимические реализуются в таких противопоставлениях, как, например, *влезть (в вагон) – вылезти (из вагона); голова (поезда) – хвост (поезда); жадина, жадюга, жмот – мот, транжира; жадничать, жмотиться – мотать, транжирить; рукастый ‘умелый’ – безрукий ‘неумелый’* и др.

2.3. Связи конверсные можно проиллюстрировать такими примерами разговорных и просторечных глаголов: *влезть – налезть: Я еле влезла в это платье – Это платье еле налезло на меня; обставить – продуть: Он обставил меня в «дурака» - В «дурака» я ему продул.*

2.4. Близкие по смыслу слова одной тематической группы могут образовывать подгруппы аналогов, то есть слов, близких по значению, но не синонимичных друг другу. Типичный пример аналогов – когипонимы внутри некоего множества слов, объединяемых каким-либо лексическим гиперонимом: *говорить* (гипероним) – *бубнить, вякать, долдонить, талдычить, трепаться; крупа* (гипероним) – *гречка, манка, овсянка, перловка, пшёнка*. Как правило, в таких объединениях гипероним стилистически нейтрален и принадлежит общелитературному языку, а гипонимы стилистически окрашены и принадлежат какой-либо некодифицированной подсистеме. Аналоги могут объединяться не гиперонимом, а общим толкованием с одним переменным, которое принимает разные значения в разных когипонимах: ‘имеющий большой/большие X’: *глазастый, головастый* (в 1 знач.), *губастый, задастый, мордастый, носатый, ушастый, щекастый* и др.

3. Использование слова в повседневном речевом общении может влиять и на грамматические его характеристики.

3.1. Так, у некоторых глаголов может не выражаться актанта объекта: *У нее муж пьёт <выпивает>*, а у других, напротив, вместе с приобретением ими нового значения появляется управляемая форма, «не предусмотренная» при глаголе в его литературном употреблении: ср. *жить, спать* в значениях, фиксируемых толковыми словарями литературного языка, и *жить с кем-л., спать с кем-л.* ‘иметь постоянные интимные отношения с кем-л.’.

3.2. Повседневное речевое общение насыщено о ц е н к а м и , которые говорящий дает своим и чужим действиям, намерениям, свойствам. В связи с этим обращает на себя внимание характерное для устного общения абсолютное употребление оценочных глаголов (преимущественно в форме инфинитива, образующего восклицательное предложение), которые в литературном употреблении, как правило, имеют зависимые: *Обалдеть! Наплевать!* В функциональном отношении такое употребление глагольной формы сродни абсолютному использованию оценочных наречий типа *супер!* и существительных типа *отпад!*, что также характерно для речевого поведения говорящего в повседневной коммуникации.

4. Языковое – лексико-семантическое и грамматическое – выражение коммуникативно актуальных смыслов, как кажется, составляет одно из существенных свойств повседневного спонтанного устного общения, отличающего эту форму общения от реализации лексико-грамматических потенциалов языка с помощью кодифицированных средств.

НЕАГЕНТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕУДАЧИ СУБЪЕКТА*

В докладе рассматриваются механизмы понижения агентивности и контролируемости на материале различных синтаксических конструкций, в первую очередь – конструкции со значением неудачи субъекта: *С отпуском пока не получается*.

Большинство глаголов, участвующих в неагентивных конструкциях, исходно агентивные (неагентивные значения у них – производные). Простейший способ понижения агентивности – выведение агенса из синтаксической структуры, т.е. пассивная конструкция: (1а) *Автор рассматривает категорию времени* – (1б) *Автором рассматривается категория времени* – (1в) *В статье рассматривается категория времени*. Глаголы *рассматривать*, *отменять*, *применять*, *оспаривать*, *учитывать* и под. вообще не имеют неагентивного значения, т.е. контролирующей субъект из их семантической структуры неустраним (форма на *-ся* – всегда пассив). Тем не менее пассивная конструкция – это способ представить ситуацию как независимую от субъекта, например, в случае (1в) – как свойство (содержание) статьи: ‘статья о категории времени’ (неагентивная концептуализация ситуации). Более того, при некоторых глаголах с отрицанием у этой конструкции развивается побочное интерпретационно-оценочное значение «упрека» субъекту: *В статье не упоминается / не рассматривается / не учитывается Р* (‘автор не учел Р, и это плохо’).

Конструкция модального пассива – это уже не только синтаксическое, но и семантическое преобразование исходной агентивной конструкции в сторону «понижения» агентивности. Причем в не-отрицательных предложениях это может быть просто значение неконтролируемости (*Здесь легко дышится*), а в отрицательных – как правило, значение неудачи: *Ему сегодня не работается; У меня мотор не заводится* (‘я не могу завести мотор’).

Наконец, есть конструкции с неагентивными глаголами (значениями) *не получается / не выходит / не складывается / не клеится / не ладится* (им обычно можно сопоставить агентивные конструкции, иногда – с другим глаголом, но с близким смыслом): (2) *С приездом пока не получается – Приехать пока не могу*. Отметим, что как в этой конструкции, так и в двух предыдущих предполагается контролируемая целенаправленная деятельность субъекта (иногда она эксплицитно выражается, в (2) это ситуация *приезд* и усилия по ее реализации). Неконтролируемым, не достигнутым или неудовлетворительным оказывается результат этой деятельности.

Неагентивные глаголы данной группы могут образовывать формально двусоставные конструкции: *Прыжок не получился / не получается; Разговор не клеился; И с молоком, гляжу, дело у вас не клеится* (Б. Екимов); *И с сербами у них не ладятся отношения...* («Коммерсантъ-Власть», 1999); *Говорили, что поддержат меня, если у меня с Демченко не выходит дело и плохо складываются отношения* (Н. Хрущев). Однако *дело, отношения* – это «пустые», десемантизированные подлежащие, которые эллидируются без потери информации. Аналогичный процесс происходит с избыточным местоимением *ничего*: *С У-ом [у X-а] ничего не получается*. В этом смысле предложения с номинативным или генитивным подлежащим уже можно считать семантически безличными. Однако в результате эллипсиса соответствующих именных групп рассматриваемые глаголы становятся своего рода операторами безличной концептуализации, которая выражается конструкцией *С У-ом (у кого) не Р*: *Многие женщины ему нравились, но всегда как-то с женьтибой не выходило* (М. Алданов); *В последнее время с индивидуальными номерами у меня не клеится...* («Известия», 2002); *Именно с расходами у Кудрина и не складывается* («Еженедельный

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-18-02003, реализуемого в МПГУ.

журнал», 2003.04.08); *С физикой у него не ладится*. Эти конструкции являются отрицательно поляризованными, в положительной форме такие глаголы (в отличие, например, от глагола *удалось / не удалось*) не употребляются: ¹*С номерами у него клеится*; ²*С женитьбой у него выходит / вышло*. Основные семантические компоненты данной конструкции – модальный ('X не может') и отрицательно-оценочный ('это плохо') (интересно, что близкая конструкция с существительным допускает как отрицательную, так и положительную оценку: *С работой у него порядок, а со здоровьем беда*). Семантический субъект конструкции *С отпуском у меня не получается* выражается предложной группой у X-а (в отличие от конструкции *С ней обморок*, где субъект – с + Твор).

И. Б. Левонтина (Москва)

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ РАССОГЛАСОВАНИЯ ТОЛКОВАНИЯ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Словари определяют *жуть* как нечто вроде ужаса, тоскливого страха, часто связанного с какой-то непонятностью, иррациональностью. Иными словами, как чувство. Да и в переводах *жути* соответствуют слова со значением чувства. Но слова, обозначающие чувства, ведут себя в языке похожим образом, образуя очень четко очерченный лексикографический тип. Чувства всегда испытывает **кто-либо**, поэтому мы говорим *мой страх, твоя жалость, Митина любовь*. Чувства **испытываются**: мы *чувствуем радость, испытываем волнение, переживаем разочарование, ощущаем страх*. Есть и еще некоторые сочетания, общие для слов, называющих чувства. Но все это не касается нашего слова *жуть*. Обычно не говорят *моя жуть, чувствовать жуть* и т. п. В докладе рассматривается, каким образом необходимо изменить толкование этого слова, чтобы предсказывались его комбинаторные возможности (модель управления, лексические функции).

А. Л. Леонтьева (НИУ ВШЭ, Москва),
К. В. Литвинцева (НИУ ВШЭ, Москва)

СТАЛО БЫТЬ, ПО-РУССКИ ТАК ГОВОРЯТ? КОНСТРУКЦИЯ СТАЛО БЫТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Объект исследования и постановка задачи. Традиционные словари русского языка толкуют вводную конструкцию *стало быть* как 'значит, следовательно, выходит' (ср. [СО], [МАС]). Тем самым, конструкция попадает в класс вводных элементов, выражающих причинно-следственные связи. Отметим также, что в словаре С. И. Ожегова конструкции приписывается помета *разговорное*.

Традиционное толкование, как представляется, нуждается в уточнении по крайней мере по двум причинам: 1) используемые в нем слова, как минимум, многозначны и сами нуждаются в семантическом описании, 2) анализ языкового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ), показывает, что сама конструкция *стало быть* многозначна, причем корпусные данные позволяют проследить развитие этой многозначности и показать, что рассматриваемая вводная конструкция выражает не столько причинно-следственные отношения между элементами высказывания, сколько оказывается дискурсивным маркером, регулирующим отношения говорящего и слушающего.

Таким образом, задача, которую мы ставим перед собой, заключается, во-первых, в том, чтобы на основании корпусных данных создать более или менее подробное семантическое описание вводной конструкции *стало быть*: выделить и истолковать разные

значения конструкции и проследить пути развития многозначности; во-вторых, найти для *стало быть* конструкции-синонимы и, по возможности, описать специфику *стало быть* на фоне этих конструкций.

Стало быть и стало: первые употребления вводной конструкции. По данным НКРЯ, конструкция *стало быть* начинает употребляться в функции вводного элемента предложения с тридцатых годов XVIII века. В текстах XVIII века встречается также вводное слово *стало* в том же значении (ср. (1), (2)), причем последнее употребляется даже чаще, чем первое: из 22 примеров 15 (68%) с *стало* и только 7 с *стало быть* (32%). Варианты четко распределены по идиолектам: если автор использует в речи вводное *стало*, то у него не встречается *стало быть* и наоборот. *

- (1) *Когда в российских городах заводят университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных.* (Д. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум)**
- (2) *Как? Разве тем все и кончилось, что сии дряхлые старики, старушки и сиротки отобедали? А уже мы ни во что и играть не будем? Это, стало быть, не весело именины празднованы, а скучно.* (П. Львов. Роза и Любим).

Как *стало*, так и *стало быть* используются в ситуации, когда говорящий делает некоторый вывод на основании приведенных ранее фактов. По всей видимости, именно это значение было отражено в традиционных толковых словарях. Как и многие другие вводные, *стало быть* и *стало* в данном значении переносят отношения причины и следствия из объективной реальности в субъективный мир говорящего: *P, стало быть, Q* \approx 'имеет место *P*, говорящий считает, что *Q* истинно, потому что знает, что *P*, и сообщает, что *Q*'. (Ср. *P, поэтому Q*).

Стало быть: развитие многозначности. Уже к середине XIX века вводное *стало* практически сходит на нет, употребляясь крайне редко. У *стало быть* формируются новые, не зафиксированные в языке XVIII века значения:

P, стало быть₂, Q \approx '*Q* и *P* обозначают одно и то же положение вещей. Говорящий знает, что *P* и по этой причине понимает, что *Q*. Считая, что *P* недостаточно для понимания собеседника, Говорящий сообщает не только *P*, но и *Q*'. (ср. (3)).

- (3) *Письмо ваше, почтеннейшая маминька, писанное вами от 1 октября, я получил неделю тому назад, стало быть, 3 и[ли] 4 декабря по здешнему стилю.* (Н. В. Гоголь. Письма)

Наиболее близкими по значению к *стало быть₂* представляются конструкции *то есть* и *иными словами*.

N, P, стало быть₃, Q \approx 'Собеседники говорят об *N*, затем начинают говорить о *P*. Говорящий хочет, чтобы собеседник вернулся к *N*, и для этого произносит *Q*'. *Стало быть₃*, в отличие от *стало быть₁* и *стало быть₂*, используется главным образом в диалоге, *Q* обычно является перифразой или прямым повторением *N* и представляет собой вопросительное предложение без вопросительного слова или, реже, высказывание, обращенное к самому себе. (Так, в (4), где компонент *N* («Говорящий должен написать хвалебные слова о муже»), по всей видимости, находится в предтексте, о чем свидетельствует первая вопросительная реплика. Собеседник, отвечая на вопрос, меняет тему разговора (*P*), говорящий сначала продолжает вновь начатую тему, а затем, используя

* Отметим, что в предикативной функции *стать* + *быть* и *стать* в текстах восемнадцатого века конкурируют друг с другом, встречаясь в пределах одного и того же идиолекта в разных семантико-синтаксических условиях, при этом на долю конструкции с *быть* приходится около 25% употреблений, в то время как употребления глагола *стать* в составе именного сказуемого составляют примерно 75% случаев (см. [Леонтьева, Литвинцева, в печати]).

** Здесь и далее все примеры взяты из Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru.

стало быть и да-нет вопрос (Q), возвращает собеседника к утерянной и, видимо, важной для него линии повествования).

(4) -Отчего ж и не хвастаться таким золотым муженьком? — Оттого, что в прописях сказано, что хвастовство — мать пороков. — Неправда, неправда! Так, стало быть, я напишу? — Напиши, пожалуйста. Только смотри, не слишком расхваливай: не поверят. (В. П. Авенариус. Бродящие силы. Поветрие)

Функция обращения к собеседнику, переспроса есть у упомянутых традиционных толкованиях *значит* и *выходит*, а также у *то есть* и, возможно, у *иными словами*, но нет у *следовательно*. Отдельного исследования требует вопрос о том, насколько возможно использовать эти синонимичные конструкции не просто для переспроса, но для возвращения собеседника к утерянной линии разговора.

Заключение. Таким образом, вводное *стало быть* уже к концу XIX века начинает маркировать особое отношение говорящего к собеседнику и используется чаще не для обозначения причинно-следственных отношений, установленных говорящим, а как маркер перифразы, которая, с точки зрения говорящего, необходима собеседнику для лучшего понимания, либо как маркер просьбы к собеседнику вернуться к утерянной линии разговора.

Е. В. Маринова (Нижний Новгород)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИСЕМИИ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА НА ЕГО ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА)

В процессе освоения иноязычного слова может происходить развитие его семантики, в результате чего семантическая структура пополняется новым значением (значениями). Формирующаяся полисемия отражается и на других участках языковой системы, в том числе на грамматике. Одно и то же имя существительное может в разных значениях а) по-разному относиться к категории рода; б) принадлежать к разным лексико-грамматическим разрядам; в) по-разному относиться к категории числа; д) по-разному относиться к категории одушевлённости / неодушевлённости.

Намечается тенденция к различению грамматических признаков рода у несклоняемого нарицательного существительного, развивающего многозначность. Нередко каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) оформляется индивидуально, получая своё родовое значение. См.: *фрисби* ‘тарелочка для игры’ ж. р. (*недорогая фрисби*) и ‘вид спорта’ м. р. (*пляжный фрисби*). Ср. также: *вкусное барбекю* и *романтический барбекю*, *каменная барбекю* [НСЗ]; *дешёвый карго* (о грузе) и *мужское карго* (о стиле одежды) [КНС]; *цветущий киви* и *вкусное киви* [РОДС] и др. Отмеченная тенденция объясняется тем, что на формирование рода нового несклоняемого неодушевлённого нарицательного существительного всё чаще влияет смысловая аналогия.

Изменение лексико-грамматического разряда происходит в случае, если имя существительное отвлечённой семантики развивает новое значение, соотносимое со значениями собирательных или конкретных существительных. В современной речи не только как отвлечённые, но и как собирательные употребляются *бизнес* [АЛ], *олигархия* [ТСИС; АЛ], *от-кутюр* [НСИС] и др.; не только как отвлечённые, но и как конкретные – *унисекс* [НСИС], *сервис* (*заехать на сервис* – в разг. речи), *секьюрити* (‘охрана’, ‘охранник’ [РОС]) и др. Возможен и другой сценарий: существительное с исходной конкретной семантикой (*панк* одуш. [НСИС]) развивает новое, отвлечённое значение (*панк* ‘стиль в музыке’).

«Смена» лексико-грамматического разряда при появлении нового ЛСВ имеет грамматические последствия: меняется отношение иноязычного слова к категории числа.

ЛСВ нередко различаются наличием/отсутствием противопоставления по числу. Ср.: *сервис* 'мастерская' (*сервисы*) и *сервис* 'обслуживание' (только ед. ч.). В современной речи можно отметить частотность переноса названия торговой марки, фирмы и т.п. на предмет, ими производимый (*айфон, айпад, боинг, ксерокс* и др.). Новые нарицательные существительные как результат указанного переноса приобретают способность иметь обе числовые формы: *ксерокс* и *ксероксы*. Изменение отношения к категории числа проявляется иногда и в том, что новый ЛСВ приобретает (в качестве постоянной) ту или иную числовую форму: *адидасы, найки, тренинги* 'спортивная обувь' (только мн.ч.).

Иноязычное слово может в разных ЛСВ по-разному относиться к категории одушевлённости/неодушевлённости. На морфологическом уровне это проявляется в том, что формы винительного падежа разных ЛСВ существительного не совпадают: *подчинить себе предприятия-аутсайдеры* и *недооценить кандидатов-аутсайдеров; конструировать модели и пригласить на подиум моделей; видеть боксёров* и *носить боксёры* (о белье); *назвать актёров-номинантов* и *назвать произведения-номинанты* и др.

Литература

КНС: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / под ред. Г. Н. Складневской, Е.Ю. Ваулиной. СПб., 2012.

НСЗ: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / под ред. Т.Н. Буцевой. СПб., 2009. Т.1.

НСИС: *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

ТСИС: *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006.

АЛ: Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006.

РОС: Русский орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. М., 2012.

Н. Б. Мечковская (Минск)

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ: ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ НА СЛУЖБЕ У ПРАГМАТИКИ

1. Лексико-синтаксическая организация речевых актов (далее РА) определяется двумя градуальными оппозициями: а) в зависимости от уровневой отнесенности высказывания, в котором осуществляется РА; б) в зависимости от места в континууме свободно генерируемых и несвободных (воспроизводимых) выражений РА. Подавляющее большинство высказываний – это свободно образуемые речевые сегменты различной длины и уровневой отнесенности (слово, словосочетание, предложение), организуемые интенцией и интонацией. Меньшинство выражений РА – это воспроизводимые (готовые) языковые и речевые единицы, различные по длине и уровневой отнесенности: часть лексем; часть фразем; все клишированные высказывания (формулы этикета и другие речевые формулы; произведения малых фольклорных жанров: поговорки, пословицы).

2. Клишированные выражения РА в своем большинстве представляют собой структуры с готовой (известной адресату) узуальной семантикой и весомым и четким модально-эмоциональным прагматическим компонентом (который и является основным выразителем иллокуции). По своему поверхностному строению коммуникативные клише бывают трех видов: 1) (квази)слово: *Спасибо; Здравьете!* (как выражение удивления, недовольства), *Клёво!*; 2) словосочетание: *Спокойной ночи!*; *Смех сквозь слезы; Слуга покорный!*; 3) высказывание, построенное по той или иной предикативной модели: *Цыплят*

по осени считают; Язык без костей; Жалко у пчёлки. Характерные признаки коммуникативных клише таковы: 1) воспроизводимость грамматической структуры и лексического состава; 2) определенность и эмфатичность иллюстрации; 3) преимущественное употребление в ответных репликах диалога; 4) невозможность быть членом предложения (исключая омонимию и метаязыковое использование). Наличие шаблонных выражений РА облегчает и ускоряет речевое общение, делая его при этом менее содержательным и личностным.

3. Идиоматичность представляет собой речемыслительный механизм, который усиливает семантическую целостность (слитность) лексем, фразем и высказываний, построенным по фразеологизированным предикативным моделям (как *Чем не праздник?*, в отличие от свободных структурных схем предложения: *Брат приезжал на праздник*). Степень идиоматичности может быть разной: полной, частичной, сильной, слабой, а также нулевой, т.е. может отсутствовать. По характеру семантической связи между компонентами и целым идиоматичность бывает образной и необразной. Образная идиоматичность имеет место при наличии двух семантических планов оборота: дословного (т.е. наглядно-чувственной «картинки») и переносного, созданного переосмыслением дословного значения. Различия по степени идиоматичности существуют как между единицами одного уровня, так и между уровнями в целом – в их насыщенности идиомами, полными и частичными. Однако в каждом классе идиоматичность имеет свою специфику и поэтому не вполне соизмерима с идиоматичностью единиц, принадлежащих другим уровням.

4. Классы воспроизводимых средств выражения РА, ранжированные по убыванию насыщенности данного класса идиоматическими единицами, образуют такую последовательность: а) лексемы: максимум идиоматичности, при этом полностью идиоматичны примерно 30-35% единиц (в разных языках); частичная идиоматичность производных слов имеет логико-грамматический, а не наглядно-образный характер; б) фраземы: средняя степень идиоматичности: ниже, чем у лексем, но выше, чем идиоматичность в следующем классе – в) предикативные клише. В общенародном (неспециальном) языке полные идиомы (сращения, как *притча во языцех*) крайне редки, большинство фразем составляют частичные и при этом наглядно-образные (а не понятийные) идиомы (*держат камень за пазухой*). В классе клишированных высказываний для речевых формул характерна большая смысловая слитность и прагматическая эмфатичность, в то время как паремии в большей мере синтаксически развернуты и насыщены образностью (впрочем, в разной мере в разных культурах).

Т. А. Милёхина (Харбин)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ В КОРПОРАТИВНОЙ РЕЧИ

Взаимодействие лексики и грамматики в корпоративном узусе обусловлено спецификой корпоративной устной речи, её гибридным характером, сформированным процессами глобализации российской экономики. Лексико-грамматическое взаимодействие наиболее ярко обнаруживается в характере распространения иноязычной лексики в корпоративной речи.

Традиционная для деловой речи интернациональная лексика активно пополняется новейшими образованиями, к которым могут быть отнесены существительные на *-ция* (*децентрализация, демотивация*); *-ость* (*окупаемость, лояльность*); *-ение* (*видение, изменения, знания*, причём с незанятой присловной позицией: *управление изменениями; с этими знаниями и новым видением группа пришла в очередной год своей стратегической жизни*); глаголы на *-овать* (*коммуницировать, масштабировать*); формы кратких страдательных причастий (*замотивирован, проактивен*). Многие такие слова представляют

собой кальки иностранных слов (*достижимость, клиентоориентированность, позитивировать, проактивность*).

Сложные по своему составу слова, такие, как *микрофинансирование, монодивизиональный* сокращаются до сложносокращённых *микрофин, монодивизион*. Те же явления наблюдаются и в употреблении словосочетаний: *бизнесстратком (бизнес стратегический комитет), финрез (финансовый результат)*. Возникают объёмные по составу словообразовательные гнезда сложносоставных слов, таких, как *бизнес-структуры, бизнес-задачи, бизнес-проект, бизнес-единицы, бизнес-подразделения; бренд-дизайн, бренд-сессия*.

Многочисленные аббревиатуры *ВэКаЭс (видеоконференция); ЕСТП (единая сервисная технологическая платформа); ДРБ (дивизион розничного бизнеса)* склоняются: *обсуждать на ВэКаЭсе*; получают противоречивую родовую характеристику: *сформирована окончательная Ки-Пи-Ай (КРІ - ключевой показатель эффективности); Ки-Пи-Ай, который выполняет менеджмент банка*.

Значительную часть корпоративного языка составляют иноязычные вкрапления разного характера. Некоторые из них, произнесённые с разной степенью близости к оригиналу, сохраняют облик иностранного слова: *хед-офисы (head office), бэк-офисы (back-office)*. Однако большинство иноязычных слов подвержены процессам русификации – склоняются, изменяются по падежам, родам и числам: *джентал походы; прекрасный профайл; с диджиталом понятно; заменяем фулскринами*.

Иноязычные заимствования выступают как производящие основы, образуя по русским словообразовательным моделям новые слова: *бренд – брендировать – забрендировать; диджитал – диджитально; таргет – таргетировать*, или сложные по составу новообразования, включающие иностранное, как правило, в иноязычной графике, и русское слово: *IT-приоритеты; технология LSA*.

Новое значение получают формы множественного числа существительных *бизнесы, сервисы, хед-офисы*, которые называют не только подразделения (*бизнес-структуры, сервисные подразделения*), помещения (*центральный хед-офис*), но и людей, которые там работают (*сервисы будут выступать; бизнесы дадут хорошую обратную связь; остальному хед-офису будет полезно сходить на «Управление налогами»*).

Двуязычие корпоративной речи обеспечивает взаимодействие лексики и грамматики и обнаруживается в процессах приспособления иноязычной лексики к системе русского языка. Традиционные для деловой лексики словообразовательные массивы переживают процессы наполняемости новой лексикой. Грамматическая система русского языка усилиями её носителей пытается смягчить такие процессы, обеспечить как можно более мягкое, комфортное вхождение новых единиц, конечно, не в словарь, но хотя бы в уzus. Насколько эти попытки эффективны, покажет время, однако такие языковые монстры корпоративной речи, как *гендир* (генеральный директор); *звезда WOW* (корпоративный знак отличия); *клиент-сервис* реально существуют и всё решительнее отстаивают своё право на жизнь. Пресловутый Ки-Пи-Ай, например, уже уверенно красуется в телевизионных политических дискуссиях.

О.А. Михайлова (Екатеринбург)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭНАНТИОСЕМИИ

Энантиосемия имеет место в тех случаях, когда «два понятия, несмотря на составляемые ими противоположности, неразлучно связаны друг с другом, взаимно дополняют одно другое, означают явления, непосредственно следующие одно за другим, и вследствие этого часто выражаются через одно и то же слово» [Шерцль 1973, 29].

Этот тезис хорошо иллюстрирует известный пример – глаголы-конверсивы *занять* («взять займы») и *одолжить* («дать займы»). Данные понятия взаимно дополняют одно другое, поскольку заем двусторонен – можно дать заем и можно получить заем. В современной речи, как показала О.П. Ермакова [Современный русский язык 2008, 63–64], слова *занять* и *одолжить* нередко заменяют друг друга, функционируют как синонимы.

Киев в 2016 г. планирует занять 8–10 млрд. долл., львиную часть – от МВФ (5,8 млрд.) (АиФ-Москва; 17.02.2016); *Слышь, Эйно, на одну закрутку займи мне до завтра* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

У меня двое сыновей, которые постоянно «одалживают» всё друг у друга (АиФ-Москва; 17.08.2016); *Во многих семьях тогда царил культ чтения в любой квартире на видном месте стояли книжные полки, книги доставали, дарили, одалживали друг другу на вечер* (АиФ-Москва; 14.09.2016).

Развитие энантиосемии обусловлено и экстралингвистическим фактором (двусторонним процессом заема), и собственно лингвистическими причинами – изменением грамматической сочетаемости (у кого и кому).

Поляризация значений номинативного слова происходит на основе сохранения одного и того же сигнификата лексем в плане языка и противопоставления денотатов в плане речи, но для системы языка такое явление непродуктивно. Чаще встречается не полная номинативная энантиосемия, а частичная, обусловленная лексико-грамматическими факторами и часто связанная с эмоционально-экспрессивной оценкой.

1. Противоположные значения различаются по объему выражаемого смысла. *Отплатить*: а) "совершить, сделать что-л. в ответ на чей-либо поступок". Так что *Высоцкий сполна отплатил Фишеру за подсказку веселой темы, на десятилетия продлил ему славу* (Е. Гик. Шахматы в художественной литературе); б) "отомстить". *Верхушка партии жестоко отплатила ему, лишив его власти через антигосударственный мятеж* (А. Яковлев. Омут памяти).

При оценочной энантиосемии противопоставлению подвергаются оценочные и эмоциональные компоненты значения.

2. Развитие контрадикторных значений у глаголов обусловлено семантикой позиции объекта действия: *Но хуже всего то, что обрести аллергию можно абсолютно в любом возрасте хоть в год, хоть в 60* (АиФ-Москва; 30.03.2016); *Какие форматы ушли в прошлое, а какие вдруг обрели популярность?* (Business Travel; 15.04.2016).

3. Противоположность значений глаголов возникает в результате словообразования – присоединения многозначных префиксов с полярными значениями. Например, у производных глаголов под влиянием префикса *про-* появляются значения «совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *Дуняша сделала лицо таким, как, по её предположению, у ребёнка, и ещё раз пропищала <...>* (Л. Андреев. В подвале) – и «израсходовать, истратить, совершая действие, названное мотивирующим глаголом»: *Пропищал я свой голос* (И. Ильинский. Сам о себе).

4. Явление энантиосемии на синтаксическом уровне проявляется в том, что в языке наряду с интонационными средствами существуют специальные модели построения высказываний, предназначенные для выражения отношения говорящего к чему-либо.

В настоящее время можно говорить о тенденции к развитию разных видов энантиосемии, источником которой чаще всего оказывается ирония, а фактором реализации – грамматика.

Литература

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков (отв. ред. Л. П. Крысин). М., 2008.

Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) [1884] // Хрестоматия по истории русского языкознания (под ред. Ф. П. Филина). М., 1973.

СЕМАНТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

Метафорическая терминология не столь давно стала объектом исследовательского внимания, несмотря на то, что в целом российское терминоведение представляет собой вполне состоявшееся научное направление и семантика терминологических единиц выступает предметом лингвистического анализа более 50 лет. Безусловно, семантическая деривация как способ терминообразования наряду с словообразовательной начала исследоваться вместе с пониманием термина как полноправной лексической единицы языка со всеми присущими свойствами. Однако определение «метафорический» в отношении терминологических единиц не употреблялось, вероятно, в связи с закрепленной традицией рассматривать метафоричность только как свойство единиц, не относящихся к научному языку.

Сложившаяся в зарубежной (Ортега-и-Гасет Х.) и российской (Гусев С.С., Петров В.В.) философии гносеологическая концепция метафоры, а также теория концептуальной метафоры, базирующаяся на представлении о метафорических моделях как результате устойчивого соотношения фреймовых структур (Лакофф Дж., Джонсон М.), позволили взглянуть на семантическую деривацию в терминообразовании как на воплощение гносеологических механизмов. Ранее осуществленные исследования (Мишанкина Н.А.) позволили выявить, что при образовании метафорических терминов от однокорневых лексем, входящих в одно словообразовательное гнездо, формирование семантики термина базируется на фреймовой структуре, наиболее последовательно выражаемой производящей лексемой гнезда. Например, одной из наиболее задействованных в терминообразовании являются дериваты глагола ХОДИТЬ (*нисходяще-восходящее ударение, восхождение от абстрактного к конкретному, источник восходящий, исходное значение, переход удара квантовый переход* и под.) при этом в семантике каждой терминологической единицы в качестве основного наблюдается компонент «движение». Вместе с тем, как показывают наблюдения, не менее значимую роль играет и значение аффикса, лежащая в основе которого фреймовая структура, адаптируется для представления понятийных структур той или иной научной области. Рассмотрим, например, термин *нисходяще-восходящее ударение* (разновидность слогового ударения, при котором тон или сила сначала понижается, а затем повышается). В этом случае пространственное значение приставок *нис-*, *вос-*, обозначающее движение вниз и вверх используется для номинации ослабления/усиления звучания. Значение этого термина коррелирует с другой парой метафорических терминов: *низкий/высокий звук*. Или термин *квантовый переход* (характерный для квантовой системы (атома, молекулы, кристалла, атомного ядра, элементарной частицы) скачкообразный переход из одного состояния в другое, происходящий под влиянием к-л. взаимодействия, присущего частицам данной системы), в формировании значения которого фреймовая структура, формирующая семантику префикса оказывается более значимой, чем семантика корневой морфемы.

Настоящая работа посвящена выявлению и описанию тенденций трансформации фреймовой структуры русских аффиксов в процессах терминообразования.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР В ЯЗЫКОВЫХ И РЕЧЕВЫХ СТЕРЕОТИПАХ

Материалом описания являются язык и тексты конфессиональных групп старообрядцев, молокан и духоборцев. Конфессиональный мир каждого из этих сообществ представляет собой сплав разновидности христианской веры и традиций народной культуры, испытавших мощное влияние соответствующего вероучения. Этот мир находит свое выражение в лексике и грамматических конструкциях русского языка. Общее назначение этих стереотипов – указание на принадлежность к "своей" вере и культуре, отличных от всех других, и тем самым на барьер, отделяющий "своих" от "других". Это способ объединения, сплочения своего сообщества, и средство его сохранения. Я буду рассматривать несколько типов сочетания лексики и грамматики – от лексических стереотипов до законченных высказываний.

1. Форма слова. Ярким примером использования формы имени является в духоборческой среде практически обязательное употребление имен собственных в уменьшительной форме, даже в уменьшительно-ласкательной (не *Полина*, а *Полюшка/Полечка*) как в обращении, так и в обычной речи при упоминании кого-то из "своих" независимо от возрастов упоминаемого и субъекта высказывания. При этом "чужие/ другие" так вести себя не должны, особенно если адресат или предмет речи – человек немолодой: необходимо назвать по имени и отчеству (не *Фролушка*, а только *Фрол Кузьмич*).

2. Двухсловные сочетания, часто становящиеся фразеологизмами:

а) Такие словосочетания создаются в конфессиональном языке как термины, обозначающие элементы религиозной культуры. Так, в среде старообрядцев – бегунов, весьма радикального согласия, в речи иноков часто встречаются словосочетания *бывшая мать*, *бывшая дочь* или *бывший сын*, а также номинации любых других *бывших* родственников, не употребительные в обычном русском языке, где есть только *бывшие муж и жена*. Отречение от родства свойственно любому монашеству, но такие названия встречались мне только у бегунов. Или *изложённый псалом* – термин молоканских певцов, обозначающий не псалом из Библии, а сочиненный текст на библейскую тему, который поется как псалом на богослужении (например, псалом об Иосифе Прекрасном или о крещении Иисуса). *Сухой баптист* (у молокан неодобр.) – молоканин, посещающий и молоканские, и баптистские собрания (богослужения), участвующий в последних в определенной роли (например, певца), но не принявший водного баптистского крещения, то есть, как бы сидящий на двух стульях.

б) Уникальные словосочетания, выражающие благодарность. Они возникли от неприятия слова *спасибо* как содержащего непонятный или даже кощунственный смысл в части *бо* и замененного в рассматриваемых трех культурах на словосочетания *спаси Христос* (старообрядцы), *спаси Господь* или *спаси Господи* (молокане и духоборцы).

3. Словосочетания – этикетные формулы приветствия, из двух слов и больше, часто краткие диалоги. Например, при вхождении в молоканский дом гости говорят: "Мир вашему дому!" Хозяйка отвечают – "Мир вашему входу!". Или при входе в помещение для моления духоборцы говорят: "Славен Господь прославился", им отвечают ранее пришедшие: "Слава его прошла по всей земле!"

4. Русские пословицы и поговорки, приобретающие в конфессиональной среде свои особые смыслы. Так, любимыми пословицами старообрядцев села Самодуровка Саратовской области являются две: *В кажных кустах свой устав* и *Всяк Еремей себя разумеи*. Первый текст сообщает об *особости* своего сообщества; второй призывает к самоидентификации.

5. Особый языковой мир составляет язык русских конфессиональных сообществ за рубежом. Хотя у русских молокан, эмигрировавших в США в начале XX века, сохранилось стремление оберегать свой русский язык, но время и мощный пресс "американского" языка

уносят одно русское слово за другим, оставляя в памяти русскую грамматику. Молокане с самоиронией демонстрируют фразу *Зашатай дору, а то чилдренята засикуют*, где англ. *shut* (закрывать), *door* (дверь), *children* (дети), *sick* (больной) в сочетании с русской грамматикой очень напоминают *глокую куздру* Щербы.

Н. А. Николина (МПГУ, Москва)

СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕФИСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В конце XX века в русской письменной речи получают широкое распространение новые типы дефисосодержащих построений, которые оформляют недискретные, с точки зрения автора, сочетания, воспринимаемые им как одна целостная номинация. Они все чаще встречаются в художественной речи, в философских текстах, языке СМИ. Ср., например: Фарфоровые мальчики и девочки, раскрашенные... и те, что подешевле, *белые-без-затей*, производились в Германии десятилетиями. (М. Степанова); *Бытие-в-мире* – способ осуществления человеческого существа как ... *бытия-вот*. (В. Бибихин).

На активизацию таких построений повлияли сходные по структуре единицы, употребляющиеся в других языках, прежде всего в английском и немецком, и часто встречающиеся в переводах, а также приемы терминообразования, характерные для философского дискурса.

Распространение дефисных комплексов этого типа в современной русской речи определяется, с одной стороны, установкой на компрессию и поисками обозначения тесно связанных в сознании говорящих явлений, признаков и реалий, с другой стороны, поисками новых способов передачи фразеологизированных сочетаний и фрагментов прецедентных текстов. Ср., например: Ему удалось обогнать всех, даже стремительно молодевшего на бегу *Старика-без-глаза*. (Е. Клюев);

В старые времена *весь-я-не-умру* было делом выбора. (М. Степанова).

Рассматриваемые образования строятся по разным моделям. В последнее время широкое распространение получили дефисосодержащие единицы, которые основаны на объединении компонентов:

- 1) простого подчинительного словосочетания: *глаз-из-моря* (Н. Азарова); *общага-на-крови* (А. Иванов);
- 2) сложного словосочетания: *размышления-на-заданную-тему* (Д. Иоффе);
- 3) предложения: *Не-знаю-где-град* (Д. Бобышев).

Большинство рассмотренных построений или близко сращениям, образуемым на базе подчинительных словосочетаний, или представляет собой голофрастические образования, которые также могут рассматриваться в широком смысле как особая разновидность сращения, если понимать его как слияние компонентов синтаксических единиц разных типов; ср.:

Шел снег и быстрые *следы-от-глаз* от глаз скрывал. (Е. Поспелов);

Аргумент *«каждый-знает-что-это-так»* не имеет никаких оправданий (В. Бабенко).

Рассматриваемые дефисные комплексы выполняют в речи ряд функций: функцию оформления цитат и клише, функцию номинации, оценочную функцию.

Отмеченные образования преимущественно функционируют в речи как существительные, подвергаясь субстантивации и вступая в сочетания с предлогами: ...речь идет о книге про *любит-не-любит*. (М. Степанова); Вечером Юлиана возвращается к мужу, и я к пустому окну и к *«не-бояться-ночами»*. (К. Щербино).

Окказиональные объединения, включающие глагольные формы, могут выступать также в функции предиката: *Само-себя-не-слышит* и видит плоховато. (Г.-Д. Зингер)

Рассмотренные построения занимают промежуточное положение между лексическими единицами и синтаксическими конструкциями. Большинство из них сохраняет в современной речи неузальный характер. Однако интенсивность образования дефисных комплексов разных структурных типов свидетельствует о тенденции к лексикализации воспроизводимых синтаксических структур и об активизации лексико-синтаксического словопроизводства в современной русской речи, которая проявляется как в продуктивности собственно сложения, так и в увеличении числа сращений.

Б. Ю. Норман (Минск; Екатеринбург)

К ВЫРАЖЕНИЮ ФУНКЦИИ MAGN В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (высказывания типа *Тот еще студент!*)*

Одним из результатов применения метода компонентного анализа стало открытие набора универсальных лексических функций, типа *Loc* «место», *Able* «способность», *Conv* «конверсив», *Воп* «хороший», *Mult* «множественность» и др. [Мельчук 1974, 82 и след.]. Эти функции, в значительной степени определяющие сочетаемость слов, играют в речевой деятельности роль мыслительных операторов. Скажем, семантический компонент (функцию) *Magn* 'высокая степень, интенсивность' можно увидеть в таких выражениях, как *проливной дождь, трескучий мороз, тяжелая болезнь, глубокое удовлетворение, жгучая брюнетка*. В этом смысле прилагательные *проливной, трескучий, тяжелый, глубокий, жгучий* оказываются синонимичными, а их употребление обусловлено синтактикой (сочетаемостью). Учение о лексических функциях получило дальнейшее развитие в работах А. Вежбицкой, составившей свой список «семантических примитивов» [Вежбицкая 1999, 140–141]. Данное направление продолжает активно разрабатываться и другими исследователями [Reuther 2003].

В данном случае предметом нашего внимания будет лексическая функция *Magn* и ее выражение в русском языке. Разумеется, значение 'очень, много, сильно, в высокой степени' может выражаться не только прилагательными вроде *проливной* или *жгучий*. Оно содержится также в семантике многих существительных (*ливень, восторг*), глаголов (*мчаться, орать*), наречий (*окончательно, свято*), фразеологических единиц (*до черта, выше головы*) и т.д. Несомненно его присутствие в словообразовательных производных вроде *холодина* или *злющий* [Крысин 2012, 346]. Можно рассматривать среди средств выражения *Magn* и лексические повторы (редупликации): *длинный-длинный, ужас-ужас* и т.п. Для выражения той же функции в русском языке используются также местоимения и частицы (*самый, целый, аж* и др.). Причем «*Magn*'ов у одного слова может быть довольно много, например, у слова *интерес*, по данным НКРЯ, – более 20, у слов *любовь* и *скорость* – более 30 *Magn*'ов» [Кустова 2011, 258].

Одна из конструкций, имплицитно содержащих в себе функцию *Magn* в современном русском языке, – это сочетание элемента *тот* (по происхождению – указательного местоимения) с элементом *еще* (по происхождению – усилительной частицей). Первый элемент здесь может изменяться по роду и числу: *тот еще, та еще, то еще, те еще*. Может варьироваться и порядок компонентов: *еще тот, еще та, еще то, еще те*.

Интересующий нас оборот – яркая черта современной разговорной речи; в литературе до XX века он не встречается. Весь оборот занимает в предложении отчетливую предикатную позицию; как член предложения, это именное сказуемое. Его использование сопровождается повышенной экспрессией и эмфатическим ударением на элементе *тот / та / то / те*.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

Оборот с *тот еще* применим к огромному диапазону квалификаций: от в высшей степени положительных (*Атрибутика у них жутковатая, но парфюм – тот еще!*) до крайне отрицательных (*Мы были деточки еще те*). Однако в целом эта шкала сильно сдвинута в сторону отрицательной оценки. Это актуализирует вопрос, во-первых, об общей шкале языковой аксиоматики [Вольф 1985], а, во-вторых, о связи пейоратива с экстремумом в сознании носителя языка. Создается впечатление, что «плохое», доведенное до своей максимальной степени, обладает для индивида определенной психологической притягательностью.

Взаимодействие семантики Magn с семантикой пейоратива отражается в лексическом значении существительного, входящего в данный оборот.

В базе НКРЯ (дата обращения: 12.02.2017) зафиксировано в общей сложности 390 примеров с *тот еще* в значении Magn. Не будем здесь говорить об их распределении по роду, числу и порядку следования элементов [Норман 2017], но обратим внимание на лексическое значение опорного существительного.

Основная масса этих существительных – прямые инвективы или слова со сниженной стилистической окраской: *бандит, бардак, взяточник, вредина, геморрой, кавардак, нахал, негодяй, фарисей, хулиган; вертихвостка, дура, гнида, змеюка, клоака, стерва* и др. Их появление подтверждает общую (прототипическую) пейоративную семантику оборота.

Даже в тех случаях, когда существительное по своей семантике нейтрально или в принципе оценивается положительно (*аромат, банкет, бизнес, боец, герой, колорит, спектр, цензор, шеф, экземпляр, атмосфера, рациональность, цветопередача, наука, перспектива, золото, искусство* и т.п.), на него наводится оттенок иронии, предубеждения, в конечном счете неодобрения. Это значит, что прототипическая пейоративная семантика конструкции подчиняет себе лексическое значение.

Ироническая трактовка всего оборота очевидна и в многочисленных случаях употребления диминутивов. Аксиологическая амбивалентность русских диминутивов – уже отмечавшаяся черта [Протасова 2001, 82]. Это мы и видим в случаях вроде *видик, запашок, коллективчик, народец, подарочек, рабочийек, турнирчик, дамочка, задачка, квартирка, обстановочка, погодка, работка, времечко, заседаньице, имечко* и т.д.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Крысин Л. П. О выражении лексической функции Magn в русской разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 344-348.

Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn’ы- прилагательные) // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 256–268.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка, режим доступа: www.ruscorpora.ru

Норман Б. Ю. *Тот еще, та еще, то еще, те еще*: функция Magn в русской разговорной речи // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Тезисы докладов Международной научной конференции, Минск 10-11 мая 2017 г. Минск, 2017. С. 64–66.

Протасова Е. Роль диминутивов в современном русском языке // Русский язык: система и функционирование. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. V. Тарту, 2001. С. 72–88.

Reuther T. Semantische Primitiva (Englisch, Russisch, Deutsch) // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII.Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Frankfurt / Friedrichsdorf, 11-13.9.2001 / Hrsg. von H. Kusse. München, 2003. S. 287-307.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

1. В книге Д. Н. Шмелева «Проблемы семантического анализа лексики» (1973) обсуждаются отношения семантической структуры слова и его синтагматических (сочетаемостных) возможностей, устанавливается связь между семантикой слова и его сочетаемостью; обнаруживаются системные закономерности. Д. Н. Шмелев пишет: «говоря, что семантика слова обуславливает его сочетаемость, мы не только констатируем, что сочетания слов в тексте подчинены общим синтагматическим отношениям, но и указываем на зависимость сочетания слов от парадигматических связей» [Шмелев 1973, 159], «степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости» [Там же, 190].

2. Падежная грамматика стремится определить отношения между планом выражения и планом содержания падежных словоформ, найти инвариантное значение того или иного падежа или установить связи между разными значениями одного падежа, выявить системообразующие признаки падежей. Эти и другие задачи исследователи, как правило, решают без учета деления существительных на лексико-семантические разряды, в отрыве от синтаксических конструкций (их деления на непредикативные, монопредикативные и полипредикативные, их семантики). А. Вежбицкая, обсуждая проблемы описания падежной семантики, говорила о четырех теориях падежа, которые она сформулировала следующим образом: «(1) падежи имеют значения, но они многозначны; большинство падежей имеет много значений, которые, однако, нельзя четко отделить друг от друга (Дельбрюк, Потенция); (2) падежи имеют значения, но этих значений немного; значения падежей могут быть четко разграничены (Де Гроот, Бенвенист); (3) падежи имеют значения, но они не многозначны (Якобсон, Э. Гарсия); (4) падежи не имеют значений, «падежная маркировка» чисто поверхностное явление (Филлмор)». Сама А. Вежбицкая предлагает пятую теорию, в которой количество падежных значений большое (значения связаны, но при описании могут быть разграничены), это количество зависит от количества конструкций, включающих тот или иной падеж; каждое значение «может и должно быть представлено в точной и проверяемой формуле, которая обладает полной предсказующей силой; и эти формулы <...> следует строить на основе самодостаточных семантических первоэлементов (semantic primitives)» [Вежбицкая (1980) 1985, 303-342]. Теория падежей по А. Вежбицкой сводит интерпретацию падежных значений (например, творительного в русском языке) к семантическим формулам, толкующим такие категориальные слова, как инструмент, эмоция, стихийное воздействие, сравнение и др., в определенных синтаксических конструкциях.

3. При обсуждении семантики падежных форм важную роль играет грамматическая интерпретация роли предлогов. И здесь возможны два подхода: описание семантики падежа без учета предлогов (что затрудняет интерпретацию русского предложного падежа) и описание семантики падежа в соединении с предлогом. При первом подходе предлог признается «вершиной» именной группы (см., например, [Печеный 2012 (<http://rusgram.ru/>)] и уравнивается с самостоятельными частями речи; при втором предлог понимается как несамодостаточная лексема и как аналог аффикса входит в единую предложно-падежную форму [Золотова 1973; 1988].

4. Е. Курилович предложил делить падежи на синтаксические и семантические (наречные, конкретные) [Курилович (1949) 1962]: первые маркируют синтаксическую функцию и позицию, вторые выражают семантико-синтаксические категории и

предполагают тесное взаимодействие с категориальной семантикой субстантивной лексемы (*в доме, в мае, в страхе; дорогой, зимой, пилой* – семантика падежной или предложно-падежной формы обусловлена семантикой субстантивной лексемы, а не синтаксической позицией). Синтаксические падежи не свободны от семантики, их семантика является частью семантики синтаксической конструкции, в которую они входят. Деление на синтаксические и семантические падежи применяет Р. Мразек в своей монографии, посвященной русскому творительному падежу.

А. П. Печеный, которому принадлежит статья о творительном падеже в «Русской корпусной грамматике», устанавливает следующее соответствие: к синтаксическим падежным формам относятся Творительный Агенса, Пациенса и Творительный предикативный.

5. То, что Е. Курилович называл синтаксическими падежами, сейчас квалифицируется как «обусловленные синтаксемы» в концепции Г. А. Золотовой и «конструктивно обусловленные (сокращенно – конструктивные)» в работах Г. И. Кустовой.

Несмотря на сходство в терминологии, эти два подхода различаются. Подход Г. И. Кустовой учитывает принадлежность формы конструкции, поэтому Вин. прямого объекта в словосочетании квалифицируется как управляемый, а тот же Вин. объектный в действительной конструкции как «конструктивный» (<http://rusgram.ru/>). Подход Г. А. Золотовой соотносит конструктивную обусловленность не с формой падежа, а с семантикой главных компонентов модели предложения, обусловленной семантикой субстантивных лексем, поэтому субъектные падежные формы (Им., Род., Дат., В., Тв. (как правило, с предлогом), Предл.), образованные от существительных конкретно-личных, конкретно-предметных и пространственных (и местоимений), а также признаковые синтаксемы (выполняющие функцию предиката), образованные от глаголов, прилагательных, существительных и наречий, квалифицируются как обусловленные. Тем самым канонический падеж подлежащего и спрягаемая форма глагола оказываются взаимообусловленными не только по форме, но и по значению.

6. Обусловленность синтаксем может интерпретироваться не только на уровне конструкции, но и на уровне текста. Так, перед + Твор. личного субъекта (*Перед графиней стоял незнакомый мужчина*) интерпретируется как субъект восприятия только в условиях нарративного текста. Диалогическим контекстом обусловлен Дательный этический, который образуется от личных местоимений.

7. В докладе будут рассмотрены разные виды конструктивной обусловленности субстантивных синтаксем и показаны семантические основания разграничения «конструктивных» и «управляемых» падежных форм.

Литература

Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. XV, М., 1985.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь русского языка. М., 1988.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Кустова Г. И. Падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2011

Печеный А. П. Творительный падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2012

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА «УСПЕШНОСТИ» В ГЛЯНЦЕВОМ ЖУРНАЛЕ

Глянцевый журнал – один из популярных форматов развлекательных массмедиа, который в течение последних трех десятилетий, открыв новые источники финансирования и сформировав широкую адресную аудиторию, отвоевал собственную нишу в пространстве российской печати. Социально-коммуникативные условия функционирования «глянцевой журналистики» в свою очередь определили ее жанровые стандарты, а также предпочтительную тематику публикаций.

Одной из ключевых тем в глянцевом журнале стала тема успеха, которая маркирована типичными словосочетаниями *успешный бизнесмен, успешная женщина, успешное дело, успешный проект, установка на успех, успешно осуществить, пройти успешно* и чаще всего реализуется в жанре «интервью успеха» с героем (героиней), выбранными в качестве образца.

В последнем случае узнаваемыми будут не только параметры жанра: оценочное целеполагание, интригующие заголовок и лид, тематика вопросов, мотивирующих интервьюируемого к описанию жизненного пути («семья», «друзья», «увлечения», «старт», «преодоленные трудности», «планы»), – функциональную специфику демонстрируют лексика и грамматика соответствующих текстов (в качестве материала использованы интервью, опубликованные в октябре-декабре 2017г. в журнале «Дорогое удовольствие» и др.).

Лексика «успеха» оформляет несколько типичных социальных сфер, в рамках которых описана жизнь героя или героини: бытовая, политическая, научная, эстетическая, светская и, конечно, деловая; ср. к примеру: *По материнской линии мы являемся представителями известного дворянского рода Воронцовых* и *Я занимала высокий пост на госпредприятии, моей задачей было найти пути снижения себестоимости продукта.*

Набор и сценарная детализация этих семантических пространств в каждом интервью носят индивидуальный характер. При этом устойчивыми характеристиками здесь будут

- клишированность: *переживать этап становления; являться непреклонным авторитетом; являться крайне важным; жить в гармонии с собой; будучи управленцем; так распорядилась судьба;*
- стилевая эклектика – соединение в одном тексте канцелярита, жаргонной и «высокой» лексики, научной терминологии, элементов разговорности и просторечия;
- активное использование слов, словосочетаний с семами ‘высокое качество’, ‘исключительность’, ‘превосходство’, наконец, ‘уникальность’: *чемпион, экстерн, аристократ, единственная женщина-пилот, женщина-президент, лучший в своем роде.*

Грамматика успешности демонстрирует пристрастие интервьюируемых

- к перечислениям в границах однородных рядов: *быть готовыми на красивую, достойную, процветающую, гармоничную жизнь; происходит отторжение, неприятие; они хотят быть лучше, успешнее, перспективнее; люблю читать, слушать, что-то делать;*
- к пропозициям характеристики в рамках структурных схем N_1N_1 и N_1Adj : *Девочка прежде всего – хранительница очага; Женщина не ломовая лошадь. Женщина – мама, жена, партнер; (Я бы сказал, что) я скульптор; Роланд Янг – мой старый приятель, похожий на Йоду; Я по-прежнему пятая в рейтинге;*
- к пропозициям действия или движения, представляющим деятельность героя в рамках структурной схемы N_1Vfin : *Я работаю; Ты постоянно работаешь на краю обрыва и, если что-то пойдет не так, ты упадешь и разобьешься вместе с проектом.*
- к причинно-следственным конструкциям, обнажающим четкую взаимосвязь событий и явлений: *Для того, чтобы был результат, нужно хорошо работать; Прежде чем*

требовать выполнение (задач), необходимо научить. Для того чтобы научить, ты должен быть не только знающим, но и умеющим.

- При этом, как видно, описание событий регулярно сопровождается модальностью необходимости и долженствования; ср. с предыдущим примером: *Девушке нужно обладать некоторым набором качеств. Их необходимо накапливать и развивать с раннего возраста; Когда у тебя соревнования, ты должен быть максимально сфокусированным; Нужно стараться помочь людям взрастить в себе давно забытое детское любопытство.*

В результате в «интервью успеха» формируется образ субъекта, обладающего целым набором превосходных качеств и, безусловно, мотивированного к активным действиям в одной (профессиональной) или сразу нескольких социальных сферах. При этом на формальном языковом уровне эти имиджевые диалоги регулярно демонстрируют качества клишированности, стилевой эклектики, а на содержательном – качества банального знания.

Е. В. Падучева (Москва)

СКОЛЬКО ЗНАЧЕНИЙ У СЛОВА *ВСЁ-ТАКИ*?

Я исхожу из описания значений слова *всё-таки* в Активном словаре русского языка [АС], где у *всё-таки* различается три значения (см. также [Апресян В. 2015, 258-259]).

1. Толкование *всё-таки*-1: Имеет место ситуация А1, имеет место ситуация А2. Говорящий считает, что если имеет место ситуация А1, то естественно, чтобы не имела места ситуация А2. Т.е. *всё-таки* выражает противоречие ожиданиям. Это **уступительное всё-таки**.

Это толкование можно перефразировать следующим образом: Ситуация А2 имеет место несмотря на то, что имеет место ситуация А1.оборот *несмотря на* не является элементарным смыслом, но он более эксплицитно выражает семантику уступительности.

Толкования примеров из АС.

Его не звали, но он *всё-таки* пришел = Несмотря на то, что его не звали (А1), он пришел (А2).

Шел дождь, но мы *всё-таки* пошли гулять = Несмотря на то, что шел дождь, мы пошли гулять.

Детский центр *всё-таки* закрыли, несмотря на многочисленные протесты = Несмотря на многочисленные протесты, детский центр закрыли. Здесь *всё-таки* избыточно, излишне.

Ситуация А1 может быть не выражена:

Мне *всё-таки* удалось успеть до перерыва = Несмотря на что-то (не указанное или ясное из контекста), мне удалось успеть до перерыва.

Толкования примеров из Корпуса.

Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и *всё-таки* я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять... (В. Ерофеев. Москва-Петушки) = Несмотря на то, что сердце мешало вслушиваться, я расслышал.

— Там тоже есть телевизор. — Там маленький... — заупрямилась Аля. Но *всё-таки* встала и ушла. (В. Токарева. Своя правда) = Несмотря на то, что заупрямилась, встала и ушла.

Она говорит — надо *всё-таки* похлопотать, чтобы его определили в спецшколу. (А. Геласимов. Жанна) = Надо, несмотря на что-то (не указанное), похлопотать, чтобы его определили в спецшколу.

Его, наверняка, снимали в эпоху немого кино. *Всё-таки* придётся смотреть. Жалко её обманывать. (А. Геласимов. Нежный возраст) = Несмотря на то, что фильм снимали еще в эпоху немого кино, придётся его смотреть.

Пропал? Невелика потеря, но *всё-таки* неприятно. Поискав кругом, я обнаружила чемодан под столиком. (И. Грекова. В вагоне) = Невелика потеря, но, несмотря на это, неприятно.

Не то чтобы мой личный авторитет был особенно велик, но *всё-таки* могли бы учесть... (И. Грекова. В вагоне) = Мой личный авторитет невелик, но, несмотря на это, могли бы учесть...

2. Толкование *всё-таки-2*. Имеет место ситуация А1; имеет место ситуация А2; говорящий считает, что если имеет место ситуация А1, то естественно, чтобы не имела места ситуация А2; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация А2, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация А3. Это **аргументативное всё-таки**. См. об этом значении *всё-таки* в [Падучева 2001]. В Синонимическом словаре НОССРЯ *всё-таки-2* входит в синонимический ряд лексемы *как-никак* (<Вино покупаю, хотя мне вредно.> *Серебряная свадьба, как-никак*).

Например.

Тогда уже было видно, что это конченный человек, но я сдержался тогда. *Всё-таки* гость... (Ф. Искандер. Чик читит обычаи) = Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, потому что гость.

Примеры из Корпуса.

Я чуть не крикнул Фреду: "Так совершали бы подвиги!". Но сдержался. *Всё-таки* я пил за его счёт. (С. Довлатов. Чемодан) = Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался потому, что пил за его счёт.

Ещё немного ураганных усилий, и Эле-Фантик вылетел бы из тоннеля, как пушечное ядро. Но *всё-таки* его подпирал сзади капитан-шеф-повар. (А. Дорофеев. Эле-Фантик)

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же *всё-таки* рабочий класс. (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) = Вы не имеете сознательности, а надо иметь, потому что вы рабочий класс.

3. Толкование *всё-таки-3*. Говорящий сообщает, что имеет место ситуация А1, как бы возвращаясь к разговору об А1 или возражая кому-то, кто утверждал, что не А1. Это **тривиальное всё-таки**.

И *всё-таки* неожиданно кончилась война! Раз — и кончилась. (И. Грекова. Перелом)

— Нет, ты *всё-таки* дура. (А. Геласимов. Жанна)

— *Всё-таки* все они сволочи, — разрешала себе Ирина. (В. Токарева. Своя правда)

4. Получается, что если *всё-таки* не аргументативное и не тривиальное, то оно должно быть уступительным. Однако это не так. Ниже приводятся примеры, где *всё-таки*, не будучи аргументативным или тривиальным, не поддается перефразировке с *несмотря на*, т.е. не является уступительным.

Так, замена *всё-таки* на *несмотря на* невозможна в вопросительном предложении:

(1) — Ну когда же вы *всё-таки* приедете? Я очень хочу вас видеть! (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1)

(2) "Скажите, а что же *всё-таки* явилось причиной гибели Геннадия? (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней)

(3) Вы, наверное, *всё-таки* страдали, когда жена от вас ушла? (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать)

(4) А почему вы *всё-таки* развелись? (Л. Улицкая. Пиковая дама)

(5) — Мне не ясно, что же у больного *всё-таки* болело! (Г. Горин. Почему повязка на ноге?)

(6) Два ученика и одна девочка. Как её *всё-таки* звали? Может, и не Марина. (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью)

(7) — А вот что ты *всё-таки* говорил про храм толпе на базаре? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Во всех этих примерах *всё-таки* не является уступительным, и есть ощущение, что значение *всё-таки* в этих примерах не везде одно и то же. В (1), (2), (7) значение *всё-таки*

можно счесть тривиальным. Но, скажем, в (5) это невозможно. Однако вопросительные предложения создают особый контекст. Посмотрим утвердительные предложения.

В примере (8) тоже не проходит толкование *всё-таки* как ‘несмотря на’:

(8) Досталось мне, я понимаю, куда меньше горя, чем другим детям <...>, но *всё-таки* досталось. (И. Грекова. Перелом) ≠ но, несмотря на что-то (не указанное), досталось.

Такое *всё-таки* можно назвать **компенсирующим**.

В примере (9) тоже неуместно толкование *всё-таки* как уступительного:

(9) Кямал помогал собрать вещи, принёс пустые коробки из-под марокканских апельсинов и моток бельевой верёвки. *Всё-таки* какая-то польза от него была. (В. Токарева. Своя правда)

Предложение *Всё-таки* какая-то польза от него была – это обобщение предыдущего предложения, а не противоречие ему. Фраза **Несмотря на то, что Кямал помогал собрать вещи, какая-то польза от него была*, – это прямой абсурд. Так что это не уступительное *всё-таки*. Небольшая, но была – возмездительное *всё-таки*.

Другие примеры.

Он очень не скоро пришел [и это плохо], но *всё-таки* пришел [и это хорошо];

Уговорить старика было нелегко, так как за свою слепоту он *всё-таки* получал какую-то небольшую пенсию. (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница)

Он очень медленно собирался с мыслями, но *всё-таки* собирался. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4)

Мог бы сварить себе кофе (*всё-таки* занятие), но кофе он уже выпил три чашки, пожалуй, на сегодня хватит. (В. Быков. Бедные люди) ‘Не ахти какое, но занятие’. Возмездительное *всё-таки*.

Таким образом, есть употребления *всё-таки*, которые, не будучи аргументативными или тривиальными, не поддаются перефразировке с *несмотря*. Можно предложить возмездительное *всё-таки* на роль четвертого значения этого слова.

5. Возможно, найдутся и еще какие-то специфические контексты *всё-таки*. Ср. пример:

— Но ведь Дон Кихот, он, *всё-таки*, — традиционно — очень длинный, — робко замечает один из корреспондентов. (Г. Горин. Иронические мемуары) — а этот не длинный. Противоречие, но не уступительность.

Литература

АС – Активный словарь русского языка, т. 2. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2014.

НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. Языки славянской культуры – Wiener slawistischer Almanach, Москва-Вена, 2004.

Апресян В. Ю. 2015 – Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М., 2015.

Падучева Е. В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В. А. Белошапковой. М., 2001, 184-197.

А. Р. Пестова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В докладе рассматривается синтаксическое управление существительных в русской разговорной речи (РР) и отражение его особенностей в толковом словаре. Анализ осуществляется в сопоставлении с моделями управления, характерными для кодифицированного литературного языка (КЛЯ).

Необходимо отметить, что существительные, используемые как в РР, так и в КЛЯ, могут иметь одинаковое управление: например, существительное *монополия* со значением «исключительное право в определенной сфере деятельности государства, организации, фирмы и т. п., прежде всего на производство или продажу чего-л.» [МАС] управляет беспредложным родительным падежом и предложно-падежной конструкцией *на что-л.*: *м. предприятия на производство стали*. В РР это слово с семантикой «исключительное право пользования чем-л.; преимущество, первенство в какой-л. области» имеет такое же управление: *Я испытал радость, что наконец «монополия» мамы на ребёнка закончилась и мы теперь на равных правах* (Форум, 2005).

Однако более распространены случаи, когда синтаксическое поведение в КЛЯ и в РР у одного и того же существительного различается. Такое расхождение возможно и в случае семантического различия слова в КЛЯ и РР, и в случае сходства значений.

В докладе будут рассмотрено несколько вариантов такого несовпадения управления в КЛЯ и РР.

1. В КЛЯ слово употребляется без зависимых, а в РР имеет управляемые конструкции. В КЛЯ слово *паника* в значении «внезапный непреодолимый страх, смятение, охватившие кого-л. (обычно сразу многих людей)» используется без зависимых конструкций, а в РР в близком значении «массовое волнение по поводу чего-л.» встречается с конструкцией *вокруг чего-л.*: *п. вокруг свиного гриппа, вокруг банков, вокруг кризиса, вокруг курса рубля* (примеры из блогов). У существительного *маразм* в РР есть переносное значение «о чем-л. абсурдном, крайне нелепом», в котором оно может иметь при себе управляемые конструкции *с чем-л.* и *вокруг чего-л.*: *м. со штрафами, м. вокруг темы глобального потепления*.

2. В КЛЯ слово употребляется с зависимыми, а в РР их не имеет. Например, существительное *вирус* в значении «мельчайшая неклеточная частица, размножающаяся в живых клетках, возбудитель инфекционного заболевания» в КЛЯ обычно используется с беспредложным родительным падежом: *в. бешенства, в. гриппа*. В РР и в просторечии это слово употребляется в более узком значении «заболевание вирусного происхождения» и используется без зависимых: *Девочки, если ребенок переболел вирусом, сопли остались ещё, можно ли на улицу ходить?* (Блоги, 2017)

3. Слово имеет различные модели управления в КЛЯ и в РР. Так, слово *мастер* в КЛЯ используется с беспредложным родительным падежом: *м. живописи* и с предложно-падежными конструкциями *в чём-л.* и *по чему-л.*: *м. в возждении автомобиля, м. по установке газовых плит*. В РР оно употребляется в значении «искусный, ловкий в каком-л. деле человек» и управляет конструкцией *на что-л.* или инфинитивом: *м. на выдумки, м. загадывать загадки*. Слово *мода* в КЛЯ используется с конструкцией *на что-л.*: *мода на высокие каблуки*. В РР в значении «привычка, манера поведения» [ТСРР] это существительное управляет инфинитивом: *Ну что за мода свет везде выключать? Не экономьте на соплях//* (Запись устной речи, 2013); *В России появилось страшное, не побоюсь этого слова, явление — мода ругать свою страну* (Форум, 2016).

В докладе будут приведены примеры других существительных, синтаксическое поведение которых в КЛЯ и РР различается, и сделаны выводы относительно особенностей управления существительных в РР.

Литература

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014. 776 с. Вып. 2: К–О / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017. 864 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОПОВЕДИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В последние десятилетия православная церковь в условиях ощутимого снижения числа прихожан (по данным МВД, Рождественские богослужения 2018 года посетило всего 2% россиян) активно ищет новые формы миссионерства.

Во-первых, церковь стремится осваивать и использовать современные средства коммуникации, прежде всего Интернет, на просторах которого появилось огромное количество различных сайтов и каналов, связанных с православием. Во-вторых, поиски новых форм миссионерства реализуются в попытках изменения самой проповеди, ее речевой организации для оптимизации коммуникативного контакта с аудиторией.

В докладе представлены результаты анализа лексического и синтаксического строя проповедей, размещенных на канале YouTube в проекте «Batushka ответит».

Видеоблог «Batushka ответит» существует с января 2016 года и является экспериментом миссионерской лаборатории при Минской духовной академии. Бессменный автор и ведущий проекта - иерей Александр (Кухта). Канал ориентирован в первую очередь на молодых людей от 20 до 30 лет и на сегодняшний день имеет более 13 тыс. подписчиков, отдельные проповеди имеют до 85 тыс. просмотров.

Иерей Александр (Кухта) в своих интервью подчеркивает, что сознательно делает блог в нестандартной форме, отходит от привычных канонов. Однако проведенный анализ речевого строя его проповедей показывает, что мы имеем дело не с трансформацией жанра, которая обычно сопровождается изменением существенных свойств объекта, а с модификацией, связанной с таким характером преобразований проповеди, которые не затрагивают ее сути.

Так, структурно и содержательно проповеди в «Batushka ответит» вполне соответствуют установлениям гомилетики.

Что же касается речевого строя, то здесь следует отметить полное отсутствие архаических элементов на всех уровнях – от фонетического до синтаксического. Другие стилистически значимые языковые средства либо остаются неизменными, либо подвергаются некоторым модификациям. Наиболее ярко это обнаруживается при рассмотрении лексической системы проповедей.

Специфика лексической системы пастырского слова может быть охарактеризована в трех аспектах: в плане семантики составляющих ее элементов, с точки зрения стилистической окраски входящих в нее единиц, а также исторической перспективы используемых слов.

В аспекте лексической семантики стилевые особенности проповеди проявляются в наличии единиц тематической группы «православная сакрально-богослужебная лексика». В состав сакральной лексики входят слова, базирующиеся на понятии «вера» (например, именованья Бога и дьявола, ангелов, святых и т.п.); богослужебная лексика объединяет единицы, связанные с ритуалом, совершением религиозных обрядов, церковной службой. Обычно удельный вес сакрально-богослужебной лексики в разных проповедях может варьироваться в пределах 9–23 % от общего объема. В нашем материале он составляет только 6 %.

Лексическая система проповеди, как правило, включает 3 стилистических пласта: нейтральную, церковно-религиозную и книжную лексику. Возможно также появление слов с разговорной окраской, не обладающих повышенной эмоциональностью и экспрессивностью или ярко выраженной стилистической сниженностью. В анализируемых проповедях сохраняется стилистически релевантное соотношение нейтральной (примерно 90% от общего объема) и стилистически окрашенной лексики (примерно 10–12%) – церковно-религиозной, книжной и разговорной.

В плане исторической перспективы используемых слов лексическая система проповедей видеоблога «Ватюшка ответит» характеризуется отсутствием привычных для этого жанра церковнославянизмов и появлением новообразований – в основном это лексика из молодежного жаргона, которая представлена в единичных случаях (2-3 употребления на 1000 слов).

Т. Б. Радбиль
(ННГУ, Нижний Новгород,)

АКТИВНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В работе развиваются и получают теоретическое осмысление изложенные нами в ряде предыдущих работ идеи лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке через призму их соответствия или несоответствия исконно русским моделям языковой концептуализации мира.

Ранее мы высказали положение о том, что, в плане именно способов языковой концептуализации мира, инновационные явления в русском языке последних лет отражают доминирование типично русского способа смотреть на вещи, хотя в отдельных случаях мы можем говорить и о влиянии чуждых «русскому миру» ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. Перед нами — культурная оппозиция «свое» — «чужое», отражающаяся, в том числе в процессах так называемой «культурной апроприации заимствований», которая своеобразно преломляется в диалектическом противостоянии двух антиномий: на интерпретационном (формально-структурном) уровне это антиномия *синтетизм* — *аналитизм*, на концептуальном, содержательном уровне это антиномия *идиоматичность* - *неидиоматичность*.

С нашей точки зрения, все заимствования так или иначе подлежат приобщению к национальному культурному фонду, однако культурная апроприация имеет, как минимум, две стадии.

На начальной стадии концептуального освоения иноязычные явления еще не «переварились» русским миром. Именно такие активные процессы отражают «дрейф» русской лексики и грамматики к **аналитизму**, отмечаемый многими исследователями. Это проявляется в несклоняемости «новых» субстантивов и адъективов (*шорт-лист, секс-индустрия, женщина вамп, стиль ретро*), в неизменяемости элементов устойчивых выражений (*VIP ложи, Интернет-коммуникацию*), в тенденции к фиксированному порядку компонентов (*Работа Про, Мама Плюс* — нельзя **про работа, *плюс мама*) и др. По мере освоения аналитизм может ослабляться — например, меняется порядок слов и на фоне этого развивается склоняемость: *интернет-дискурс* → *дискурс интернета, секс-индустрия* → *индустрия секса*.

На содержательном уровне этому «дрейфу» соответствует тенденция к смысловой «прозрачности», «одномерности» новых моделей, к их **неидиоматичной рецепции** в узусе (которая заключается в полной выводимости значения целого из суммы значений его компонентов): *шоу-бизнес, хит-парад* и пр. Неидиоматичность выступает как следствие понятийной неосвоенности носителями языка одного или всех компонентов (он вынужден использовать готовое значение из языка-источника, принимать его, так сказать, на веру), как следствие минимальной метаязыковой рефлексии над внешней или внутренней формой. По мере освоения неидиоматичность ослабляется, что подтверждает метафоризация новообразований (*ретрокошки, вамп-индустрия*), их игровое использование: *бабушка вамп, нанопалти*.

На следующей стадии концептуального освоения иноязычные явления на формально-структурном уровне, напротив, демонстрируют «дрейф» в сторону повышенного **синтетизма** (мы, кстати, вслед за В. Г. Гаком, различаем синтетизм грамматический и лексический: последний выражается в тенденции максимально выражать разные компоненты смысла в одном слове, независимо от их природы — *разбежались* вместо **завершили движение в разные стороны бегом*). Неизменяемые элементы начинают изменяться (*интернет*), входят в русские модели словообразования (*смайлик, селфишко, френдить, флешечный*).

На содержательном уровне это проявляется в том, что слова и выражения с иноязычными компонентами приобретают **идиоматичность**, знаком которой является семантическая компрессия, смысловая емкость подобных новообразований. Семантическая насыщенность этих явлений объясняется тем, что, с точки зрения логического анализа языка, слова типа *безлимитище* или *гламурненько* выступают как **скрытые предикации**: в таких словах выделяется своего рода **диктумная часть**, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусная часть**, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно-русским формантом. Именно переход от прозрачной номинации реалии к непрозрачной предикации отношения к ней говорящего, отражающий концептуальную двуплановость единицы, выступает как знак ее культурной освоенности.

В лингвокультурологическом аспекте процесс аккультурации лексико-грамматических новаций как переход от начальной стадии к финальной можно представить следующим образом. Вместе с иноязычным компонентом усваивается некий общий денотативный или сигнификативный слой, необходимый для заполнения имеющейся лакуны в когнитивной базе этноса или для обозначения появившейся в нашей жизни реалии: затем этот «слой» подлжет концептуальному переосмыслению и эмоционально-оценочной трансформации уже в соответствии с «ключевыми идеями русской языковой картины мира».

Мы постулируем наличие разноуровневых **параметров**, по которым, как нам кажется, можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами:

1) **на уровне коммуникативно-дискурсивном** — актуализация какой-либо национально-культурной установки говорящих (эмпатия, чрезмерная гиперболизация, гипертрофия оценочности, ориентация на духовный идеал, ироническое «остранение» карнавального типа и пр.) в различных речевых ситуациях;

2) **на уровне лексико-семантическом** — «идиоматичность» как наличие смысловых и эмоционально-оценочных приращений, в сравнении с языком-источником; «скрытая предикационность» модусно-диктумного характера (смысловая двуплановость, совмещающая обозначение предмета и точки зрения на него);

3) **на уровне словообразовательном** — вовлеченность в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного;

4) **на уровне грамматическом** — грамматическая оформленность по законам русской морфологии (утрата несклоняемости, категоризация по роду, пассивизация, безличность и пр.).

Р. Ратмайр (Вена)

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ РЕПЛИКИ В КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

После лингвистического поворота в социальных науках коммуникация считается важным элементом и теории менеджмента, и практики бизнеса. Установлено, что большую часть рабочего времени топ-менеджеров занимает общение, для многих функций в

менеджменте компаний дополнительно требуется знание иностранных языков, а от сотрудников в сфере обслуживания требуется, например, умение адекватно, то есть вежливо и доброжелательно, общаться с клиентами. Безусловно, уровень содержания занимает центральное место в деловом общении, но одновременно всегда присутствует и уровень отношений, и без его учета деловое общение не может быть успешным. Для обоих уровней важно не только то, о чём, но и как происходит общение. Обсуждение того, как надо общаться, как общаются, кто с кем, о чём общается – это и есть метаязыковое общение.

В деловой практике проводятся специальные курсы, продаются книги, содержащие рекомендации, как говорить и писать в разных ситуациях делового общения. Некоторые компании предлагают курсы повышения коммуникативной компетенции и т.д. Кроме того, примерно половина этических кодексов компаний содержит раздел рекомендаций по культуре речи в компании, см. [Ратмайр, в печати].

В рамках данного доклада в основном будут рассмотрены метаязыковые реплики не в прескриптивном жанре кодексов, а в аутентичной бизнес-коммуникации. Для иллюстрации были выбраны жанры совещания, в котором присутствуют как эгалитарная коммуникация на одном социальном уровне, так и коммуникация сверху вниз и наоборот снизу-вверх, и жанр собеседования, в котором участники неравноправны. Примеры берутся из корпуса совещаний и собеседований совместного проекта о дискурсивном анализе корпоративной коммуникации в России [Милехина, Ратмайр 2017, 214, 259-260]. Цель доклада – показать, какво содержание метаязыковых реплик и их типичное языковое воплощение.

В межличностном общении метакоммуникация в первую очередь служит для установления и поддержания понимания, предвосхищения и исправления коммуникативных неудач [Голетиани 2013, 59]. Метакоммуникативные функции в диалоге Голетиани разделяет на три категории: интерпретационные функции или функции по поддержанию взаимопонимания в диалоге (*Ты имеешь в виду...?*), модальные функции (*Не могу согласиться...*) и диалогоуправляющие функции или функции по организации интеракции, жанровые клише (открытие и закрытие интеракции, введение нового топика, возвращение к предыдущему, сохранение, трансформация или закрытие топика; ср. там же 61).

В корпусе совещаний встречаются в первую очередь диалогоуправляющие метаязыковые реплики, а в собеседованиях, кроме них, еще и модальные. Интерпретационные функции метаязыковых единиц можно найти, но они встречаются гораздо реже. Анализ показал, что в метаязыковых репликах употребляются самые разнообразные речевые и когнитивные глаголы и сочетания, такие как *говорить/сказать, понимать, отметить, переговорить, включить в коммуникацию, перечислить, определить, пробежаться по пунктам* и т.п. Также употребляются метаязыковые частицы и формулы: *то есть, значит, в смысле, скажем так, так сказать, как тебе сказать* и др. На совещаниях они в основном встречаются в директивных речевых актах: *кто что кому должен сказать*, в ассертивных актах: *кто кому что сказал* и в комиссивных актах: *говорящий кому что скажет*.

Тематический фокус метакоммуникации на совещаниях – прямое или, реже, косвенное обсуждение тем, о которых предстоит говорить. Темы, как правило, задает ведущий, а если собираются представители компании на одном уровне – все присутствующие. Кроме того, в директивных речевых актах распределяется, кто кому должен передать определенные сообщения или поручения.

На собеседованиях интервьюер задает темы, о которых соискатель должен говорить на данном этапе собеседования. Встречаются также метаязыковые реплики, в которых формулируется побуждение что-то повторить, или говорить меньше, в более сжатой форме. Другими словами, призывают соискателей к соблюдению постулата количества Грайса [Grice 1975]. Метаязыковые единицы с модальной функцией встречаются, например, *скажем так* в ответах соискателей на неловкие, неудобные вопросы интервьюера.

В докладе приводятся примеры из аутентичных совещаний и собеседований.

Литература

Голетиани Л. 2013. Использование метакоммуникации в диалогах с намеренным нарушением коммуникативных постулатов // Ритуал в языке и в коммуникации. Отв. ред. Л.Л. Федорова. М., с. 57 и след.

Милехина Т. А., Ратмайр Р. . (отв.ред.) 2017: Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ. М., 2017. 632 с.

Ратмайр Р.. (в печати). Культура речи в этических кодексах компаний и реальное общение на примере обслуживания клиентов // Труды Института русского языка. Москва.

Grice H. P. . 1975. Logic and conversation // Syntax and semantics. Vol. 3: Speech Acts/ Ed. by P.Cole and J. L. Morgan. N. Y., p. 41-58.

Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова (Москва)

ЗА ПРЕДЕЛАМИ «ФИЛОСОФИИ ГРАММАТИКИ»: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

В свое время Отто Есперсен, автор классического труда «Философия грамматики», обратил внимание на цикличность развития некоторых грамматических показателей – а именно, показателей отрицания. Его идея состояла в том, что исторически отрицание проходит своего рода цикл: исходный показатель как бы «стирается» и дополняется новым. Новый сначала усиливает отрицание, а потом принимает на себя полностью его функцию и вытесняет исходный маркер.

В последнее время идея цикличности вновь стала популярной (см. работы van der Auvera 2017, Dahl 2015 др., но зоной повышенного внимания в них по-прежнему остается отрицание.

Однако есть и другие области, которые представляют бесспорный интерес в отношении быстрой сменяемости и цикличности маркеров, и в том числе такие, которые относятся скорее к лексике, а не к чистой грамматике. Прежде всего, это интенсификаторы и оценочные слова. Семантически они «стираются» очень быстро, как если бы были сугубо грамматическими, и уходят из употребления, заменяясь другими – но лексемами.

Это – известное обстоятельство, оно естественно именно на стыке лексики и грамматики, то есть в зонах, где слова передают значения, близкие к грамматическим. Однако как именно происходит «смена караула» – замена одного показателя другим? Откуда берутся сами замены? Наконец, куда исчезает выработавший свой ресурс маркер? Эти проблемы мы подробно обсудим в докладе на примере истории русского прилагательного *славный*, в сопоставлении с похожими прилагательными других языков.

СТРАТЕГИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДИКАТНОЙ ЛЕКСИКИ: ГЛАГОЛЫ ПОРЧИ (ЗАГРЯЗНЕНИЯ) – СЕМАНТИКА, СОЧЕТАЕМОСТЬ, АСПЕКТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Тематический класс глаголов порчи включает такие подклассы, как глаголы деформации, глаголы деструкции и глаголы загрязнения. В докладе рассматривается состав, семантика, сочетаемость и аспектуальные характеристики русских глаголов загрязнения.

Грязи и загрязнению в русской культуре уделяется очень большое внимание: глаголы загрязнения – один из самых крупных тематических классов глаголов русского языка. Загрязнение описывают около 37 каузативных глаголов: *возюкать, вывалить, вывозить, завозить, *загадить, загваздать, загрязнить, *закакать* (звездочкой отмечены глаголы, у которых значение загрязнения производное), *закапать, замазать, замарать, замаслить, замурзать, замуслить / замусолить, замусорить, замызгать, запачкать, засалить, заследить, заслюнявить, *засрать, засуслить, захватать, извозить, изгадить, изгваздать, измазать, измазюкать, испачкать, измызгать, испакостить, мазать 1, мазюкать 3, марать 1, обляпать, *обосрать, *обоссать, обслюнявить, пачкать*.

Большей части этих глаголов соответствуют некаузативные (возвратные) глаголы: *вывалиться, вывозиться, выпачкаться, завозиться, *загадаться, загваздаться, загрязниться, *закакаться, закапаться, залосниться, замазаться, замазюкаться, замараться, замаслиться, замурзаться, замуслиться* и др.

Русские глаголы тематического класса загрязнения можно разделить на три группы:

1. Глаголы результата – это глаголы наиболее общего значения (гиперонимы), описывающие только конечный результат воздействия на объект – ‘стать грязным’: *грязнить – загрязнить, марать – замарать, пачкать – запачкать – испачкать, пакостить – запакостить – испакостить*. Глаголы этой группы допускают, но не требуют косвенного дополнения, указывающего на то, чем именно был загрязнен объект, ср.: *Если он замарает форму, он сам ее стирает?* (Труд-7, 29.10.2010); *Если с дочкой идешь, только и смотришь, чтобы она нечаянно к стене не прислонилась и сажей одежду не замарала* (Комсомольская правда, 22.01.2008).
2. Глаголы способа, указывающие, в результате какого именно воздействия на объект он стал грязным: *возюкать, вывозить, завозить, загваздать, залапать, замурзать, замусолить* и др. Некоторые глаголы способа допускают указание на то, в какой среде был загрязнен объект (*извозил куртку в пыли, вывозил штаны в грязи* и т.п.), другие (*залапать, замусолить, захватать*) позволяют уточнить, что было инструментом загрязнения объекта (*залапали обложку руками, замусолил щеки леденцом, захватили фото грязными пальцами*).
3. Глаголы средства, указывающие, каким именно веществом загрязнен объект (*замаслить, засалить, заслюнявить* и др.). Эти глаголы допускают уточнение средства, загрязнившего объект (*ризы, засаленные воском, замаслить губы колбасой*).

При описании глаголов загрязнения возникает целый ряд вопросов.

1. Соответствие между каузативными и некаузативными глаголами не является полным: отсутствуют возвратные глаголы, соответствующие каузативным *захватать* и *залапать(фотографию) – фотография *захваталась / *залапалась*; наоборот, нет каузативного глагола **залоснить*, которому соответствует возвратный *залосниться*

* Исследование выполнено в рамках проекта «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации», грант РФФИ № 17-04-00554.

‘загрязниться до лоска’. В чем причины этих и других случаев расхождения списков каузативных и некаузативных глаголов загрязнения?

2. У глаголов одной и той же (второй) группы, как видно из примеров, сочетаемость может различаться. Чем можно объяснить эти различия?

2. Характерная особенность глаголов загрязнения – наличие, помимо видовых пар (иногда более одной), словообразовательных пар, в которых приставочный глагол, кроме значения законченного действия, имеет некий дополнительный семантический признак. Например, глагол *пачкать* входит в видовые пары *испачкать* и *запачкать*, в которых *пачкать* имеет актуально-длительное или тривиальное (итеративное) значение, а глаголы *испачкать* и *запачкать* – значение завершеного действия; помимо этого *пачкать* входит в словообразовательную пару *пачкать* – *перепачкать*, в которой в значение глагола *перепачкать* входит дополнительный семантический признак ‘высокая степень’ (загрязнить весь объект’ или ‘сильно загрязнить’). Так же устроен глагол *марать*: он входит в видовую пару *марать* – *замарать* и в словообразовательную *марать* – *измарать*. Глагол *мазать* входит в две видовые пары: *мазать* – *замазать* и *мазать* – *измазать*, а, кроме того, в словообразовательную пару *мазать* – *перемазать*, в которой у последнего глагола есть семантический признак степени ‘сильно’ или ‘загрязнить несколько объектов’. В связи с этим возникает вопрос о том, почему не все глаголы загрязнения способны наряду с видовыми образовывать словообразовательные пары.

В докладе предпринимается попытка ответить на эти вопросы.

В. А. Салимовский (Пермь)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ*

В теоретическую лингвистику понятие речевой системности было введено, по-видимому, Г.О. Винокуром (1923), подчеркивавшим, что речь является не просто индивидуальным говорением, но и особой нормативной структурой. С конца 1960-х гг. это понятие становится одной из базовых стилистических категорий. Речевая системность понимается как взаимосвязь языковых средств в речевой разновидности (внутри каждого языкового уровня и между ними) на экстралингвистической основе (М. Н. Кожина). Развивается мысль о том, что выбор и использование языковых единиц – от фонетических до синтаксических – определяется некоторой общей для данной коммуникативной сферы целевой установкой (назначением соответствующего вида деятельности и формы сознания) в единстве с другими экстралингвистическими факторами. В фокусе внимания стилистов – качественно-количественные характеристики речи (Б. Н. Головин, М. Н. Кожина, О. Б. Сиротина др.), распределение и функционирование грамматических единиц в ее разновидностях (исследования под руководством Д. Н. Шмелева).

Представления о взаимосвязи в текстах лексических и грамматических средств становятся более полными и конкретными по мере включения в анализ, помимо инвариантных свойств определенного вида деятельности (научной или политической, правовой и др.), особенностей ее строения, а именно системы образующих ее действий, и затем предметной направленности этих последних.

Так, в литературе по философии науки познавательная деятельность ученого описывается как воплощаемая в речи система действий, включающая фиксацию данных наблюдения, классификацию объектов, обнаружение эмпирических закономерностей, анализ проблемной ситуации, постановку проблемы, выдвижение гипотезы, ее верификацию, формулирование закона. Каждое из этих сложных действий представлено совокупностью

* Исследование поддержано грантом РФФИ 17-29-07049офи_м

более простых. Высказывания, воплощающие различные ментальные действия, обладают особым типовым содержанием, выражаемым с помощью определенных языковых единиц. Например, фиксация данных наблюдения над морфологическим планом объекта, т.е. его строением и формой, предполагает использование набора строевых слов (*структура, состав, часть, содержать, образовывать, входить* и др.). Активизируются некоторые словообразовательные средства – суффиксы прилагательных *-ат, -чат*, опорные компоненты *-видный, -образный* и др. В области морфологии отмечается высокая частота употребления предложно-падежных форм имени, указывающая на место нахождения предмета. Синтаксис характеризуется регулярным употреблением моделей N1 – Adj полн., N1 – Vf с глаголами партитивной семантики.

Проявления стилистико-речевой системности обнаруживаются еще отчетливее, если учитывается объект познавательной деятельности. Как правило, он характеризуется по принципу фрейма (А. А. Леонтьев): новое знание формируется и фиксируется в соответствии с некоторой системой параметров. Например, описание нового растения предполагает сообщение сведений о его жизненной форме, корне, стебле, листьях и др. Текст развертывается как заполнение матрицы: жизненная форма (*дерево, кустарник, полукустарник...*), корневая система (*стержневая, мочковатая, конусовидная...*), стебель (*прямостоячий, стелющийся, вьющийся...*). Таким образом, определенные грамматические и лексические средства оказываются «предзаданными» объективации ментального действия (что, конечно, не исключает использования и других языковых единиц). Типизированность воплощаемых в речи ментальных действий обнаруживается и в широком использовании готовых к употреблению сегментов языковой материи – коммуникативных фрагментов и контуров высказываний (Б. М. Гаспаров).

Средства речевой объективации ментального действия составляют базу для его автоматического выявления в тексте. К решению этой задачи адаптирован реляционно-ситуативный метод поиска и анализа текстов, основывающийся на положениях синтаксической концепции Г. А. Золотовой (Д. А. Девяткин, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова). Возможность улучшения качества выявления в текстах ментальных действий видится в формализации «речевой прибавки» (Б. Н. Головин, М. Н. Кожина) к свойствам языковой системы, а именно закономерностей повторения, размещения, комбинирования и модификации языковых единиц в соответствии с реализуемыми в данном виде деятельности познавательно-коммуникативными целевыми установками.

Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина
(Новосибирск)

БАЗА ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ: ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Прагматически маркированная лексика неизменно вызывает интерес исследователей в последние тридцать лет: изучаются особенности её семантики и функционирования и специфика лексикографической интерпретации словарями разных типов. Результаты специального лексикографического анализа свидетельствуют о том, что семантизация этих лексических единиц отличается непоследовательностью и неполнотой, связанной, прежде всего, с тем, что этот фрагмент словаря был слабо «подготовлен» предшествующей работой лексикологов.

Новые лексикографические возможности дают компьютерные технологии. Разработка лексикографических источников нового поколения, таких, например, как База данных прагматически маркированной лексики, позволяет представить в

лексикографическом описании те элементы семантики, которые определяют коммуникативное «поведение» слова, то есть соответствуют требованиям словаря активного типа.

Кроме того, электронный лексикографический ресурс дает возможность показать лексикографическую «историю» слова и продемонстрировать динамические процессы в русской прагматически маркированной лексике.

Прагматический макрокомпонент в лексическом значении слова включает следующие элементы: эмоционально-оценочный, национально-культурный, идеологический, гендерный, социальный, возрастной и др., которые по-разному связаны и взаимодействуют друг с другом.

Применительно к гетерогенному прагматически маркированному лексическому значению остро встает вопрос лексикографической интерпретации широкой вариативности денотативной и коннотативной (и шире – прагматической) семантики. Вариативность проявляется в целом спектре негативных коннотаций (от насмешливой до презрительной и крайне отрицательной оценки), или оценка варьируется от «плюса» до «минуса».

Настоящее исследование лежит в семантико-прагматической области: это необходимый этап, с помощью которого можно выйти на решение проблем экспликации тех или иных фрагментов картины мира в лексикографической интерпретации лексики, связанной с отражением гендерной семантики.

Сочетание «гендерная семантика» кочует из работы в работу, причем это касается и психологических, и социолингвистических, и собственно лингвистических исследований, однако место, статус и природа этого компонента лексического значения пока недостаточно осмыслены, а указанный компонент «не вписан» в существующие модели (дифференциальные и интегральные) значения слова. Очевидно, что гендерный компонент значения включается в состав денотативного и/или коннотативного (прагматического) содержания языкового знака.

Он отражает, во-первых, онтологические характеристики предмета (денотативная семантика слова), во-вторых, связан с широким кругом представлений/мнений/заблуждений социума, касающихся характеристик лица мужского и женского пола (прагматические смыслы). Этот факт неоднократно отмечался в работах И. А. Стернина о семном варьировании лексем *женщина* и *мужчина* (см., например, диспозициональные семы в лексическом значении слова).

Информация о гендерном факторе является наиболее существенной в лексикографировании эмотивно-оценочной лексики (важными также являются возрастной и социальный факторы): характеристики лица мужчины или женщины, интерпретируемые словарями как тождественные, весьма существенно отличаются эмотивно-оценочной семантикой, то есть прагматическим потенциалом слова. См., например: *модник – модница, болтун – болтунья (болтушка), трус – трусиха; рычать, трещать, ворковать, лепетать, чирикать, щебетать* применительно к мужской и женской речи.

Совершенно не описаны в аспекте гендерной семантики существительные общего рода (*белоручка, грязнуля, неряха, неженка, чистюля, скряга, громила, лежебока*). Будучи формально пригодными для номинации и характеристики лиц мужского и женского пола, существительные общего рода существенно различаются а) частотностью употребления применительно к мужчине или женщине; б) семантико-прагматическими элементами; в) особенностями функционирования в речи.

Гендерный фактор определяет знак, качество и интенсивность (категоричность) эмотивно-оценочного содержания слова.

Подобное исследование дает возможность уточнить семантику эмотивно-оценочного слова, наметив широкий спектр денотативного и коннотативного варьирования, а также выявить особенности функционирования слова в дискурсе. Кроме

того, это необходимый шаг в разработке лексикографических схем для лексики, содержащей гендерный семантический элемент.

В. М. Труб (Киев)

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ *ПОМОГАТЬ И ПОДДЕРЖИВАТЬ*

В рамках проблематики выявления семантических различий между близкими по смыслу языковыми единицами представляет интерес рассмотрение соотношения между значениями глаголов *помогать* (*X помогает У-ку в Р*) и *поддерживать* (*X поддерживает У-ка в Р*). В самом общем виде их семантика может быть привязана (но не тождественна) к приблизительной схеме типа:

‘Будучи благосклонным к лицу или инстанции У, лицо или инстанция Х безвозмездно прилагает определённый ресурс Z с целью каузации ситуации Р, желательной для У-ка’.

Важно подчеркнуть, что помогать и поддерживать – это т.н. «интерпретационные» глаголы [Апресян 2009], сами по себе не уточняющие конкретный характер действий, которые говорящий интерпретирует как помощь или поддержку.

Смысловые различия между значениями данных глаголов ярко проявляются в различии сочетаемости отглагольных существительных *помощь* и *поддержка*, которые в другой частеречной форме, лишённой формальных показателей времени и вида, сохраняют то же значение, что и исходные глаголы [Hjelmslev 1959]. Как отмечается, например, в [Мельчук 2012], между смыслом и сочетаемостью слов существуют глубокие связи, которые помогают проверять и уточнять гипотезы об их смысле.

Различие между помощью и поддержкой в значительной степени пролегает в различии сфер их приложения – сфер, которые лишь частично пересекаются.

Важно также различать способы взаимодействий, которые описываются рассматриваемыми предикатами. Применительно к ситуации помощи можно выделить три способа:

1) функция субъекта Х состоит в предоставлении У-ку ресурса той или иной природы, который Х затем самостоятельно прилагает для достижения своей цели. Именно так обстоит дело в ситуациях материальной, гуманитарной помощи, поставки вооружений и т.д.;

2) Х действует совместно с У-ком, т.е. оба одновременно прилагают свои ресурсы для достижения цели У-ка. Тем самым Х облегчает У-ку каузацию желательной ситуации [Жолковский 1964].

3) активные действия в пользу У-ка предпринимает только Х. Имеются в виду случаи, когда У бессилен что-либо предпринять из-за препятствий к приложению его усилий или же его полной инактивности.

Значение Х поддерживает У-ка в Р метафорически связано с идеей опоры, которая может рассматриваться как «конверсив» поддержки. Не случайно одно из значений лексического параметра *Oper2* (поддержка) = опираться [Жолковский, Мельчук 1967].

Сопоставление разных типов предоставляемых ресурсов указывает на важность учёта социальных соотношений между субъектом и адресатом (в смысле [Крысин 1989]). В одних случаях Х может быть социально равным У-ку ($X = U$) или даже ниже его ($X < U$), в других субъект занимает более высокое положение, чем адресат ($X > U$). Поступление большого объёма ресурсов разного типа от высокопоставленного субъекта Х обычно квалифицируется как поддержка, что ярко отражается, например, в коллокациях *всесильная поддержка*, *могучая*, (*могущественная*) *поддержка*. Высокое социальное положение позволяет Х-у легко распоряжаться ресурсом, необходимым У-ку для достижения его целей. Между тем в значении ОС *помощь* (как и глагола *помогать*) о статусных различиях между Х-ом и У-ком ничего не сообщается. В отличие от высокопоставленного субъекта поддержки, для субъекта

помощи отчуждение того или иного ресурса может представлять определённые трудности, что отражают коллокации *посильная помощь, самоотверженная помощь*.

Выделяются два способа взаимодействия участников поддержки:

1) как и в ситуации помощи, функция субъекта X состоит в предоставлении У-ку определённого ресурса, который У-ку предстоит использовать самостоятельно;

2) X самостоятельно действует, расходуя определённый ресурс в пользу У-ка (ср., например, официальные заявления высокопоставленных лиц, полномочных органов с позитивной оценкой определённой инициативы У-ка или же нацеленные на защиту У-ка в его конфликте с враждебными инстанциями).

Важно также подчеркнуть, что, в отличие от глагола *помогать*, форма НСВ *поддерживать*, не имеет актуально-длительного значения, но концептуализируется как деятельность, направленная на постоянное сохранение положения дел в той или иной сфере, важной для У-ка.

Литература

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т.1. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. М., 2009.

Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе. // Проблемы кибернетики №19. 1967. С. 177-238.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения русского языка. М., 1989.

Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М., 2012.

Hjelmslev L. (1959). Essais linguistiques. Vol.12. Copenhage: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1970.

Е. В. Урысон (Москва)

ОБ ОДНОМ НЕОПИСАННОМ КЛАССЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА

Объект работы – русские предложения типа *Платье и платье (ничего особенного); Забыл и забыл (ничего страшного)*. С определённым обобщением, подобные предложения построены по единой фразеосхеме (по Д. Н. Шмелеву). Цель работы – по возможности системно описать данную фразеосхему, в частности выяснить, в каком значении выступает здесь слово *и*.

Демонстрируется, что слово *и* в этой фразеосхеме является анафорической частицей *и*. Данная частица *и* выступает в контекстах типа *Так я и попал в Харбин, Вон и озеро*. Она указывает на то, что речь о данной ситуации или о данном объекте уже шла. Действительно, первое высказывание уместно, если речь о том, что субъект оказался в Харбине, уже шла; второе высказывание уместно в том случае, если данное озеро уже упоминалось.

Эту же анафорическую частицу *и* естественно усматривать в предложениях с глаголом-связкой, ср. *Этот человек и стал <был, будет> ее мужем [A1 {связка} A2]*. Подобные предложения уместны, если и об A1, и об A2 речь уже шла.

Как известно, в нейтральной речи связочный глагол *быть* в настоящем времени опускается: нормально высказывание *Этот человек – ее муж*, но недопустимо **Этот человек есть ее муж*. Обнаруживается, однако, один тип контекстов, в котором связка *есть* не опускается. Это контексты, в которых перед связкой стоит анафорическая частица *и*. Ср. *Этот человек и есть твой отец; Этот город и есть моя родина; Она-то самый ужасный урод и есть* (Д. Рубина).

При этом предложение типа *A1 и есть <был, будет> A2* указывает на тождество объекта A1, выраженного подлежащим, объекту A2, выраженному сказуемым (его именной частью). Как предложения тождества, предполагающие, что речь об A1 и A2 уже шла,

подобные высказывания рассматривались в работах [Падучева 1987; Шатуновский 1990]. Естественно считать, что семантика тождества в таких предложениях выражается глаголом-связкой, а анафору выражает частица *и*.

Данному типу контекстов очень близки разговорные контексты типа *А1 и есть А1*, ср. *Платье и есть платье* (а также *Платье – оно и есть платье*, *Платье – оно платье и есть*). Специфика контекста *А1 и есть А1* заключается, в частности, в том, что связочный глагол *быть* возможен здесь только в форме настоящего времени *есть*. Непонятны высказывания типа **Платье и было платье*, **Платье и будет платье*.

Но неожиданным образом в контекстах *А1 и есть А1* связку *есть* можно опустить, и результат не будет аграмматичным, ср. *Платье и платье*; *Книга и книга*. Если предложенное рассуждение верно, то в рассматриваемой нами фразеосхеме слово *и* – это анафорическая частица *и*.

Данная фразеосхема указывает на то, что объект *А1* не отличается от среднего однотипного объекта *А1*. (Ср. естественное продолжение подобного контекста: *Платье и платье, ничего особенного*; *Мальчики и мальчики, ничем не отличаются от наших* и т.п., при невозможности: **Платье и платье, потрясающе красивое*; **Мальчики и мальчики, никогда не видел таких умных и воспитанных*.) Тем самым, существительное *А1* в функции подлежащего выступает в конкретно-референтном статусе, а то же *А1* в функции сказуемого (точнее – его именной части) имеет родовой статус.

В докладе будет показано, что аналогичным образом интерпретируются высказывания типа *Забыл и забыл (ничего страшного)*.

Литература

- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1987.
Урысон Е. В. Русский союз и частица *И*: структура значения // ВЯ, 2000, № 3.
Урысон Е. В. Материалы к описанию русского союза *И* // Язык. Личность. Текст. М., 2005.
Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
Шатуновский И. Б. Тождество и его виды // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация/ Проблемная группа «Логический анализ языка». Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.

Л. Л. Федорова (РГГУ, Москва)

РУССКОЕ СЛОВСОЛЖЕНИЕ: МЕЖДУ ЛЕКСИКОЙ И ГРАММАТИКОЙ

1. Словосложение как способ словообразования в русском языке традиционно рассматривается в разделе грамматики. В роли словообразовательного форманта в классической модели словосложения используется интерфикс. Компонентами сложного слова могут быть корневые морфемы (*листопад*), производные основы (*водопровод*), слова (*домовладелец*, *черно-белый*), словоформы (*трёхэтажный*), части слов (*завкафедрой*). Возникает парадокс: сложное слово может быть образовано не обязательно сложением, но и другими способами – сращением (*благотворить*, *вечнозеленый*), усечением одновременно со сложением (*детсад*), сложением одновременно с суффиксацией (*полководец*), сращением с суффиксацией (*сумасшедший*). Одни модели оказываются регулярными и хорошо поддаются грамматическому описанию, другие дают уникальные лексические единицы.

2. В современной лингвистике получила развитие Грамматика конструкций, центральным понятием которой является собственно конструкция – т.е. языковое

выражение, в котором происходит объединение и взаимопроникновение его частей, так что «некоторые аспекты его формы или функционирования не являются строго предсказуемыми на основе его компонентов или других существующих конструкций» [Goldberg 2006, 5]. В рамках этого направления голландский исследователь J. Booij выстраивает Морфологию конструкций, в которой слово выступает как минимальная конструкция. Этот подход позволяет описать лексику языка иерархически, как процесс детализации абстрактных моделей.

3. При образовании сложных слов в русском языке используются различные стратегии, ориентирующиеся на морфологические, лексические или даже фонетические принципы оформления целого, происходит взаимопроникновение явлений разных уровней. В докладе предполагается сопоставить морфологические модели разной степени продуктивности: сложение корней с нулевой суффиксацией (*листопад, чернозем, бледнолицый*), неполное морфологическое сложение именной основы с глагольной словоформой (*горицвет, болиголов*) и образование сложных слов без интерфикса с заимствованными компонентами (*аква-парк, хит-парад*) [Габдреева 2012].

4. Нулевой суффикс в моделях корневого сложения (N+V)N, (Adj+N)Adj (*мореход, синеглазый*) представляет собой грамматическую абстракцию, позволяющую сопоставить их с суффиксально-сложными образованиями (*полководец, железнодорожный*). В существительных нулевой суффикс полисемичен, порождая разные категориальные значения целого (*пароход, ледаход, мореход*). Прилагательные с нулевым суффиксом могут рассматриваться как выражение неотчуждаемой принадлежности [Федорова 2015]. Эти модели достаточно продуктивны.

5. В модели (N+V)N (*горицвет, сорвиголова*) глагол в форме императива утрачивает побудительное значение, выражая характерное или типичное действие, т.е. у него присутствует определенное модальное созначение. Эта модель зафиксирована небольшим числом словарных единиц, однако обладает некоторой продуктивностью в разговорном языке, что показывают наши экспериментальные данные.

6. Сложные слова на основе заимствованных компонентов представлены двумя моделями: слова с аффиксоидами, укоренившиеся в языке (*автовокзал, автобиография*), и новые композиты (сложносоставные слова), образованные из заимствованных слов или целиком заимствованные (*ток-шоу, хит-парад*). Новых композитов очень много, особенно в профессиональной речи, однако их продуктивность ограничена кругом заимствованной лексики.

Литература

Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М., 2012.

Федорова Л.Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 8, 2015. С. 61–74.

Goldberg A. *Constructions at Work*. Oxford, 2006.

Booij G. *Compounding and Construction Morphology*. // Rochelle Lieber & Pavol Štekauer, *The Oxford Handbook of Compounding*. New York, 2009, 201–216.

НА ЛОШАДИ ИЛИ НА КОНЕ СИДИТ МЕДНЫЙ ВСАДНИК? (О ВКЛАДЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА В ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

Известно, что в современном русском языке грамматическая категория рода обозначает биологический пол лишь у тех существительных, которые называют людей и некоторых животных. Вместе с тем принадлежность любого из других существительных к тому или иному роду нельзя считать абсолютно случайной. Очевидно, что в момент образования слова его род выступал как компонент внутренней формы слова и при этом выбирался на основе метафоры.

Однако какие свойства мужчин и женщин могли служить основанием для метафорического переноса? Очевидно, что не способность или неспособность к деторождению, а некоторые второстепенные присущие мужчинам или женщинам качества. В одних случаях в основу переноса могло быть положено такое свойство лиц мужского пола, как их относительно бóльшая активность, в других — относительно бóльшие размеры, в третьих — бóльшая сила и, наконец, в-четвертых, бóльшая самостоятельность.

Как и любой внутренней форме, метафорическому обозначению наличия или отсутствия сходства обозначаемого предмета с лицами мужского или женского пола присущи две важных особенности. Во-первых, поскольку внутренние формы обусловлены особенностями культуры каждого из народов, внутренние формы слов разных языков с одинаковыми лексическими значениями, очень часто не совпадают. И второе: с течением времени внутренние формы имеют тенденцию утрачиваться.

В то же время в современном русском языке имеется несколько групп слов, лексические значения которых сохраняют мотивированность грамматическим родом этих слов. Рассмотрим эти группы.

1. Вопросительные местоимения *кто, что* и их дериваты

Известно, что, не называя никакого определенного предмета, местоимение *кто*, а также родственные ему местоимения *кое-кто, кто-либо, кто-нибудь* и *кто-то* принадлежат к грамматической категории мужского рода. Одновременно местоимения *что, кое-что, что-либо, что-нибудь, что-то* относятся к среднему роду. Можно утверждать, что принадлежность упомянутых местоимений соответственно к мужскому и среднему роду отражает первоначальную мотивированность: грамматическое значение мужского рода вносит в лексическое значение местоимения *кто* указание на активность обозначаемого предмета, его принадлежность к категории лиц, тогда как средний род местоимения *что* несет информацию об отсутствии у обозначаемых объектов или ситуаций признака активности.

2. Парные по роду существительные-синонимы

В некоторых случаях, когда компонентами лексической системы русского языка по причинам исторического характера оказываются синонимы, имеющие разные грамматические значения рода, существительные мужского рода отличаются от существительных женского рода семантическими компонентами 'большие размеры', 'активность', 'сила' или 'самостоятельность'.

Подобными синонимами в русском языке являются, например, слова *лошадь* и *конь*, семантические различия между которыми в Словаре синонимов под ред. А. П. Евгеньевой определены так: «**Лошадь / конь**. Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п. **Лошадь** — наиболее общее название этого животного; слово **конь** употр. обычно в тех случаях, когда говорится о верховой, нерабочей лошади, о лошади быстрой, сильной, горячей и т. п., особенно в поэтической, в приподнятой речи, в фольклоре <...>». Похожим образом отличаются друг от друга и синонимы *собака* — *пёс*.

3. Родовые варианты имен существительных

Имеется достаточное количество примеров, когда существительные мужского рода отличаются от однокоренных им существительных женского рода семей 'большие размеры', например:

Коза 1. 'Домашнее рогатое жвачное животное сем. полорогих, дающее молоко, шерсть, мясо; самка козла' — *Козёл* 2. 'Род парнокопытных млекопитающих сем. полорогих, обитающих гл. образом в горах'. Понятно, что горные козлы заметно отличаются от домашних коз обоего пола своими большими размерами.

Занавес 'Большое полотнище (обычно из тяжелой ткани), завешивающее или отгораживающее что-л.' — *Занавесь* 1. 'То же, что занавеска'.

О. Е. Фролова (МГУ, Москва)

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ)

Существительные, называющие социальные статусы, и их отыменные адъективные дериваты образуют переносные значения, которые зафиксированы в толковых словарях. Новые значения являются характеризующими и «отрываются» от социальной иерархии. Таковы *аристократ*, *аристократический*, *барин*, *барский*, *мещанин*, *мещанский*, *ремесленник*, *ремесленный*.

Появление переносных значений отражается на уровне словообразования: в абстрактных существительных *аристократизм*, *барственность*, *буржуазность*, *интеллигентность*, а также в собственно характеризующих прилагательных *аристократичный*, *барственный*, которые обозначают не принадлежность к той или иной социальной страте, а описывают поведение человека.

По Национальному корпусу русского языка, было проанализировано 20 прилагательных являющихся адъективными дериватами существительных, называющих социальные статусы: *аристократический*, *аристократичный*, *барский*, *барственный*, *дворянский*, *помещичий*, *буржуазный*, *поповский*, *купеческий*, *мещанский*, *обывательский*, *чиновничий*, *интеллигентский*, *интеллигентный*, *крестьянский*, *пролетарский*, *холопский*, *плебейский*, *ремесленный*, *ремесленнический*.

Приобретая характеризующие значения, прилагательные ведут себя как качественные и грамматически: образуют формы сравнительной степени и краткие формы.

Проверялось наличие форм сравнительной степени и краткой формы. Данному условию удовлетворяли следующие прилагательные: *аристократичный*, *буржуазный*, *интеллигентный*.

Прилагательные в переносных значениях приобретают еще и синтаксическую характеристику — способность употребляться в контексте интенсификаторов. По НКРЯ проверялась конструкция *очень + прилагательное* с интервалом в одну единицу. Среди проанализированных прилагательных 7 употреблялись с интенсификатором: *аристократический*, *аристократичный*, *барский*, *барственный*, *дворянский*, *буржуазный*, *мещанский*, *интеллигентный*. Т. о., список относительных прилагательных, приобретающих в употреблении характеристики качественных расширился.

Однако самый широкий диапазон переносных значений дает все же словообразование. Формирование переносных значений отразилось в появлении сложных прилагательных, первая часть которых представляет собой дериват от имени социального статуса: *аристократически-небрежный*, *ремесленно-стихотворный*, *ремесленно-равнодушно-бездарный*, *плебейски-бунтарский*, *буржуазно-консервативный*, *мещански-простецкий*, *крестьянско-плебейский*, *интеллигентски-чопорный*, *дворянско-*

интеллигентский, дворянско-бюрократический. Подобное словообразование «работает» для всех «социальных» прилагательных, отражая оценку адресанта.

Т. о., изменение семантики в группе номинаций социальных статусов отражается на словообразовании, морфологии и синтаксисе отыменных относительных прилагательных, ведущих себя как качественные.

А.Э. Цумарев, Л.Л. Шестакова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЛОВЕ В «АКАДЕМИЧЕСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

В 2016 г. вышли из печати 1 и 2 тома «Академического толкового словаря русского языка» (АТос), работа над которым ведется в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. В этом словаре, задуманном как продолжение «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС), предполагается представить многостороннее описание лексики современного русского литературного языка. Неотъемлемая часть такого описания – это грамматическая информация о слове, соотносимая с двумя зонами словарной статьи: грамматических форм и грамматических характеристик.

При общей традиционности в оформлении этих зон они в определенной степени обновлены. Информация в них дается, в интересах пользователей словаря, максимально полно и наглядно, с большей последовательностью, чем в словаре-предшественнике. Так, в АТосе принято несколько правил, связанных с грамматическим описанием существительных, в частности с подачей формы родительного падежа единственного числа. В соответствии с одним из них если при склонении неодносложных существительных изменяется место ударения, то указание на форму родительного падежа имеет вид финальной части слова, начиная со слога, на который падает ударение в именительном падеже: **БЕЛОВИК**, -вика; **ГАМАК**, -мака; ср.: **БУТИК**, -тика и (*разг.*) -тика. Другое правило касается составных наименований с дефисным написанием. Поскольку в некоторых из таких слов склоняется только вторая часть, а в других – обе части, форма их родительного падежа приводится полностью: **БИЗНЕС-КЛАСС**, бизнес-класса; **КРЕСЛО-КАЧАЛКА**, кресла-качалки. В описании качественных прилагательных более последовательно, по сравнению с четырехтомным словарем, представлены краткие формы. См., к примеру, статьи, в которые введены такие формы, в том числе вариантные: **БЕЗЗАВЕТНЫЙ**, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно; **БЕЗЛИСТВЕННЫЙ**, -ая, -ое; -вен и -венен, -венна, -венно; **ГОМОГЕННЫЙ**, -ая, -ое; -нен, -нна, -нно.

Обновление коснулось в АТосе и грамматических характеристик слов. В словаре нашел отражение признак одушевленности, приписываемый существительным, винительный падеж которых совпадает с родительным. Передающая этот признак помета *одуш.* может занимать разные позиции в словарной статье – при слове, при отдельном значении, при употреблении слова в значении другой части речи: **БАЛЕРИНА**, -ы, *ж.*, *одуш.* Артистка балета; **БАБОЧКА**, -и, *род. мн.* -чек, *дат.* -чкам, *ж.* 1. *Одуш.* Насекомое с двумя парами крыльев. ... 2. *Разг.* Галстук в виде небольшого банта; **БЕДНЫЙ**, -ая, -ое; ... | *в знач. сущ.* О человеке: **бедный**, -ого, *м.*, *одуш.* *Опекать бедных.* Введение в состав грамматических характеристик слова признака одушевленности важно и для разграничения омонимов. Ср.: **ГАЗЕЛЬ**¹, -и, *ж.*, *одуш.* Горная коза из породы антилоп; **ГАЗЕЛЬ**², -и, *ж.* 1. *Лит.* Стихотворная форма в восточной поэзии; **ГАЗЕЛЬ**³, -и, *ж.* *Разг.* Полугрузовой автомобиль.

Особое внимание уделяется в словаре информации, маркирующей грамматические ограничения в реализации значений, оттенков значений, употреблений слов, а также значений фразеологических сочетаний. Набор соответствующих помет, используемых при описании существительных, прилагательных, глаголов, широк: *только ед. ч.*, *обычно мн. ч.*, *только полн. ф.*, *обычно кратк. ф.*, *обычно повел.*, *в безл. употр.* и т. д. Составители

словарных статей стремятся к восполнению пробелов в указании на грамматические ограничения значений, к систематичности в постановке названных и других подобных помет. Это касается, например, пометы (1 и 2 л. не употр.), которая по необходимости была введена в целый ряд статей: **БЕЖАТЬ** (2–5, 7 значения), **БИТЬ** (два оттенка в 1 значении, 9 и 10 значения), **ГАЛДЕТЬ** (употребление ‘О птицах’), **ГЛОХНУТЬ** (2–5 значения) и т. д.

В докладе будут рассмотрены также другие особенности подачи грамматической информации в новом толковом словаре русского языка.

Литература

АТолС – Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – Вилять; Том 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2016.

Л. О. Чернейко (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С ГРАММАТИКОЙ

1. В работе «Синтаксическая членимость высказывания в русском языке» 1976 г. издания Д.Н. Шмелев сформулировал не только теоретически, но и практически важные лингвистические положения, одно из которых связано с методом анализа текста: «В основу всякого лингвистического анализа должны быть положены наблюдения над материальной формой языкового знака в материально осязаемых условиях его применения». Не менее важным методологическим положением является мысль о «лексической “предопределенности” тех или иных связей слова». Прошедшая через толщу четырех десятков лет, эта мысль обретает черты постулата в работах авторитетных отечественных исследователей (Г. И. Кустова, Е. В. Падучева). Пафос рассматриваемой работы Д. Н. Шмелева видится в поставленном им вопросе: «Если при разграничении различных лексических значений слов признается существенным синтаксический критерий, то можно ли полагать, что само это разграничение не существенно для синтаксиса предложения».

2. На речь можно смотреть «сверху», с аналитически выверенных возможностей системы, которые предлагает лингвистика. Но в любом случае узаконенные дисциплиной векторы анализа не отменяют того главного факта, что в руках у лингвиста есть только текст (устный, письменный или новый – устнописьменный, СМСный), а также инструменты его анализа – понятия, отлитые в терминах, и алгоритм их применения. В ставшей классической типологии лексических значений слова В. В. Виноградова за основу взяты два фактора – «первичность» функции слова и свобода реализации многозначным словом (точнее, его словоформой) одного из своих значений в определенных условиях контекста. По этим основаниям, как известно, значения получают такие квалификации, как «прямое-переносное» и «свободное-несвободное».

3. В том типе несвободного значения, который обозначен В. В. Виноградовым как «значение синтаксически обусловленное» (у Д. Н. Шмелева оно названо «конструктивно обусловленным»), очевидна связь лексической семантики и синтаксиса, смысла и «предложенческой» формы его выражения: семантический статус имен с синтаксически обусловленным значением – моносемные субстантивы оценки людей и предметов (*ротозей, лентяй, дурак; загляденье* – пример Виноградова), к которым примыкают такие реально (а не лексикографически) моносемные абстрактные имена, как *предтеча* и *оплот*. Всякое имя, попадающее в позицию предиката (а это в основном имена предметные), обретает окказиональное оценочное значение: *Белокуров – арифмометр, а не конструктор* (пример из книги Д. Н. Шмелева), *Слушай, твое эссе – просто космос* (из разговора студентов). Трудно согласиться с концепцией лингвистов, считающих «сочетаемость слова фактором изменения его значения» (О. А. Лаптева), а не индикатором уже возникшего в сознании

говорящего семантического сдвига. Возникает другой вопрос: может ли значение переносное (косвенно-производное в отличие от номинативно-производного) быть свободным (слова *стена* и *паутина*) в таких метафорических синтагмах, как *стена дождя* или *паутина струн*? Ответ очевиден – не может.

4. Определяя коллокации как «несвободные сочетания, не относящиеся к идиомам», и усматривая их специфику в «неслучайном сочетании двух и более лексических единиц, характерном как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов», Е. В. Ягунова пишет: «Если коллокации не заданы списком, не заданы правилами, то что такое коллокация?». В неявном виде ответ на этот вопрос уже содержится в концепции фразеологической парадигмы В. Г. Гака. Коллокация с абстрактным именем (АИ) – это особого рода означающие, своего рода дериваты, в которых «глагол-сателлит» (определение В. Г. Гака) выполняет функцию аффикса, тогда фразеологическую парадигму АИ можно интерпретировать как совокупность отсубстантивных глагольных дериватов. И такое понимание «связанных» синтагм не противоречит уже высказанным в отечественном языкознании точкам зрения, в частности, взгляду на сочетаемость Л. В. Щербы: «формами следует... почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, то есть в которых непременно часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в свободном значении».

5. За морфологическими категориями признаются две формы их выражения – как парадигматическая, так и синтагматическая. Контекст *Фактически мы имеем двух крайних символов полумаргинального окраса, своим поведением в столовой парламента продемонстрировавших правоту этого тезиса* (И. Засурский) останавливает внимание формой употребления субстантива *символ*, референтом которого являются люди. При всей неказистости приводимого формоупотребления налицо попытка говорящего грамматически отграничить возникшее по «ходу дела» производное метонимическое значение. Семантическая деривация ищет опоры в грамматической форме и находит ее.

6. Понимание грамматики, предложенное А. М. Пешковским, имеет прямое отношение к лексической семантике: «наука, которая устанавливает самое членение слова» и «речи-мысли». Р. Лангаккер считает, что грамматикой охватываются все факты языка, если они имеют статус конвенциональных единиц, составляющих его «символические ресурсы», в которые он включает конвенциональную образность, связанную с членением символического содержания слова.

В. Д. Черняк (Санкт-Петербург)

ЭКСПАНСИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОНИМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Глубокая внутренняя связь семантики двух основных лексико-грамматических классов слов (имени существительного и глагола) в значениях отглагольных существительных предопределяет особый характер их места в лексической системе и поведение в речи.

Характеристика «стилистического смысла» отглагольных существительных была дана в книге Г. О. Винокура «Культура речи», написанной в 1924 г. Связывая употребление отглагольных существительных со «стремлением освободиться от грамматического груза глагольности», Г. О. Винокур предлагал различать глагольные существительные с сохранившимися формами глагольности (*варение / варка ягод*) и глагольные существительные без особых форм глагольности (*чай с вареньем*). Имена первой группы «исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью

избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным обличьем эти глагольные качества все же сохраняют» [Винокур 2006, 52-53].

Чрезвычайно высокая интенсивность отглагольного словопроизводства, наблюдаемая в современной речи, связана с тем, что практически от любого глагола можно образовать имя существительное, используя тот или иной суффикс или бессуффиксальный вариант. Универсальность названного деривационного процесса ведет и к формированию новых семантических связей в лексической системе, и к появлению многочисленных окказионализмов.

А. К. Бирих подчеркивает, что наиболее распространенным типом метонимической связи среди отглагольных дериватов является каузальная, реализующаяся, в частности, в моделях «действие – результат / продукт / средство действия» [Бирих 1995, 84-85]. По этим моделям образованы многочисленные, давно существующие в языке и закрепленные в словарях лексические единицы. Ср., например: *выпивка, выпечка, крепление, шпаклевка, замазка, заклепка, заправка, нарезка* («винтообразно расположенные углубления на болтах, гайках и т.п.»), *наклейка, пропуск* и мн. др.

В последние годы в узусе прочно закрепились следующие значения, основанные на метонимических переносах: *нарезка* («нарезанные и расфасованные продукты (обычно колбаса, сыр и т.п.)»), *заливка* («безалкогольный напиток, обычно домашнего приготовления, подаваемый обычно вместе с крепкими напитками»), *переноска* («специальная сумка для транспортировки животных»), *раздатка* («раздаточные материалы»), *подработка* («дополнительная работа»). Разговорно-просторечный характер этих значений хотя и ощущается говорящими, однако не препятствует их активному функционированию даже в речи образованных людей. Примечательна весьма распространенная в молодежной речи серия метонимических переносов от существительного *учеба* «действие по глаголу учиться»: «*у меня сегодня вечером учеба (занятия)*», «*учеба далеко от дома (учебное заведение)*», «*я пойду учебу делать с одноклассницей (домашнее задание)*».

Фактор языковой моды, обуславливающий предпочтительный выбор именно отглагольного существительного, ослабляет механизмы речевого контроля и нередко ведет к коммуникативным неудачам. Ср., например:

11 января у нас состоялся День открытых дверей для школьников, – рассказывает замначальника УВД Златоуста Владимир Бубылев. – Пришло человек 90. Столько я давно не видел у нас. Мы проведем *отбор* и самых лучших отправим учиться в Челябинск в юридическую академию (The New Times. 2009. № 4).

Пресс-секретарь УВД Златоуста Ольга Аристова успокаивает: «Все показатели преступности в городе в пределах нормы. Мы наблюдаем сезонные грабежи: *отбор* сумок, головных уборов, мобильных телефонов. Летом будут срывать украшения, но никакого всплеска преступности нет» (Там же).

Неумение выбрать подходящий вариант из двух или нескольких, существование которых обусловлено словообразовательными возможностями системы, неучет имеющихся лексико-семантических вариантов ведет к многочисленным отклонениями от литературной нормы. Приведем несколько примеров:

Необходимо убрать все палатки, не дожидаясь окончания *стройки* (Эхо Москвы. 1.11. 2013); Специальный магазин для ресторанов, кафе, ночных баров, *выпечек*, спортивных клубов (Рекламная вывеска в Новосибирске); Уважаемые родители! По вторникам: прием детей с 6 мес. до 11 мес. Последнее *закапывание* в 13.00 (Объявление в поликлинике).

Таким образом, два сложных процесса, характерных для современной речи – экспансия отглагольных существительных и актуализация метонимических моделей, – стимулируют лингвокреативную деятельность носителя языка и в то же время ведут к расширению своеобразных «зон риска» и для говорящего, и для слушающего.

Литература

Винокур Г.О. Культура языка. М., 2006. 254 с.

Бирих А. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты. – München, 1995. 191 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В языковой организации содержание глагола сосредоточивает самый большой набор грамматических и лексических категорий; он представляет целую процессуальную ситуацию, семантическими компонентами которой наряду с действием являются различные номинативные участники. В системе глагола выделяются лексико-грамматические типы, которые объединяются групповыми номинативными значениями и выражают их сопоставленными формальными средствами. Структура языка характеризуется тем, что общий состав данных способов глагольного действия окончательно не установлен.

В этой теоретической связи должно раскрываться и разграничиваться понятие языковых категорий на их системных уровнях, грамматических и лексических категорий.

При описании структуры языка выделяются синтактико-семантические классы. Которые имеют типовые значения и общие категориальные, управляющие и синтаксические, трансформационные свойства [Теоретические проблемы 2010]. В принципе отмечается [Апресян 2004], синтактико-семантические классы глаголов связаны с морфологическими категориями. Принадлежность к выражаемому лексико-грамматическому классу формирует определенные закономерности состава и ранга семантических отношений глагольной лексемы.

В русском языке возникают новые по конструктивным составляющим признакам типовые лексико-грамматические явления. Явившиеся факты реализуют представление системы и структуры современного русского языка.

I. Приступательно-имперфектный тип. Глаголы этого типа обозначают действие, которое субъект начал и затрачивает на него усилия; они обозначают длительность действия в прошлом и настоящем. Они имеют характерную словообразовательную структуру, в том числе двойные приставки, что свойственно одновидовым глаголам совершенного вида: поучаствовать, пообсуждать, повзаимодействовать, посотрудничать, попринимать, поизучать, поразмещать, поиграть, поуговаривать, позадавать.

В грамматическом плане они обладают признаками совершенного вида: имеют формы прошедшего и будущего простого времени, но не имеют настоящего и будущего сложного времени, могут иметь свойственные глаголам совершенного вида причастные и деепричастные формы.

Соответственно лексическая синтагматика: приступательно-имперфектные глаголы не сочетаются с фазовыми глаголами, поскольку те глаголы указывают различные стадии протекания действия, а глаголы совершенного вида указывают на предел действия. Данные глаголы не обозначают результативный, определенный характер действия, который вообще-то может передавать приставка по-. Это морфема особой значимости, приставка ослабленного значения. При ней такие глаголы не обозначают конечный предел действия. Например: Проблемы еще есть, мы это сегодня *пообсуждаем* (ТВ 1.11.16); Сейчас попытаюсь позвонить, *повзаимодействовать*, чтобы ускорить (моб. тел. р. 26.7.17).

II. Орудийно-объектный тип. Его составляют приставочно-суффиксальные глаголы. Образуется семантика завершения цикла действий. Ей соответствует синтаксическая организация, наличие объектных связей у глагола: пролечить, прокапать (*Прокапаете*, потом придете на прием), пропить (Любой антибиотик надо *пропить*) (врач.речь 2016).

III. Результативно-целевой тип: догонять (Я чего-то *не догоняю* (ТВ сер. 6.1.17), тормозить, вставлять, раскачивать. У этих глаголов устраняется объектная валентность.

IV. Объектно-результативный тип: подставить, развести, кинуть, ставить, напрягать, заказать, засмущать, строить (Алексей Александрович начал ее *строить*, и она подала заявление об уходе (уст. речь 2017).

V. Результативно-качественный тип. Глаголы обозначают переход субъекта в новое качество: *виснуть, тупить*. Происходит устранение валентности пациенса (# на/ над), устранение семантики положения в пространстве.

VI. Безобъектно-целевой тип: *решать, рулить* (Мракобесие *рулит* (Ведомости 4.10.16). Происходит устранение объектной валентности, обстоятельственной валентности и валентности пациенса. Его результатом является приобретение семантики `тяготеть, господствовать`.

Вырабатываются определенные грамматические условия формирования лексических значений. Взаимодействует лексическая семантика, сочетаемость и синтаксическая организация языковых единиц.

Литература

Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004, 4. С. 3-18.

Теоретические проблемы русского синтаксиса. М., 2010.

И. А. Шаронов (РГГУ, Москва)

ВВОДНЫЕ СЛОВА И ОБОРОТЫ КАК МАРКЕРЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Интерес к семантике и особенностям употребления вводных слов и оборотов проявился в лингвистических исследованиях на волне прагматического и дискурсивного анализа языка. А. Вежбицкая определяет эти единицы как авторские «вкрапления» в текст, выявляя на основе анализа их функций особый, метатекстовый план речи, автокомментирование плана повествования [Вежбицкая 1978, 402-421]. Ю. Д. Апресян [Апресян 1995, 141] акцентирует внимание на закреплённости вводных единиц субъектной валентности говорящего, часто не имеющей формального выражения (наверное = 'я предполагаю'; безусловно = 'я уверен'). К числу прагматических характеристик вводных относится, в частности, избирательность по отношению к коммуникативным типам высказывания. В статье [Баранов, Кобозева 1984] обращается внимание на невозможность примыкания вводных *случайно, случаем* к повествовательным предложениям, *должно быть, грешным делом, чего доброго* – к побудительным и т.д.

Продолжая развивать мысль в том же направлении, отметим, что многие вводные могут более или менее однозначно указывать на тип речевого акта. Возможность предсказывать и предопределять интерпретацию типа речевого акта помогает говорящему поддерживать плавный ход разговора, подготавливать слушающего к восприятию своего очередного речевого действия. В дискурсивных исследованиях анализируемые с таких позиций вводные получили название «гамбитов» [Keller 1982, 93-113; Coulmas 1982, 1-17], то есть шаблонных оборотов речи, употребление которых связано с более или менее стандартной коммуникативной ситуацией. Например, начиная речь с *подумать только*, говорящий готовит собеседника к сообщению о необычной информации; начиная с *заруби себе на носу* – подготавливает к предупреждению о недопустимости поведения, совершения потенциальных действий; говоря: *не обессудь* – побуждает не разочаровываться и не обижаться от того, что сейчас услышит.

В докладе будут рассмотрены ряд вводных оборотов, использование которых:

1) служит уточнению типа побудительного акта: деликатной просьбы: *пожалуйста; будьте добры/любезны, будь другом, сделай одолжение, сделай милость*; уговаривания: *ну, пожалуйста; будь человеком, ради Бога*; повторного требования: *(я) кому сказал, кому было сказано*; категоричного совета, убеждения: *не будь дураком / дурой; даже и не думай!*

2) Служат этикетному «перелицовыванию» речевых актов под акт признания, вынужденного откровения. Мы позволим себе здесь для большей убедительности привести иллюстрации использования вводных в таких дискурсивных функциях.

- При помощи вводных *надо признаться, чего греха таить* может вводиться акт ПОХВАЛЫ:

Последнее время Стелла шьет «вегетарианскую», и весьма симпатичную, надо признаться, одежду под маркой StellaMcCartney. (А. Карабаш. Чей туфля?)

Чего греха таить, есть такие пенсионеры, которые сто очков вперед дадут любому молодому. (Т. Ильинкова. Зарплату надо зарабатывать)

При помощи вводных: *грешник, каюсь, чего греха таить* может вводиться акт САМОЛЮБОВАНИЯ, сообщение о своих пристрастиях и слабостях.

На Московском проспекте, – продолжал пожилой гражданин, – все магазины, какие угодно. От мебельного до пирожковой. Хотя лично я, грешник, люблю пирожок домашний, с пылу с жару, к утреннему кофейку. (В. Панова, Конспект романа);

Сразу есть захотелось. Каюсь, чревоугодник. (А. Салынский. Опасный спутник).

Не скрою — мне было приятно, как и каждому творческому человеку, слышать от многих из них слова одобрения. (И. А. Архипова. Музыка жизни.)

Артистка подробно отвечает: сеанс, вернее сказать, сеансы прошли хорошо, разумеется, вспомнила всех партнеров, и впечатление самое хорошее, и, чего греха таить, понравилась самой себе... (Л. Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату).

Литература

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды Т. 2. 1995. С. 135-155.

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвузовский сборник. Красноярск, 1984. С. 83-93.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8. С. 402-421.

Keller E. Gambits: Conversational strategy signals. In F. Coulmas (Ed.), Conversational routine (pp. 93-113). The Hague, Netherlands: Mouton, 1981.

Coulmas F. Introduction: Conversational Routine // Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague, 1981. P. 1-17.

О. А. Шарыкина (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

Одной из отличительных черт разговорной речи, несомненно, является употребление разного рода фразеологизмов. По данным первых двух томов «Толкового словаря русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина)*, фраземы (преимущественно идиомы и коллокации), функционирующие в устной и письменной разговорной речи, составляют едва ли не четверть от общего объема всех словарных статей. Поскольку в качестве

* Толковый словарь русской разговорной речи (отв. ред. Л. П. Крысин). Вып. 1: А – И. – М., 2014; Толковый словарь русской разговорной речи (отв. ред. Л. П. Крысин). Вып. 2: К – О. – М., 2017.

иллюстративных примеров в данном словаре использовались только современные тексты: художественная литература, записи устной речи, интернет-издания и блоги конца XX – начала XXI в. – можно говорить о том, что он отражает живое употребление фразеологических единиц.

Особенность описания фразеологизмов в указанном словаре прежде всего состоит в том, что в словарной статье они могут быть представлены как в зоне PHRAS, например:

ГРЕШОК*.

1. DEF: предосудительный поступок.

PHRAS: **замаливать грешок** – пытаться загладить, исправить плохой поступок. *Получается, помогая вам, Алла Борисовна как бы замаливала старый грешок перед Земфирой?* (Комсомольская правда, 26.04.2002); *А вы, Тимофеевич, вспомните сколько раз жену обижали и бегали по соседкам, пора замаливать грешки и вам* (АиФ, комментарии, 11.04.2012),

так и самостоятельной словарной статьёй, например:

ОРЕШЕК: крепкий орешек – о ком-чём-л., плохо поддающемся, воздействию. *Дело в том / что этот джентльмен/ мирно дремлющий на диване/ тот самый крепкий орешек/ который оказался не по зубам нашей контрразведке* (К/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона...», 1986); *Есть у меня в мыслишках думы о жениховстве... но выбранный мною объект оказался крепким орешком. Не согласен ни жениться на мне, ни быть моим женихом; Эта задачка оказалась крепким орешком, никто не прислал правильного ответа* (Блоги, 2013).

В тех случаях, когда фразеологизм трудно отнести к какому-л. значению заглавного слова или же значение фраземы с ним не пересекается, он даётся в зоне PHRAS в самом конце словарной статьи, ср.:

КАКОЙ.**

1. DEF: никакой, совсем не. *Да какой он реставратор!; Мне-то какая разница?* (Записи устной речи, 2015).

2. DEF: какой-нибудь. *Нет ли какой еды?*

3. DEF: какой угодно, любой. Дело в том/ что хоть молодая аудитория хоть какая.../ нет приятного интереса к узнаванию чего-то// (ТВ «Культура», «Школа злословия», Т. Толстая, 2003).

PHRAS: **Какой ещё?; Какой такой?** – раздражённый вопрос при упоминании кого-л. или чего-л. неизвестного. – *Андрей принёс! – Какой ещё Андрей? – Настройщик!* (К/ф «Настройщик», 2004).

В зоне PHRAS описываются также однословные единицы, которые, как правило, употребляются в составе относительно устойчивых сочетаний, напр.: *(чего) завались* ("очень много", ср.: *Успею ещё, времени завались*), *<хоть> залейся* ("о чём-л., имеющемся в большом количестве, в избытке", ср.: *А цветов у нас хоть залейся*) и др.

Стилистические пометы сопровождают только те фраземы, которые помимо «разговорности» обладают какой-л. эмоционально-стилистической окраской и занимают определенное место в стилистической системе языка, напр.: **поставить всё с ног на голову** (*неодобр.*), **дело пахнет керосином** (*шутл.*), **дело за малым** (часто *ирон.*), **выпасть в осадок** (*жарг.*) и т.п.

В заключение стоит отметить, что в Толковом словаре русской разговорной речи впервые зафиксированы и истолкованы некоторые новые фразеологические выражения (напр., **включить (включать) голову** – 1) подумать (думать) над чем-л.; осознанно, и разумно отнестись (относиться) к чему-л.; 2) включить внимание, сосредоточиться на чём-л.; **встать (упереться) рогом** – проявить упрямство, настоять на своём; **крутой замес** – о чём-л., поражающем воображение или вызывающем негодование и др.).

* Из словарной статьи, составленной Е.В. Какориной.

** Из словарной статьи, составленной М.Я. Гловинской.

СУППЛЕТИВИЗМ И ВИДОВАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ

В докладе рассматривается явление супплетивизма в видовых парах, в частности некоторые трудные случаи трактовки супплетивизма, связанные с языковыми изменениями.

Понятие видовой пары необходимо для адекватного описания русской аспектуальной системы, а именно – явления автоматической замены совершенного вида на несовершенный в позициях обязательной имперфективации. Глагол, заменяющий глагол совершенного вида в таких позициях, объявляется его имперфективным коррелятом и составляет с ним видовую пару.

Стандартным средством установления имперфективного коррелята для заданного глагола совершенного вида может считаться морфологическая имперфективация, т. е. присоединение к основе перфективного глагола имперфективного суффикса (нередко с предварительным усечением уже имеющегося суффикса). Это средство применимо и к бесприставочным, и к приставочным перфективным глаголам (*дать* – *давать*, *раздать* – *раздавать*). В подавляющем большинстве случаев, если от глагола совершенного вида можно образовать имперфектив посредством морфологической имперфективации, то именно этот имперфективный глагол и является его коррелятом, используемым в случае ОИ. Исключения относительно немногочисленны и хорошо известны: так, в качестве имперфективных коррелятов производящих глаголов совершенного вида не используются такие вторичные имперфективы, как *умолять* и *зablуждаться* (в качестве коррелятов глаголов *умолить* и *зablудиться* иногда используются окказиональные вторичные имперфективы *умаливать* и *зablуживаться*). Когда по каким-то причинам (чисто фонетическим или иным) данное средство оказывается неприменимо и соответствующий морфологический имперфектив не существует или не функционирует как видовой коррелят, используются иные способы установления имперфективного коррелята: депрефиксальный и супплетивный.

Депрефиксальный способ применим лишь в том случае, если исходный глагол совершенного вида имеет приставку; часто при нем полученный имперфективный глагол (внешне совпадающий с морфологически исходным имперфективным глаголом), в результате семантического «заражения» включает в себя значение отсекаемой приставки. Поскольку депрефиксация возможна лишь в отсутствие стандартного коррелята с имперфективным суффиксом, префиксальные видовые пары немногочисленны: *сделать* – *делать*, *увидеть* – *видеть*, *испугаться* – *пугаться* (большая часть «префиксальных видовых пар», приводимых в словарях и пособиях, на самом деле таковыми не являются); лишь для глаголов с приставкой *по-* этот способ используется относительно регулярно: *потерять/терять*, *поменять/менять*, *попросить/просить*, *построить/строить*.

Супплетивный способ, в отличие от депрефиксального, применим как к префиксальным, так и к беспрефиксным глаголам. Так, признание супплетивных коррелятов у глаголов *взять*, *сказать* и *поймать*, а именно – *брать*, *говорить* и *ловить*, обусловлено как отсутствием у них стандартных коррелятов (морфологические имперфективы *взимать* и *сказывать* семантически оторвались от глаголов *взять* и *сказать*), так и тем, что *брать*, *говорить* и *ловить* не входят в пары ни с какими другими глаголами.

К супплетивным видовым парам относятся такие пары, как *сказать* – *говорить*, *взять* – *брать*, *поймать* – *ловить*, *положить* – *класть*, а также множество пар типа *должить* – *докладывать*. Как правило, такие пары возникают в результате лексической конвергенции, которая иногда бывает обусловлена тем, что «регулярный» имперфективный коррелят вышел из употребления или поменял значение (упомянем такие глаголы, как *сказывать* или *взимать*). При этом супплетивизм может иметь место не для всех лексических значений перфективного глагола. Глагол *положить* в сочетании *положить пределы* <чему-либо>

имеет коррелят *полагать*; глагол *сложит* в сочетании *сложит числа* имеет коррелят *складывать*, а в сочетании *сложит стихи* – коррелят *слагать*.

Рассматриваются некоторые сложные случаи, связанные с различной употребительностью глаголов в разные периоды существования языка.

Е. Я. Шмелева (ИРЯ РАН, Москва)

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ДЕМАГОГИИ, ИЛИ КАК СТАТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ

На первый взгляд действующие президенты РФ и США совсем не похожи, в их биографиях нет ничего общего, у них разные «имиджи» и, соответственно, разные речевые маски (*секретный агент vs агент по продаже недвижимости; шоумен*). Однако анализ речей Владимира Путина и Дональда Трампа показывает, что они часто используют похожие мифологемы и пользуются схожими риторическими приемами.

Так, например, оба президента используют образ *разрушенной страны (ruined country)*, которую они получили в наследство от своих предшественников: *накопления граждан обесценены; массовая бедность; тяжелейший экономический спад, нестабильные финансы, паралич социальной сферы (Путин) – рост нищеты; экономическое нападение на американские рабочие места и богатство; непроизводительные расходы; огромный долг; огромный торговый дефицит, низкий экономический рост; люди, попавшие в ловушку бедности (Трамп)*. На международной арене обе страны пережили потерю былой мощи, их перестали уважать: *нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом (Путин) – наша внешняя политика – это полная и окончательная катастрофа; список унижений; ослабление Америки (Трамп)*. Задача президента – возвращение, восстановление былого величия: *Россия возвращается к себе самой. Россия возвращается в свою историю; вместе мы восстановим и армию, и флот, и страну (Путин) – мы снова сделаем Америку великой; Америка снова будет сильной; снова заставим уважать Америку (Трамп)*. Президент стоит на страже национально-государственных интересов: *теперь мы будем руководствоваться своими национально-государственными интересами (Путин) – национальное государство является основой для счастья и гармонии; ложная идея глобализма (Трамп)*.

Для того чтобы справиться с трудностями, у власти должен находиться не политик-болтун, а человек дела: *О человеке нужно судить не по тому, что он сам о себе говорит, а по тому, что он делает <перечисление того, что сделано> (Путин) – Я построил невероятную компанию и накопил один из самых больших портфелей активов в сфере недвижимости, многие из которых считаются одними из лучших и самых знаковых объектов в мире. Это то, что нужно стране (Трамп)*. Защищать наши интересы должен человек сильный, жесткий (*tough*): *Кто нас обидит – трех дней не проживет (Путин) – Под управлением Трампа ни один гражданин США никогда не почувствует себя человеком второго сорта*.

По отношению к врагам и недоброжелателям своей страны нужно проявлять твердость и даже грубость, ср. широко известные высказывания Путина про сортир, обрезание и др. или слова Трампа про иммигрантов из Мексики: *Они привозят наркотики. Они привозят преступность. Они насильники*. Вообще как Путин, так и Трамп часто «украшают» свою речь грубыми шутками и двусмысленными высказываниями, на которые сразу же обращают внимание слушатели и читатели, их обсуждают как в проправительственных, так и в оппозиционных СМИ и в Интернете, тем самым они становятся своего рода мемами: *Настоящий мужчина всегда должен пытаться, а настоящая девушка – сопротивляться (Путин) – [Трамп в ответ на высказывание северокорейского лидера Ким Чен Ына о том, что у него есть ядерная кнопка]: У меня тоже*

есть ядерная кнопка, но она гораздо больше и мощнее, чем его, и к тому же моя кнопка работает!

Оба президента строят свои речи в соответствии с учебниками риторики: используют преимущественно простую понятную аудитории лексику, в их речи редко встречаются длинные слова и длинные сложные предложения, часто используется прием парцелляции. И Путин, и Трамп используют приемы привлечения внимания, при этом Трамп, как правило, использует в этой функции такие слова, как *посмотрите, согласны? (look, okay?)*, а Путин риторические вопросы (*Конечно, мы были вынуждены отвечать - а как же иначе?*). Часто используется также такой известный прием языковой демагогии, как «отсылка к общему мнению», ср. *Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» — все это знают — в мире возник единственный центр доминирования* (В. Путин); *так много людей звонит мне и говорит; все они говорят* (Д. Трамп).

Не только Путин, которому положено по должности, но и Трамп знает, что «запоминается последняя фраза» («Семнадцать мгновений весны»), поэтому в своей речи оба президента несколько раз повторяют то, что, по их мнению, должны запомнить слушатели, и выносят ударную фразу в конец речи: *Мы с этим <террористической угрозой>покончим. Пора. Пора прямо сейчас с этим покончить* (Трамп). Конечно, речевые стратегии В. Путина и Д. Трампа во многом различны, причем различия определяются как их индивидуальными особенностями, так и спецификой русской и американской аудитории, например, если Путин часто использует в речи «мы инклюзивное», у Трампа самое частое слово в речи я (на 4-ом месте слово *Трамп*), однако, очевидно, что в целом они пользуются одними и теми же простыми и действенными приемами манипуляции и языковой демагогии.

Т. В. Шмелева (Великий Новгород)

ПОПОЛНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОДАЛЬНОСТИ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Известно, что модальность как грамматическая категория, образуемая вокруг смысла ‘ирреальность’ и обозначающая различные повороты события от ирреальности к реальности (необходимость, возможность, желательность), располагает компактным набором средств выражения, или показателей. В русском языке в круг этих показателей входят не только глаголы (*хотеть, желать*), но и слова других частей речи (*необходимо, возможно, нужно, надо, охота / неохота*). Независимая от изменения действительности, эта группа лексики, казалось бы, не должна пополняться, ведь круг модальных значений ограничен.

Однако языковые факты говорят об обратном. Прежде всего это русские вторичные модальные глаголы: *вздуматься, приспичить, заржаветь, прийти, довестись, угораздить, умудриться* [Шмелева 1990]. Они расширяют круг модальных показателей, соединяя собственно модальные значения с оценочностью и характеристиками субъекта в плане его участия в осуществлении события, в частности, смыслом невольности осуществления [Стексова 2002].

Процесс пополнения круга модальных показателей продолжается, что можно продемонстрировать на примере одного показателя, опираясь на данные Национального корпуса русского языка.

Из сленговой речи распространилась новая форма выражения модальности нежелательности *в лом*: *Им просто в лом осваивать новые, более совершенные технологии управления* (Д. Соколов-Митрич. 2007); *Ты письмо переслала, а мне читать в лом* (Г. Садуллаев. 2008); *...даже в собственном подьезде самоуправление наладить — и то "в лом"* (Г. Бовт. 2010); *Конечно, гуманитарному поверхностному интеллекту в лом осмысливать понятия «доверительная вероятность», «хи-квадрат распределения», и от слов «принцип неопределенности Гейзенберга» сводит мозг* (И. Мальцев. 2014).

Осложнение показателя негацией дает значение «мочь и охотно делать»: *Как-то на Новой Земле я в присутствии двух офицеров-погранцов сказал, что восемь часов мне не в лом ходить ни при какой погоде* (В. Голованов. 2002).

Можно предположить, что эта предложно-падежная форма связана с глаголом *ломаться* в значении «упрямо не соглашаться на что-либо» [ТСРЯ, 415], а значит, этого не хотеть, и омонимична девербатив у *лом* от глагола *ломать* со значением результата (*превратить в лом, сдавать в лом*).

Условие ее модального использования – сочетание с инфинитивом, что характерно для всех модальных показателей. При этом она встречается и без инфинитива, образуя вводное слово типа *если хотите, если позволите* и под.: *Кстати, если не в лом, возьми пива по дороге* (И. Охлобыстин. 1997); *Растолкуй если не в лом* (Форум. 2010—2011).

Эта предложно-падежная форма фиксируется в словарях сленга с иллюстрациями из прессы 1990-х гг. [Никитина 2009, 422]. Сейчас, как показывают материалы Корпуса, она используется и известными авторами – журналистами и писателями. Правда, некоторые, как Георгий Бовт в приведенном примере, берут ее в кавычки как элемент, чуждый литературной речи. Но фактов его использования достаточно, чтобы считать этот показатель употребительным и практически общеизвестным.

В словаре сленга эта форма толкуется как синтетичный модусный показатель: «не хочется, неприятно, тяжело», что подтверждают и материалы Корпуса: *И говорит, что раз в месяц или два у него появляется препаришвейшее настроение, когда все в лом, все-все в лом, в прах, в отсебятину, в черноту и глушь* (О. Копытов. 2012).

Для других показателей (*лениво, заточен*) «путь в модальность» складывается иначе, что должно быть рассмотрено особо.

Литература

Шмелева Т. В. Вторичные модальные глаголы // Глагол в системе языка и речевой деятельности: мат-лы науч. лингв. конф. Свердловск, 1990. С. 21.

Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.

Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Т. Е. Янко (Москва)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ *

На уровне коммуникативных структур взаимодействие лексики и грамматики проявляется в связи лексических единиц с определенными коммуникативными функциями в предложении. Так, *мало* и *редко* имеют тенденцию играть в сообщении роль ремы [Булыгина, Шмелев 1997, 201], *незадолго* [Богуславский 1996, 63] — формирует тему, *только* — это слово контраста, а слова *сам* и *даже* — эмфазы.

Рема мы приписываем грамматический статус, т.к. рема служит обязательным компонентом сообщения, значение ремы как сообщаемого наличествует в семантической структуре каждого элемента большого класса речевых актов — сообщений, и рема имеет обязательные и регулярные просодические средства выражения. Тема в сообщении может отсутствовать, т.е. возможны сообщения с нулевой темой, однако тема противопоставлена

* Работа выполнена в ФГБУН «Институт языкознания РАН», грант РФФИ №14-28-00130.

реме, она, так же, как и рема, имеет регулярные средства выражения, и теме мы также приписываем грамматический статус. Что касается контраста (*Это ВАСЯ, <а не Петя>*) и эмфазы (*Это сам Ва-ася!*), то речь об их возможном грамматическом статусе не идет, однако по абстрактности значений, регулярности средств выражения и способности вступать в композиции с темой, ремой, компонентами вопроса и императива контраст и эмфаза близки к грамматическим значениям.

Можно ли объяснить ограничения на коммуникативные функции в предложении у лексических единиц их семантикой?

Если, вслед за В. Матезиусом, определить рему как сообщаемое, а тему — как то, о чем делается сообщение, то естественно предположить, что непосредственной связи между значениями темы и ремы, с одной стороны, и лексическими значениями — с другой, нет. Связь между лексической единицей и коммуникативными ролями темы и ремы опосредована прагматическими смыслами, которые возникают при функционировании сообщения как речевого акта. Так, из того, что рема — это сообщаемое, а тема — то, о чем делается сообщение, логично заключить, что у языковой единицы, которая в силу своей семантики соотносится с новым, неожиданным, странным, парадоксальным, отличным от стандарта, больше шансов воплотиться в рему, а единица, которая соотносится с известным говорящему и слушающему, близким им во времени и в пространстве, имеет бóльшую склонность к коммуникативной функции темы.

Соответственно, *мало*, обозначающее отклонение от нормы в сторону недостатка, имеет т.н. рематическую полярность (или бóльшую степень рематичности, по [Булыгина, Шмелев 1997, 203]), что отличает ее от лексемы *много*, которая в отношении темы и ремы амбивалентна. Отличие превышения нормы от недостатка состоит в том, что превышение нормы, если оно не чрезмерно, гарантирует соблюдение нормы, а количества, меньшие нормы, нарушают норму, что влечет за собой рематическую полярность соответствующих лексем.

Аналогично, *давно, далеко и задолго*, обозначающие время и пространство, далекое от говорящего, имеют т.н. рематическую полярность, *недавно, недалеко, незадолго*, наоборот, склонны к формированию тем.

Существуют семантические и прагматические контексты, способные нейтрализовать коммуникативные запреты и предпочтения, имеющиеся у лексических единиц, или даже изменить коммуникативную полярность на противоположную. Так, у слова с рематической полярностью *редко* есть коррелят *изредка*, который имеет дополнительный компонент значения, состоящий в квантификации существования и меняющий коммуникативную полярность слова: ‘изредка’ ≈ ‘Бывают моменты времени Т, эти моменты бывают редко’. *Изредка* — это слово темы.

К контекстам, снимающим запреты на формирование тем и рем у определенных типов лексических единиц, относится контраст, в частности, слова контраста, такие, как *только* и *именно*, а также коммуникативная нерасчлененность.

Коммуникативные запреты и предпочтения — это словарные свойства большого класса лексем [Апресян 1988].

В докладе также демонстрируются фрагменты толкований лексем, имеющих пересечения с толкованиями контраста и эмфазы. Ограничения на коммуникативную функцию иллюстрируется звучащими примерами, просодия которых говорит об особенностях коммуникативной структуры предложений с такими словами.

Литература

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.